

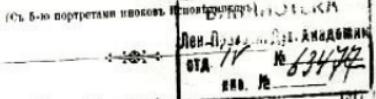

«Даје Мене ильница и власъ избѣгунъ, аще слово Мое соблюденіи и вѣри
соблюдунъ. Но сѧ вѣра творитъ сѧ за Имя Мое». (Ин. 15, 20).

ІС | ХР
ИИ | КА.

Моя борьба съ Имяборцами на Святой Горѣ

Иеросхимонаха Антонія (Булатовича)

ПИТРОГРАДЪ

Изд. «Исповѣдники»

Святая Гора Афонъ.

60 1558

298.6

Посвящается преосвященнейшему епископу Анатолию.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Ваше Преосвященство! Въ 1914 г., когда въ Думу былъ внесенъ запросъ по поводу волюющаго аеонскаго дѣла, Вы съ высоты думской каѳедры изволили бросить мнѣ въ лицо слѣдующее обвиненіе: будто вся аеонская смута обязана своимъ возникновеніемъ стремлению моему къ обогащенію насчетъ кассы скита. Мое боевое прошлое и мои научные экспедиціи въ невѣдомыя страны Африки, совершенныя мною во время нахожденія въ ВЫСОЧАЙШИХЪ командировкахъ, Вы тоже изволили охарактеризовать какъ авантюры ради поисковъ за тѣмъ же обогащеніемъ. Изволили Вы даже объяснить оставленіе мною военной службы и поступленіе въ монашество, тоже...тѣмъ же желаніемъ обогащенія... въ монашество!... На эти клеветы, чудовищныя по своей нелѣпости для всякаго, мало-мальски знающаго меня, я до сихъ поръ не отвѣчалъ. Впрочемъ, тогда же въ защиту мою (безъ моего вѣдома и желанія) выступили печатно: 1) мой товарищъ по лицоу, Г. Д. Крупенскій; 2) князь А. М. Орбеліані; 3) моя матушка Е. А. Булатовичъ, которая съ документами въ рукахъ доказала, что не я, а монастыри обогащался во все времена моего нахожденія въ немъ на мой счетъ. Наконецъ 4) въ защиту мою выступилъ даже мой словесный врагъ въ этомъ спорѣ за Имя Господне С. В. Троицкій.

Въ началѣ 1916 г. въ «Историческомъ Вѣстнике» появилось сочиненіе имѣбюра монаха Клиmenta, въ которомъ онъ до такой степени извратилъ фактическую сторону исторіи аеонской смуты, замолчавъ одни события и придавъ другимъ совершенно ложное освѣщеніе, что вынудилъ меня взяться за перо и восстановить

Петроградъ, дозволено военной цензурой 1 декабря 1916 года.

Тез. Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“. Зритель, 13

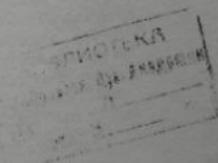
историческую истину событий. Такъ какъ Вы изволили въ отвѣтъ на открытое къ Вамъ письмо князя А. М. Орбеліани выразить желаніе, чтобы я самъ высказался объ аeonскихъ событияхъ и о моемъ участіи въ нихъ, и такъ какъ предлежащий трудъ является до нѣкоторой степени такимъ отвѣтомъ, то я осмѣливаюсь посвятить его Вашему Преосвященству, съ просьбой, прочитавъ его, еще болѣе убѣдиться въ томъ, какъ Вы изволили ошибиться въ Вашихъ опредѣленіяхъ.

Русскаго на Аeonѣ Свято-Андреевскаго скита (въ изгнаніи)
Иеросхимонахъ Антоній.

30 ноября 1916 года.

ИЕРОСХИМОНАХЪ АНТОНИЙ (БУЛАТОВИЧЪ).

I.

Въ январской книжкѣ «Исторического Вѣстника» за 1915 г. было помещено повѣстіование объ аѳонскихъ событияхъ 1912 г., озаглавленное «Черный бунтъ»; въ мартовской же книжкѣ 1916 г. была помещена статья, озаглавленная: «Имѣрджинческий бунтъ». Первая статья была написана г. Косвищевымъ, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе быть знакомымъ. Интересуясь аѳонскими событиями, онъ неоднократно посыпалъ меня, бесѣдоваль со мной, и я давать ему пользоваться иѣкоторыми документами. Бесѣдовалъ онъ также со многими лицами, вывезенными архиепископомъ Никономъ го Святой Геры. Но все же въ его описаніи аѳонскихъ событий имѣется маѳо негочестій. Авторъ другой статьи, монахъ Климентъ, былъ на Аѳонѣ однѣмъ изъ главарей той партии «имѣрдженцевъ», съ которой я боролся за честь и славу имени Господня. Его статья, написанная, по его словамъ, «во имя правды» и съ цѣлью «поставить рядомъ съ картиной г. Косвищева другую мартовую на одинъ съ нею сюжетъ»,—еще болѣе источно разражаетъ истинный ходъ событий и пренижняетъ тенденціозность. Цѣль монаха Клиmentа убѣдить читателя, что события, которыя произошли на Аѳонѣ,—это плодъ агитации єеросхимонаха Антоній и бунтъ противъ законной игуменской власти. О. Антоній академъ прельстился еретической книгой схимонаха Шларіена: «На горахъ Караказъ и, прельстившись, увлекъ въ ту же ересь братъ изъ скита. Но изъ описание о. Клиmentа исторіи аѳонской смуты съ цѣлью будто бы восстановить исказенную въ печати имѣрджинческими истину аѳонскихъ безпорядковъ и обличить имѣрджинческіе въ нихъ бунтовническихъ на Аѳонѣ дѣяніяхъ» вошли въведеніозныя вскаленія и умозрѣнія, что вынуждаетъ меня выступить съ обличеніемъ о. Клиmentа въ его исправдѣ. О. пристрастности и тенденціозности описаній монаха Клиmentа свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, самое заглавіе, которое онъ далъ своему труду: «Имѣрджинческий бунтъ или плодъ

учепи книги «На горахъ Кавказа», ибо то, что произошло на Святой горѣ въ 1912—1913 г.г., никакъ нельзя назвать «бунтомъ», а, во-вторыхъ, поднявшееся волненіе произошло не по винѣ книги «На горахъ Кавказа», а по винѣ агитации тѣхъ аеонскихъ ино-ковъ, которые стали проводить среди братіи мысль, что Имя Господне есть номинальное, простое собственное человѣческое имя, однаковое съ именами разныхъ другихъ «Иисусовъ» и безсильное въ божественныхъ дѣйствіяхъ.

Бунтомъ, какъ известно, называется возмущеніе подчиненныхъ людей противъ поставленной надъ ними законной власти, отъ которой они желаютъ избавиться, но не могутъ сдѣлать этого иначе, какъ путемъ насилія. Но на Аѳонѣ и въ Андреевскомъ скиту итогомъ выбирается самой братіей, причемъ статья 4-я устава Андреевского скита гласитъ, что братія въ случаѣ недовольства своимъ игуменомъ имѣетъ право смѣнить его простымъ большинствомъ голосовъ. Итакъ, могъ ли быть какой-нибудь бунтъ при этихъ условіяхъ? Разъ братія имѣетъ возможность, въ случаѣ недовольства своимъ начальствомъ, смѣнить его, то для чего же ей бунтовать?

Такъ на самомъ дѣлѣ и было: возмущенная имяборческими выходками своего игумена, братія Андреевского скита рѣшила смѣнить его и, пользуясь своимъ законнымъ правомъ, изложила его большинствомъ 302 голосовъ противъ 70, но игуменъ Иеронимъ, не желая разставаться съ властью, прибѣгъ ко вскімъ пронскамъ, доносамъ и клеветамъ и достигъ того, что, съ одной стороны, убѣдилъ посолскую власть въ Константинополѣ, что недовольство противъ него братіи есть бунтовщическое дѣло, требующее вмѣшательства власти и употребленія силы для подавленія его, а, съ другой стороны, оклеветалъ братію передъ греческою церковною властью въ ерсіи, приспѣвъ ей такія богохульныя мнѣнія о Имени Господнемъ, которыхъ братія никогда не выражала. Наконецъ достигъ вмѣшательства въ аеонское дѣло и российской синодальной власти и такимъ образомъ цѣнно изгнаніе большинства братіи скита, цѣнною поправкою монастырскаго устава и всѣхъ Божескихъ и человѣческихъ законовъ справедливости удержало свою игуменскую власть. Главныемъ его сподвижникомъ и вдохновителемъ во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ былъ толь самыи монахъ Климентъ, который пытѣй выступилъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» съ цѣлью «возвративши искаженную имябожицами истину» и нарисовать «другую картину», нежели ту, которую нарисовалъ г. Косвинцевъ, въ другихъ красками «на тотъ же сюжетъ». Какова эта картина, каковы краски и каково сюжетъ, читатель увидитъ ниже.

Итакъ, во-первыхъ, о. Климентъ приписываетъ вину всего богословскаго спора книго о. Иларіонѣ и говорить, что начало бо-

гословскімъ спорамъ на Аѳонѣ положили еиваандскіе пустынники, которые, прельстившись «ерсью» Иларіона, стали проповѣдывать ее на Аѳонѣ и повели «агитацию» противъ тѣхъ, которые не соглашались съ ихъ мнѣніемъ. Но такъ ли это? Еиваандскіе скиты представляютъ собою дисциплинированную, убогую, смиренную, кроткую и молчаливую братію, совершение неспособную къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыми ей приспѣвалъ о. Климентъ. Часть этой братіи живеть общежительной жизнью въ самомъ ските и проводить время въ трудѣ на разныхъ послушаніяхъ, выставная долговременный аеонскій богослужебныи, весьма мало интересуясь какими-либо богословскими вопросами, Эта часть братіи, за весьма малыми исключеніями, книго о. Иларіона не читала. Другая часть братіи живеть въ далеко отстоящихъ другъ отъ друга каливахъ, уединено, безмолвно, трудясь на своихъ рукодѣліяхъ; всю недѣлю безвыходно пребывающа по своимъ каливамъ, а наканунѣ праздниковъ, отслушавъ обѣдню и пообѣдавъ въ трапезѣ, молчаливо возвращается по домамъ. Среди этихъ ино-ковъ есть выдающиеся подвижники, весьма начитанные въ святоческой литературѣ, есть искусные дѣлатели Иисусовой молитвы; большая часть изъ нихъ люди престарѣлые, и, такимъ образомъ, и эта часть не была способна осуществить тѣ агитаторскіе дѣйствія, какія ей приспѣвали о. Климентъ. Среди этихъ ино-ковъ было нѣсколько человѣкъ, которые читали книгу о. Иларіона; эта книга имъ весьма понравилась, ибо въ ней о. Иларіонъ изложилъ то самое ученіе о молитвѣ Иисусовой, которое они искони познали изъ святоческихъ творений. Итакъ, возможно ли было ждать какой-либо агитации отъ этихъ ино-ковъ, если бы даже на самомъ дѣлѣ они прельстились ерсью Иларіона? Эта ересь могла бы остаться только въ нихъ самихъ, ибо, не имѣя общенія другъ съ другомъ, не имѣя возможности учить и проповѣдывать, какъ могли они прельсти ино-ковъ на Святой Горѣ? Очевидно, что утвержденіе о. Клиmentа ложно, и причину волненія надо искать въ другихъ и въ другомъ. Въ дѣйствительности вину аеонской смуты явилась не книга о. Иларіона, а статья ино-ка Хрисанфа, написанная противъ книги о. Иларіона, въ которой тотъ опровергалъ издавна существующія святоческія мнѣнія о молитвѣ Иисусовой и о Божественномъ достоинствѣ и Божественной силѣ Имени Господни и тѣмъ возмутилъ простецовъ, безмолвниковъ, молитвениковъ и старцевъ еиваандскихъ. Вотъ гдѣ первый поводъ къ аеонской смутѣ. Затѣмъ эта смута разрослась въ большое возмущеніе, когда среди аеонитовъ явились агитаторы тѣхъ мнѣній, которыхъ высказалъ ино-къ Хрисанфъ. Таковыми были высококультурные ино-ки о. Алексѣй Кирѣевскій, іеромонахъ Феофанъ и др., которые прельстились раціоналистическими мнѣніями о Имени Иисусовомъ, что

ЭТО ИМЯ есть простое собственное имя человѣческое, одинаковое съ прочими человѣческими собственными именами, и потому не может иметь того первостепенного значенія въ молитвѣ Иисусовой, како ему придается о. Иларіонъ, и отнюдь не можетъ якобы быть называемымъ — Са́мимъ Богомъ. Вотъ эта-то проповѣдь ми́ній, впервые высказанныхъ инохомъ Хрисанеомъ и дѣятельно распространяемая о. Алексѣемъ Кирѣевскимъ, и вывела изъ состояния глубокаго покоя афонское вѣрующее простое иночество. Простечи инохи стали смотрѣть на проповѣдниковъ этой новой имѣборческой ерсїи о. Хрисанфа и его единомышленниковъ, каѣтъ на еретиковъ, начали сторониться отъ нихъ, уходить изъ церкви, тѣмъ служили эти лица, перестали принимать отъ нихъ благословенія. Но сторонники о. Хрисанеа были весьма влиятельны на Аѳоѓѣ, имѣли связи съ россійскими духовными сферами. Ихъ открыто поддерживалъ архіепископъ Антоній Храповицкій. Не мудрено поэтому, что на ихъ сторонѣ оказалось монастырское начальство Фиваиды. Начались репрессіи, который и содѣствовали усиленію проповѣди имѣславіи и обличенію имѣборчества. О. Кирѣевскій проповѣдалъ ересь, пустынники защищали вѣру православную во Имя Господне, а начальство становилось на сторону «еретиковъ» и налагало кары на всѣхъ подвижниковъ и пустынниковъ. Изъ сказанного ясно, что утверждение о. Клиmentа, будто «иинайды, прочитавши книгу о. Иларіона, стали бѣгать по Святой горѣ, агитировать и всѣхъ приуждать принимать «этотъ новый догматъ», расходится съ истиной.

Такъ же произвольно и невѣро названіе исповѣданія Божественнаго достоинства и Божественной силы Имени Господня — «новымъ догматомъ». Этотъ догматъ: «Имя Божіе — Самъ Богъ, Имя Господа Иисуса Христа — Самъ Господь Иисусъ Христосъ» — далеко не новый. Еще въ VII вѣкѣ его высказалъ св. Григорій Синаитъ, говоря, что «молитва есть Богъ дѣйствуй вся во всѣхъ», а во II вѣкѣ св. Иустинъ Философъ сказалъ о Божественныхъ истинахъ Божественнаго откровенія, что — «истина есть Богъ». Въ XI вѣкѣ св. Симеонъ Новый Богословъ, раскрывая тайну Божества Именъ Божіихъ, выразилъ ясное ученіе въ своемъ 62-мъ словѣ объ Именахъ Божіихъ, говоря, что эти имена, будучи словами текучими и простирами, когда они относятся не къ Богу, суть Свѣтъ свѣтотѣстственный и Богъ истиинный, когда они относятся къ Господу Богу. Это самое выразилъ о. Іоаннъ Кронштадтскій словами: «Имя Божіе есть самъ Богъ». Это самое высказалъ св. Тихонъ Задонскій, говоря, что — «Имя Божіе Свято само въ себѣ и заключаетъ въ себѣ Божественные свойства»; это самое высказалъ архіепископъ Игнатій Брянчаниновъ, говоря, что сила молитвы Иисусовой заключается въ силѣ призывающаго и исповѣдуемаго Имени Господа Иисуса Христа. Этую самую истину высказывали и дру-

гіе святые и учители Церкви, ее повторилъ схимонахъ Иларіонъ, престарѣлый подвижникъ кавказской. Книга его, изданная впервые съ разрешенія духовной цензуры въ 1907 г., была затѣмъ повторена. Въ 3-й разѣ въ количествѣ 10.000 экземпляровъ она была издана Киевской Печерской лаврой.

Итакъ, не ясно ли, что не положительное ученіе о. Иларіона было виною смуты, но отрицательное ученіе иноха Хрисанеа возбудило споръ и вывело изъ инертности кроткую, послушную, не мудрствующую чернью массу? Было это такъ: ревность изъ которыхъ властныхъ абоитовъ къ славѣ своей обители и зависть ихъ къ возрастающей славѣ Кавказа, которая возрастала благодаря книгѣ о. Иларіона и привлекала вниманіе христіанского міра къ пустыньямъ кавказскимъ, боязнь того, чтобы это не отвлекло благочестивыхъ искателей спасенія отъ горы Аѳонской — на Кавказъ, а за ними и щедрыхъ жертвъ хрістолюбивыхъ жертвователей, наконецъ личные счеты заправлены Пантелеімоновскаго монастыря духовника Агаѳодора — вотъ причина возникновенія на Аѳонѣ агитации противъ книги о. Иларіона. Агитация началась съ раскрытиюванія книги о. Иларіона по инициативѣ иноха Хрисанеа. Университетъ Хрисанеа поселился на Аѳонѣ въ 1881 г., уѣхавъ изъ Россіи вслѣдствіе принадлежности своей къ пигиалистамъ. Здѣсь онъ скрылся подъ другой фамиліей въ Ильинскомъ скиту. Къ нему-то и обратился духовникъ Агаѳодоръ, чтобы написать възраженіе на книгу о. Иларіона. Инохъ Хрисанеа, взявши за предложенную ему критику, «остановился, во-первыхъ, на словахъ о. Иларіона: «Имя Божіе — есть Самъ Богъ», или еще, какъ выражается о. Иларіонъ: «Имя Божіе въ молитвѣ — есть какъ бы Самъ Богъ для молящагося», — и въ эту глубокую тайну христіанства возвинилъ присущий ему рационалистico-скептический скандалъ. Рецензія инициаторомъ аѳонской смуты о. Агаѳодоромъ была передана на просмотръ маститому иинайдскому старцу-схимнику Мартиніану. Послѣдній былъ весьма начитаннымъ инокомъ, выдающимся подвижникомъ, пользующимся уваженіемъ у пустынниковъ скита, и, естественно, онъ возмущенъ былъ кощунственной рецензіей. Возмутились ею и другие пустынники, ознакомившись съ рецензіей въ рукописи, что высказали о. Агаѳодору. Однако о. Агаѳодоръ не принялъ во вниманіе ихъ ми́ній и не только не остановилъ распространенія этой рецензіи, но напечаталъ ее съ благословенія архіепископа Антонія въ «Русскомъ Иноѣ». О. Иларіонъ на эту «рецензію» отвѣтъ свой озаглавилъ «Рецензія на рецензію» и приложилъ его ко второму изданію своей книги «На горахъ Кавказа».

У иноха Хрисанеа появился весьма дѣятельный проповѣдникъ его идеи въ лицѣ о. Алексѣя Кирѣевскаго. Происходя изъ хо-рошой и богатой дворянской семьи Орловской губерніи, пройдя

нѣсколько курсовъ университета и одинъ или два курса духовной академіи, ойтъ покинулъ мѣръ и прѣхаль иночествовать на Аеонъ. Здѣсь ему понравилась пустынная епвандская мѣстность, гдѣ онъ себѣ построилъ небольшую иноческую келью, вѣриѣ, виллу, и благодушествовать, но не подвизался, занимался болѣе чтеніемъ, чѣмъ молитвою, и болѣе развлечениемъ и посѣщеніемъ другихъ обитателей, чѣмъ безмолвіемъ уединеніемъ. Во времѣ одного изъ своихъ скитаній по пустыннымъ каливамъ скита онъ посѣтилъ одного подвижника, дѣлателя Иисусовой молитвы, въ день его ангела. Пустынникъ гостепримъ угостилъ его, чѣмъ могъ, и вътъ во времѣ бесѣды съ пустынникомъ о. Алексѣй завѣтъ рѣче о молитвѣ Иисусовой, о книгѣ о. Иларіона, и дерзко высказалъ слѣдующее мѣяніе: «Ну что такое имя Иисуса, что о. Иларіонъ придастъ ему такое значеніе въ Иисусовой молитвѣ?.. простое человѣческое собственное имя, какъ и другія имена человѣческія». Эти слова покоробили благоговѣйного инона, смущили его, и онъ попросилъ о. Алексѣя оставить его и удалиться изъ его келии. О. Алексѣй ушелъ, но своей проповѣди не прекратилъ и стала высказывать свою мнѣніе объ Имени Иисусовомъ и передъ другими братіями скита. Это повело къ тому, что стали смотрѣть на него, какъ на еретика, перестали брать отъ него благословеніе, начали отказываться служить съ нимъ вмѣстѣ литургію. Вотъ тогда-то и началось то, о чёмъ говорить о. Климентъ, что инона епвандскіе «забѣгали по Святой Горѣ». Но «забѣгали они»—не ради агитации, а для того, чтобы усокониць свой смущенный духъ, возмущенный отрицаніемъ Божества Имени Господня, которое они услыхали изъ устъ о. Алексѣя Кирѣевскаго. Къ кому же побѣжали инона? Побѣжали они къ уважаемымъ подвижникамъ; побѣжали къ людямъ, извѣстнымъ своей начитанностью, своимъ образованіемъ на Аеонѣ, чтобы сообщить имъ и пожаловаться на то, что они услыхали отъ о. Алексѣя. Но подвижники простенѣ аеонісіе не нашли у высокообразованныхъ инона въ того, чего искали, ибо высокообразованные инона оказались единомышленниками съ о. Алексѣемъ, и споръ расстроился. Тогда инона обратились къ монастырскимъ властямъ съ жалобами на неслыханные до тѣхъ мѣянія, но тѣ, не имѣя ни достаточнаго духовнаго опыта, ни богословской образованности, и, кроме того, подстрекаемые Агаевородомъ, положились на мѣяніе образованныхъ единомышленниковъ о. Хрисанфа и о. Алексѣя и не дали должнаго разрѣшенія начавшему спору. Отъ этого смута еще больше увеличилась. Ревнующій не по разуму и оскорблений отношеніемъ къ нему простенѣ и необразованныхъ пустынниковъ, которыхъ онъ называлъ «ланотниками», «сухарниками», о. Алексѣй сталъ писать своему покровителю архиепископу Антонію Храповицкому, представляя ему всю начавшуюся смуту въ своемъ освѣщеніи п

оклеветывая пустынниковъ, которые якобы обожествляютъ самые звуки и буквы имени «Иисусъ», въ отвлечении отъ Бога. Давъ вѣры этой клеветѣ, архиепископъ Антоній письменно похвалилъ о. Алексѣя за его ревностную проповѣдь (вопросъ: чего?—узы, не вѣры, но не вѣра во Имя Господне), уѣщалъ его «въ переносимыхъ иль ради этой проповѣди обидахъ, скорбяхъ, причиняемыхъ ему темными, необразованными фанатиками-епвандцами, и поощрялъ его продолжать свою дѣятельность въ прежнемъ духѣ.

Таково истинное начало смуты. Читатель можетъ видѣть, какъ несогласно съ правдой и насколько тенденціозно утвержденіе о. Клиmentа, будто во всемъ виновата книга «На горахъ Кавказа», и какъ ложна то, что онъ рассказывалъ, что будто бы, «усвоивъ ученіе о. Иларіона, помянутые инона стали распространять его въ своемъ скиту въ Овіандѣ. Первое время пропаганда не имѣла успѣха, такъ какъ изъ среды епвандцевъ выступили противники этого нового ученія, вслѣдствіе чего начались въ скиту религіозные пререканія и споры. Имѣющіи повелія противъ противниковъ своихъ агитацию: злословіи ихъ всходѣ отъ всѣхъ требовали бѣгать отъ нихъ, какъ отъ заразы...» И затѣмъ о. Климентъ добавляетъ: «такимъ образомъ получилось начало насилия».

Но и это неправда. Начало насилия произошло совсѣмъ не такъ. Епванды тутъ не при чемъ. Начало послѣдовало отъ за-правилъ Пантелеимоновскаго монастыря, духовника Агаеворода и покорного ему игумена Мисаила. И на самомъ дѣлѣ, какое насилие могли бы примѣнить подначальные скиты къ властнымъ имѣбордамъ: о. Алексѣю, о. Хрисанту, о. Феофану, о. Агаевороду и къ другимъ. О. Хрисанфъ пребывалъ въ другой обители. О. Феофанъ жилъ на другомъ концѣ Аеона самостоительно и былъ недосыгаемъ для пустынниковъ епвандскихъ. И тѣмъ болѣе не-досыгаетъ былъ для пустынниковъ дѣйствительный глава всего Пантелеимоновскаго монастыря о. Агаевородъ. Можетъ быть, о. Климентъ называетъ насилиемъ то, что пустынники стали сторониться о. Алексѣя и бѣгать отъ него, и осуждать его мѣяніе предъ другими, но это насилие назвать никакъ нельзѧ. Нельзѧ назвать эти дѣйствія ни пропагандой, ни агитацией, которая велась бы якобы пустынниками по какому-то заранѣе обдуманному плану, ибо это было всѣцѣю стихійнымъ проявленіемъ оскорбленааго духовнаго чувства каждого. Каждому благочестивому простецу казалось грѣшнымъ брать благословеніе во Имя Господне, и для ихъ духовнаго чувства тягостнымъ ощущалось присутство-ваніе за божественной литургией, которую служилъ хулитель. Однако во всѣхъ прочихъ сионеніяхъ съ о. Алексѣемъ инона не позволяли себѣ никакихъ дерзостей и не наносили ему никакихъ оскорблений. Но гдѣ же настояще начало насилия? Начало

насилії произошло тогда, коли о. Агафодоръ побудиль игумена Мисайлъ начать репрессивныя дѣйствія противъ тѣхъ, которые отказались братъ благословеніе у о. Алексѣя или отказывались отъ сослуженія съ нимъ. Вотъ тутъ-то и началось истинное насилие со стороны мощныхъ и властныхъ игуменовъ, поощряемыхъ къ тому же архиепископомъ Антоніемъ Храповицкимъ. И вотъ начались изгнанія изъ скита, запрещеніе священнослуженія, отлученіе отъ св. причастія, наложenie разныхъ дисциплинарныхъ взысканій. Такъ, напримѣръ, иеродиаконъ Маркитъ за то, что отказался въ Великомъ посту 1912 года служить вмѣстѣ съ о. Алексѣемъ быть отлученъ игуменомъ Мисайломъ на 3 года отъ священнослуженія, лишеннъ права носить куколь и переведенъ на низшее послушаніе въ кухню. За 1911 годъ было удалено или вынуждено къ удаленію изъ скита 8 лицъ за несогласіе въ мнѣніяхъ съ отцомъ Алексѣемъ. Но гдѣ же тѣ насилия со стороны имѧславцевъ, о которыхъ говорить о. Климентъ? Пусть указаетъ хоть одно. Въ дѣйствительности и инициаторами аѳонской смуты, и пропагандистами «новаго догмат», и агитаторами, отгнавшими миръ у Святой Горы, и насильниками, и злыми клеветниками, злословящими убогихъ иноковъ ювандакскихъ, явились аѳонскіе имѧборцы, а не имѧславцы; явилась кучка лицъ, державшихъ въ своихъ рукахъ власть въ союзѣ съ высокообразованными интеллигентами и полуобразованными полуинтелигентами аѳонскими, и эта сторона, въ противность утвержденію о. Клиmentа, явилась стороной нападающей, имѧславы же, безправные, убогіе и малообразованные въ свѣтскихъ наукахъ, но глубоко начитанные въ святоотеческихъ книгахъ и опытные въ подвигѣ молитвы,—явились стороной оборононющейся, каковой они суть и доселѣ.

II.

Несуразно и противоположно истинѣ объясненіе о. Климентомъ происхожденія аѳонской смуты вообще и объясненіе его обо всемъ, что произошло затѣмъ въ Андреевскомъ скиту, чому онъ придастъ характеръ бунта, поднятаго мною.

До обостренія дошелъ споръ въ ювандѣ къ Пасхѣ 1912 года. Въ теченіе трехъ лѣтъ, что продолжался споръ, я никакого участія въ немъ не принималъ, и даже не былъ знакомъ съ близкайшими дѣятелями спорящихъ сторонъ, ибо жизнь я вѣль весьма замкнутую, безмолвную, одинокую, всецѣло была занять своимъ подвигомъ, за ограду обители никогда не выходилъ, и не только не зналъ ни лицъ, ни дѣлъ другихъ обителей, но даже и въ своей обители многихъ иноковъ не зналъ по имени, держа себя совершенно въ сторонѣ отъ всѣхъ дѣлъ. Не зналъ я также и того, что дѣлается на бѣломъ

свѣтѣ, ибо абсолютно никакихъ журналовъ, ни газетъ не читалъ. Послѣ рукоположенія моего въ іеромонахи въ 1910 году я съ благословеніемъ своего игумена въ 1911 году отправился въ Абиссинію, дабы посѣтить моего воспитанника, котораго я нѣкогда брошеннымъ и раненнымъ младенцемъ подобралъ во время одной изъ экспедицій, совершенныхъ мною совместно съ абиссинскими войсками въ нѣбѣдомыхъ странахъ Африки. Этого мальчика я вывезъ въ Россію, крестилъ, воспиталъ, а затѣмъ по сорѣту о. Іоанна Кронштадтскаго возвратилъ его на родину, и теперь, послѣ трехлѣтней разлуки съ нимъ, желалъ его повидать и преподать ему причастіе св. тайнъ, котораго онъ съ тамъ за неимѣніемъ православныхъ сиящиковъ имѣть не могъ. Пробывъ около года въ Абиссиніи, я возвратился въ январѣ 1912 года иновѣтъ свой прежній замкнутый образъ жизни и продолжалъ бы, вѣроятно, его и поднесъ, если бы Промыслъ Божіему не угодно было выдвинуть и мое убожество и непотребство на защиту всесвятѣйшей святыни, данной человѣку,—Имени Господня,—и удостоить мое недостоинство славной доли сопчастія быть гонимымъ за Имя Господне вмѣстѣ съ истинными рабами и исповѣдниками Госуſу Христовыми имѧславцами аѳонскими.

Но насколько въ ювандѣ истиннымъ виновникомъ смуты былъ о. Алексѣй Кирѣевскій и его проповѣдь имѧборческихъ мнѣй, которая возмутила духъ истинныхъ православныхъ, настолько же и въ Андреевскомъ скиту истинными возбудителями смуты были такие же проповѣдники имѧборчества, единомышленники о. Алексѣя Кирѣевскаго, монаха Хрисанѣа и другихъ—о. Климентъ, Меркурій и Еронимъ. Насколько въ ювандѣ скитяне исповѣдники Божества Имени Господне были стороной оборононющейся, а имѧборцы стороной атакующей, настолько же въ Андреевскомъ скиту атакующей стороной былъ о. Еронимъ; мнѣ же пришлось только защищаться, юрїѣ, защищать Имя Господне отъ посягательствъ на его Божество и силу имѧборцевъ. Если въ ювандѣ скитяне были выведены изъ своего покоя хульными выходками имѧборцевъ, то въ Андреевскомъ скиту они были выведены изъ него хульными словами архимандрита Еронима и его единомышленниковъ Клиmentа и Меркурія. Въ ювандѣ возмущеніе разрослось благодаря репрессіямъ, примѣненнымъ игуменомъ Мисайломъ противъ защитниковъ Имени Господня, ибо эти репрессіи сдѣлали для всякаго простеца очевиднымъ имѧборческий образъ мыслей своего начальства, несогласный къ корыѣ съ исконнымъ образомъ мыслей братіи обѣ Имени Господнемъ. Въ Андреевскомъ же скиту возмущеніе было вызвано преслѣдованіемъ о. Еронимомъ нѣкоторыхъ исповѣдниковъ Имени Господня.

Но о. Климентъ хотѣть приписать всю вину возмущенія Андреевского скита моей якобы агитациѣ. Не надо быть особо вниматель-

нымъ, чтобы видѣть несугубость приписываемаго мѣф. Климентомъ участія въ аеонской смутѣ. О. Климентъ самъ говоритьъ, что при начаѣ смуты и никакого участія въ спорѣ не принималъ и только въ 1912 году вступилъ въ ряды «имабожниковъ». Послѣ «появленія речеиціи Хрисанѳа»,—пишетъ онъ,—ряды имабожниковъ стали рѣдѣть,—и вотъ оставившися имабожники вошли вербовать въ свою рать «лицензіста» Антонія Булатовича, который дотолѣ стоялъ якобы на сторонѣ имаборцевъ, но по усиленной просьбѣ имабожниковъ «въ концѣ концовъ» уступилъ имъ и сталъ въ ряды имабожниковъ, где проявилъ необычайно кипучую дѣятельность, развили новый догматъ о. Иларіона, увлекъ за собою всю Аеонскую гору, закидавъ ее своими прокламаціями, наполнивъ ее проповѣдями своихъ агентовъ, составивъ и систематически осуществивъ и зарѣбѣшій планъ завладѣнія всѣми аеонскими обителими и смысливъ всѣхъ игуменовъ и т. п. «Имабожники»,—продолжаетъ о. Климентъ,—знали, что въ Андреевскомъ скиту есть лицемѣсть, къ которому они и обратились съ просьбою выступить на защиту нового догмата. Однако о. Булатовичъ оказался противникомъ его, встрѣтилъ ихъ всѣма недружелюбно и на первыхъ порахъ сильно противился имъ.... но послѣ немногихъ пререканій о. Булатовичъ согласился съ ними и принялъ новый догматъ, и сталъ во главѣ защитниковъ имабожнической ереси. Это было въ февралѣ 1912 года. Затѣмъ онъ проявилъ, по словамъ о. Клиmentа, «такую небывалую кипучую дѣятельность, что увлекъ за собою все монашество и перевернулъ вверхъ дномъ всю Святую Гору....».

Но спрошу читателя: возможно ли психологически на самомъ дѣлѣ что-либо подобное? Возможно ли, чтобы человѣкъ, будучи противныхъ религиозныхъ убѣжденийъ, ради одной только просьбы какихъ-то неизвѣстныхъ ему инооковъ, обиженныхъ на какую-то «речеицію» и несогласныхъ съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ ней,—возможно ли, чтобы этотъ человѣкъ, который сначала принялъ этихъ инооковъ недружелюбно, считалъ ихъ прельтившимися, затѣмъ, ради одной только просьбы ихъ, уступилъ имъ въ своихъ убѣжденіяхъ, перемѣнилъ ихъ послѣ немногихъ пререканій и въ угоду имъ ни съ того, ни съ этого виновно сдѣлялся бы главой тогодвиженія, въ которомъ онъ три года не принималъ никакого участія, а затѣмъ вдругъ развелъ бы высказанное имъ мнѣніе въ цѣломъ богословское учение, написалъ бы въ защиту его цѣлый рядъ книгъ и брошюръ, которыхъ о. Климентъ называетъ «прокламаціи», увлекъ бы своимъ проповѣдью массу народа, составилъ бы и осуществилъ сложный и коварный планъ захватъ власти въ двухъ обителяхъ, и все это въ теченіе не сколькохъ мѣсяціевъ.... Конечно, то, что утверждаетъ о. Климентъ, есть совершенная нелѣпость—психологически и невозможность—фактически; и очевидно, что какъ въ описаніи началася смуты о. Климентъ, «не желая правды сказать и не умѣя глядко

сократъ», умолчалъ объ истинныхъ причинахъ смуты, такъ умолчалъ онъ о нихъ и въ Андреевскомъ скиту.

Но возстановимъ эти замалчиваемыя событія. Я уже говорилъ, что въ скиту я жилъ весьма замкнуто и сосредоточенно, ни съ кѣмъ почти общевши не имѣлъ, не интересовалъ текущими событіями, ничего посторонняго не читалъ и никуда не выходилъ. Когда въ 1908 году появилась книга о. Иларіона и о. Агаѳодора началь свою агитацию противъ нея, то онъ между прочимъ приспалъ одинъ экземпляръ этой книги игумену Ерониму съ слѣдующей attestацией: «Очень вредная книга, написанная въ духѣ Фаррара», которую онъ предлагалъ отдать для раскрытия между прочимъ и мнѣ. Поэтому о. Еронимъ, призвавъ меня, сказалъ, что вотъ онъ получилъ изъ Пантелеимоновского монастыря книгу «На горахъ Кавказа», о которой ему пишутъ, что она вредна и написанная въ духѣ Фаррара, и предлагаетъ прочитать ее и письменно изложить мое о ней сужденіе и указать, что въ ней худого. Я во исполненіе долга послушания взялъ книгу, поклонился и пошелъ домой, гдѣ стала читать ее. Дойдя до утвержденія о. Иларіона, что сущность и дѣйствительность молитвы Иисусовой зиждется на силѣ призывающаго Божественнаго Имени Господа Иисуса Христа, къ которому молитвяйся долженъ относиться, какъ къ Самому Господу Иисусу, и которое есть Самъ Онъ Господь Иисусъ Христъ, и обозначился этими словами и мнѣ они показались неправильными. Но, читая дальше, я увидѣлъ съ удовольствіемъ прекрасно наложенное свидетельское ученіе о молитвѣ Иисусовой. Такъ какъ я итакъ приказалъ мнѣ письменно изложить мое сужденіе обѣ этой книгѣ, то я рѣшился, во-первыхъ, написать письмо о. Иларіону, въ которомъ протестовать противъ этого выраженія: «Имя Господа Иисуса Христа Самъ Господь Иисусъ Христъ»—ибо для меня, тоже неѣсколько отравленного rationalismomъ ума и тоже склоннаго страха и благоговѣнія къ слову и къ Имени Божиимъ соблазнительнымъ показалось, какимъ образомъ то имя, которое произносится моими устами, мыслится моимъ мыслемъ, можетъ быть Самимъ Богомъ. «Не есть ли такое утвержденіе о. Иларіона обожествленіе твари?» подумалось мнѣ. Эти мысли я высказалъ въ моемъ письмѣ о. Иларіону и положилъ письмо подъ образами съ намѣреніемъ отнести его къ игумену и затѣмъ послать по первой почтѣ о. Иларіону. Но когда я написалъ это письмо, то изъ меня навалилась какая-то особенная сердечная тягота и какая-то безконечная пустота, хладность и темнота овладѣли сердцемъ. Чувствовалось, оставленіе благодати Божией; молитва сдѣлялась безздѣйственной, богослуженіе не доставляло утешенія. Я страдалъ, но причиной этого страданія не понималъ и не подозрѣвалъ того, что виной ему было отрицаніе мною Божества Имени Господня. Очевидно, что и мнѣ предстояло безповоротно отступить отъ Имени Господня подобно тому, какъ отсту-

пли Хрисанф, Алексей, Феофан и другие интеллигенты и полуинтеллигенты на Аеопѣ и въ Россіи, если бы не спасла меня молитва моего незабвенного духовного отца, Иоанна Кронштадтскаго. Отпустила меня на Святую Гору, онъ мнѣ сказалъ нѣсколько прозорливыхъ предсказаній, относившихся и до сей имѣябрской ереси, которая и обусловлена, и однажды вручилъ мнѣ свою книгу со словами: «Вотъ тебѣ въ руководство». Эту книгу я получила при слѣдующихъ необычныхъ обстоятельствахъ. 26 августа 1903 года мы вмѣстѣ съ моимъ бывшимъ игуменомъ о. Георгіемъ пріѣхали въ Кронштадтъ, желая повидать дорогого батюшку. Но его не было дома. Онъ былъ въ Петроградѣ и долженъ быть пріѣхать только вечеромъ. Проходи мимо его дома, я мысленно пожелалъ: «хоть бы мнѣ батюшка дать какое-нибудь словечко въ руководство». Вечеромъ о. Иоаннъ пріѣхалъ, мы съ о. Георгіемъ пошли къ нему на квартиру. Наступили, и о. Георгій прошелъ къ нему въ комнату, а я, какъ смиренный послушникъ, остался ждать на кухнѣ, не дразнить беспокойта батюшку въ такой поздней часъ. Тамъ я сидѣлъ въ ожиданіи, пока выйдетъ о. Георгій, и, счастливый тѣмъ, что побывалъ хотя на квартирѣ у дорогого батюшки, мирно сидѣлъ въ уголочкѣ и занимался Иисусовой молитвой. Каково же было мое удивленіе, когда вдругъ самъ о. Иоаннъ пришелъ на кухню и, направившись ко мнѣ, ласково привѣтствовалъ, поцѣловавъ и повелъ къ себѣ въ комнаты. Спросивъ меня о моемъ духовномъ житѣ-бытѣ, онъ вдругъ повернулся, побѣжалъ въ другую комнату и оттуда вынесъ свою книжку и, вручилъ ее мнѣ, сказавъ: «Вотъ тебѣ въ руководство». Не надо говорить, какъ я былъ осчастливленъ этимъ даромъ, съ которымъ я, конечно, не разстались и поднесъ, и вотъ эта-то книжка воистину руководствовала меня со спасеніемъ отъ той увлекательной и тонкой ереси приравненія Имени Господня слову человѣческому, которую врагъ ополчился противъ православія въ послѣдніе дни. Итакъ, страдая духомъ и не находя себѣ места, я какъ-то случайно остановилъ взоръ свой на этой книжкѣ о. Иоанна «Мысли христіанина», взялъ ее въ руки и, машинально открылъ, увидавъ передъ глазами своими слѣдующія слова: «Когда ты про себя въ сердцѣ говоришь или произносишь Имя Божіе, Господа, или Пресвятой Троицы, или Господа Саваофа, или Господа Иисуса Христа, то въ этомъ Имени ты имѣши все существо Господа: въ немъ Его благость безконечная, премудрость безпрѣдельная, сѣбѣ непріступный, всемогущество, искромѣнность. Со страхомъ Божіимъ, съ вѣрою и любовью прикасаися мыслами и сердцемъ къ этому величайшему, всесодержащему, всесуправляющему Имени. Вотъ почему строго запрещаетъ заповѣдь Божія употреблять Имя Божіе всуе, потому, то-есть, что Имя Его есть Онь Самъ—единный Богъ въ трехъ лицахъ, простое существо, въ единомъ словѣ изображающееся и въ то же время не заключаемое, то-есть не ограничиваемое имъ и ничемъ сущимъ».

«Великія Имена: Пресвятая Троица, или Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, или Отецъ, Слово и Святый Духъ, призванный съ живою, сердечной вѣрою и благоговѣніемъ, или воображеніемъ въ душѣ, суть Самъ Богъ и изводить въ нашу душу Самого Бога въ трехъ лицахъ» (стр. 46).

Я вспомнился, перекрестился и, воблагодаривъ Бога за вразумленіе, немедленно же разорвалъ мое письмо къ о. Иларіону и скрѣгъ его, и тутъ же отнялась отъ меня та безутешная тягость сердечная, которая меня такъ обременила послѣ написанія письма, и я снова пришелъ въ свое прежнее духовное устройство. Книгу я отнесъ къ о. игумену со словами, что худого въ ней ничего не нашелъ, что учение о молитвѣ Иисусовой изложено въ ней прекрасно, весьма легко и удобочитально, и что общаго съ Фаррапомъ въ ней абсолютно ничего нѣтъ, но, наоборотъ, книга весьма духовна и написана въ духѣ сияющихъ отцовъ. Затѣмъ я возвратился къ мопъ обычнымъ занятіямъ и больше этимъ вопросомъ не занимался. Все это произошло, насколько я помню, весною 1909 года. Ни о. Хрисанфе я не знала и о немъ тогда еще ничего не слыхала, не было я также знакома съ кѣмъ либо изъ евангельцевъ. Въ 1910 году въ Андреевскій скитъ поступилъ одинъ иеродиаконъ изъ Оіванды и поселился подобно мнѣ въ особой калиѣ въ рощѣ скита. Онъ сталъ посѣщать меня, и отъ него я узнала впервые о происходившемъ въ Оівандѣ волненіи. Онъ же привѣлъ ко мнѣ однажды и зашедшаго къ нему евангельца. Въ 1911 году я побѣжалъ въ Абиссинію и вернулся 8 января 1912 года. Здѣсь, опять-таки черезъ этого иеродиакона, я узнала о тѣхъ гоненіяхъ, которымъ подвергались евангельцы со стороны ихъ начальства за исповѣданіе Имени Господня и которая вынудили покинуть скитъ многихъ евангельцевъ и выѣхать на Кавказъ. Отъ него я узнала и о той дѣятельности о. Алексѣя и иноковъ-интеллигентовъ, которая такъ возмутила простецкій скитъ. Этотъ же иеродиаконъ познакомилъ меня и съ возможительной корреспонденціей, посланной въ «Колоколь» инокомъ Динасіемъ, въ которой этотъ полуинтеллигентъ оклеветалъ евангельцевъ какъ обожествляющихъ якобы самое тварное Имя Господне, то-есть по видѣшіи его сторонѣ; принесъ мнѣ также этотъ иеродиаконъ книжку «Русскаго Ионка» съ пресловутой «рецензіей» Хриблюа, наконецъ привѣлъ онь ко мнѣ также впервые скитъ старца Иринея и иеромонаха Феодорита, которые мнѣ пла-кались на прискорбное и бѣдственное положеніе ихъ и побѣдали о тѣхъ глумлениихъ и возможительныхъ выходкахъ имѣябрцевъ, которыхъ такъ возмутили скитъ. Я отнесся со большими сочувствіемъ и состраданіемъ къ этимъ инокамъ и, узнавъ ихъ образъ мыслей, я не только не отнесся къ нимъ враждебно, какъ то приписывается мнѣ о. Климентъ, но, напротивъ, съ самаго начала выказывалъ мое полное единомышленіе съ ними въ пониманіи Имени Господня, ибо если я началъ, благодаря ходячей клеветѣ, пущенной интеллигентными

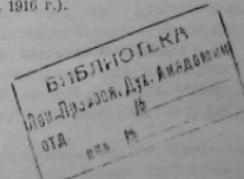
имяборцами, что мужики-скитяне самое тварное имя «Иисусъ» за Бога принимаютъ и ему отъ Бога отдельно поклоняются, я могъ и допустить возможность такого извращенія вѣры, то, побесѣдовавъ съ ними, и убѣдился, что это клевета, и поэтому счелъ своимъ долгомъ вступиться въ защиту ихъ и взяться за перо для обличенія этой клеветы и для возраженія противъ начинавшихъ господствовать имяборческихъ мнѣній объ Имени Господнемъ.

Каковы же были мои первые шаги въ той «кипучей дѣятельности», о которой говорить о. Климентъ, и каковы же были тѣ мои первыи агитационныи дѣйствія и прокламаціи, которыми я сталъ возмущать, по его словамъ, гору Аеонскую? Во-первыхъ, строго соблюда бѣть послушанія, я обо всемъ повѣдалъ своему игумену о. Иерониму и испросилъ его благословеніе написать въ журналъ Андреевскаго скита статью въ защиту Имени Божія. Получивъ это разрѣшеніе, я написалъ статью подъ заглавіемъ: «О почитаніи Имени Божія», и съ благословеніемъ о. игумена, который прочиталъ и подписалъ ее, послалъ ее въ Одессу въ редакцію журнала, въ которомъ она съ разрѣшеніемъ цензора и была помѣщена. Вопросъ о Имени Божіемъ, который сначала былъ для меня столь неясенъ, сталъ для меня все болѣе и болѣе выясняться, когда я во время богослуженія вникалъ въ слова возгласовъ, молитвъ и псалтыри, ибо я всегда наталкивался на явныи свидѣтельства Церкви о особомъ почитаніи ею Имени Божія и на особое значеніе, которое придавалось имени Господню въ богослуженіи. Эти мысли я высказалъ въ первой моей статьѣ—въ первой «прокламаціи»,—какъ называетъ о. Климентъ. Однако богословская глубина вопроса миѣ еще открыта не была. Тогда же была послана мною въ «Колоколь» статья въ опроверженіе клеветы на иноковъ євангельскихъ, въ которой я вымѣстъ съ опроверженіемъ клеветы высказалъ истинный образъ нашего пониманія Имени Господня, какъ не отдельнаго отъ Бога, и поиміаніе нами «Имя Божіе Самъ Богъ» въ томъ же смыслѣ, въ какомъ о. Иоаннъ Кронштадтскій говоритъ, т. е. въ смыслѣ присутствія Бога въ Имени Своемъ». «Колоколь» этой моей статьи не помѣстилъ. Въ Великомъ посту 1912 года мною написана была статья о молитвѣ Иисусовой и о Имени Иисусовомъ, и съ благословеніемъ игумена Иеронима, послана въ Петроградъ въ духовно-цензурный комитетъ и съ разрѣшеніемъ его отпечатана. Затѣмъ постепенно стали выходить съ свѣтъ слѣдующія книжечки «Русскаго Июка» съ продолженіемъ рецензій о. Хрисанфа, которая услужливый іеродиаконъ приносилъ миѣ для прочтенія. Миѣнія о. Хрисанфа объ Имени Господнемъ, которые онъ высказывалъ въ этихъ статьяхъ, глубоко возмущали меня. Но еще болѣе возмущила меня статья архіепископа Антонія Храповицкаго, помѣщенная амъ же. Сердце мое миѣ говорило, что эти худенія на Имѧ Господне требуютъ возраженія. Но кому было возражатъ? На Аеонъ—некому; въ Россіи же—кто дерзнистъ. Оставить же безъ возраженія

ПУСТЫННИКЪ. СХИМОНАХЪ ИЛАРИОНЪ.

Авторъ книги «На Горахъ Кавказа»
(скончался въ 1916 г.).

эти хулы на Имя Иисусово будет значить не только распять это Имя, но и в конец убить его и похоронить. Эти побуждения внушили мнѣ желание предпринять словесную защиту Имени Господня, и это произошло совершенно независимо от каких-либо других побуждений. Но, чувствуя свою недостаточность к такому великому дѣлу, которое о. Климент называет «развитием нового догмата», высказанного о. Иларionом, я «блѣло ученіе», и сознавая свое недомысліе о сей великой богословской тайнѣ, я, скорѣа, что некому встутишь въ защиту Имени Господня, усердно молилъ Господа открыть умъ мой къ разумѣнію тайны сей. Особенно молился я о семь ежедневно на Святой недѣлѣ, когда бывало открыты раки съ мощами многочисленныхъ угодниковъ Божиихъ, апостоловъ, святителей, мучениковъ и преподобныхъ. Прикладываясь къ мощамъ каждого угодника, мысленно усердно молился ему о семье. И вотъ повторилась неожиданно моя старая болѣзнь глазъ—воспаленіе сосудистыхъ оболочекъ, которая на два мѣсяца заключила меня въ темную келію, въ особое безмолвіе и особое уединеніе. Однако, еще въ теченіе почти мѣсяца я все-таки выходилъ изъ литургии и литургисаль ежедневно, но потому и это сдѣлалось для меня совершенно невозможнымъ. Въ полномъ одиночествѣ и бездѣльности я, пребывая въ темной келіи, конечно, сосредоточивъ мысль свою на захватывающемъ душу предметѣ. Вспоминала относящіяся до сего слова Писания, свидѣтельства св. отцовъ, и мысль моя стремилась къ тому, чтобы уяснить себѣ ту истину, которую я принялъ на вѣру, что Имя Господне таинственно и духовно есть Самъ Господь Богъ, присутствующий во Имени Своемъ. Каково могло быть это присутствіе? И вотъ однажды въ легкомъ тонкомъ полуночнѣ явно услышала слѣдующее мысленное разсужденіе: «Азъ есть истина и истина есть Азъ. Имя Божіе есть истина о тринитасной истины, ибо Азъ есть истина, и Отецъ Мой именемъ есть, и Духъ Святый есть Духъ истинный». Это разсужденіе, представляющее изъ себя сочетаніе свидѣтельскихъ свидѣтельствъ Господнихъ, сдѣлало для меня сразу ясной ту тайну, постичь которую я такъ желалъ, но быть не въ силахъ постичь ее собственнымъ своимъ умомъ. Мгновенно очнувшись, я вскочилъ съ постели и, нащупавъ въ темнотѣ листъ бумаги и карандашъ, немедленно нащупывъ написалъ открывшееся мнѣ разсужденіе, въ которомъ быть ключъ къ разрешенію тайны Божества Имени Господня. Въ то время и игуменъ Иеронимъ, которого я почиталъ и любилъ и пользовался тогда его взаимными почтеніемъ и любовью, что овъ выражалъ особыми знаками его ко мнѣ вниманіемъ, неоднократно посещая меня во время моей болѣзни, тоже раздѣлялъ мое пониманіе Имени Господня.

Онъ тогда говорилъ: «Если о. Иоаннъ сказалъ, что Имя Божіе—Самъ Богъ, то такъ и слѣдуетъ вѣрить, ибо о. Иоаннъ былъ мужъ

особо благодатный». Высказывалось онь также о томъ, что никогда не согласится съ мнѣніемъ имѣбашевъ, что имя «Иисусъ» есть простое имя человѣческое и только недавно существующее, ибо у св. Дионія Ростовскаго ясно сказано, что имя «Иисусъ» отъ Предѣбчаго Свѣта бѣ предуготовано, на небѣскихъ написано и доселъ хранимо».

Однажды о. Иеронимъ пришелъ мнѣ даже имъ самимъ найденное свидѣтельство у св. Иоанна Златоуста, въ которомъ св. Иоаннъ въ толкованіи первой главы посланія къ римлянамъ и словъ, что апостолы были посланы проповѣдывать «въ послушаніе вѣры во имя Господне»,—говорить, что Имя Господне «само требуетъ къ себѣ вѣры», ибо творить чудеса.

Въ маѣ мѣсяца ко мнѣ зашли евангельцы и выражали свою глубокую скорбь по поводу того, что ихъ такъ клеветали о. Алексѣй и о. Деніасъ архіепископу Антонію и послѣдній далъ вѣру этимъ клеветамъ, помѣстивъ въ «Русскомъ Ионкѣ» ихъ статьи и рецензію о. Хрисанеа. Я тогда рѣшилъ написать открытое письмо архіепископу Антонію, въ которомъ отъ имени евангельцевъ оправдывалъ въ возводимыхъ на нихъ клеветахъ и почтительно просилъ владыку помѣстить это письмо въ «Русскомъ Ионкѣ».

Привожу полностью это письмо.

«Ваше Высокопреосвященство.

«Благословите,

«Владыко Святой.

«Припадаю къ стопамъ вашимъ, прошу васъ съ кротостю выслушать объясненіе того заблужденія, въ которое впала редакція «Русскаго Ионка», довѣрившись невѣрнымъ свѣдѣніямъ объ инонахъ евангельскихъ и о книжѣ о. Иларіона «На горахъ Кавказа», доставленныхъ вами еромунахомъ Алексѣемъ Кирѣевскимъ и икономъ Хрисанеемъ. На основаніи ихъ словъ вы изволили признать книгу о. Иларіона «вредной и опасной», а пустынниковъ евангельскихъ—прельстившими именемъ Иисусовымъ, которое они якобы почитаютъ Богомъ по существу и молятся имени сему, а не Самому Господу Иисусу Христу, присущему во имени Своемъ...

«Позвольте, владыко святой, вамъ доложить, что это совершенно не вѣро и есть невѣльная клевета, въ которую впали по какому-то роковому недоразумѣнію иноны Хрисанѣй и Алексѣй.

«Одному Богу свойственно не ошибаться; и мы, вѣда смиренно-мудрѣ российскихъ святителей, чуждыхъ самомнительной непогрѣшимости католическихъ папъ, дерзаемъ надѣятьться, что и вы, ваше святительство, дадите мѣсто въ «Русскомъ Ионкѣ» и этимъ нашимъ строкамъ, въ которыхъ мы защищаемъ отъ возведеній на насъ клеветы, помѣщенной въ «Русскомъ Ионкѣ» и чрезъ него разглашенной десятку тысячъ его читателей.

«Имя Божіе есть Самъ Богъ»,—говоримъ мы и о. Иларіонъ. «Имя Иисусъ—Самъ Господь Богъ Иисусъ Христосъ». Противники же наши, услыхавъ эти слова, соблазнились ими и, не понявъ или не пожелавъ понять, въ какомъ смыслѣ это говоримъ мы, укорили насъ въ нарушеніи второй заповѣди о несotвореніи себѣ кумира, появивъ эти слова, какъ «обоженіе имени и «воплощеніе имени изъ самуу сущности Божества». Считаемъ долгомъ, во-первыхъ, сказать, что это выраженіе принадлежитъ не намъ и не о. Иларіону, но принадлежитъ облагодатствованнѣему приснопамятному российскому пастырю о. Иоанну Кронштадтскому: «Когда ты про себя въ сердцѣ говоришь или произносишь Имя Божіе, Господа или Пресвятой Троицы, или Господа Саваоя, или Имя Господа Иисуса Христа, то въ этомъ Имени ты имѣешь все существо Господа: въ немъ его благость безконечная, премудрость беспрѣдѣльная, сѣть неприступныи, всемогущество, неизмѣляемость. Со страхомъ Божіимъ, съ вѣрою и любовью прикасаешься мыслами и сердцемъ къ этому всесиленному, вседержащему имени. Вотъ почему строго запрещаетъ заповѣдь Божія употреблять Имя Божіе въ посту, т. е., что Имя Его есть Онь Самъ, единий въ трехъ лицахъ, простое существо, въ единомъ словѣ изображающееся и заключающееся, и въ то же время не заключаемое, т. е. не ограничиваемое имъ и ничѣмъ сущимъ.

«Вѣликія имена: Пресвятая Троица или Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, или Отецъ, Слово и Святый Духъ, призванный съ живою сердечною вѣрою и благоговѣніемъ, или воображеніемъ въ душѣ, суть Самъ Богъ и низводятъ въ душу нашу Самаго Бога въ трехъ лицахъ». (О. Иоаннъ Кронштадтскаго «Миссіи христіанства», стр. 46—7). Это суть слова облагодатствованнаго и опыта молитвенника, ощущительно познавшаго, сколь дѣйствительно, величественно и сладостно прозваніе Имени Божія и Имени Иисусова чистымъ сердцемъ, духомъ и истинною, ибо тогда Самъ Иисусъ Христосъ ощущается и созерцается умно-сердечными окомъ во Имени Своемъ. Въ этомъ смыслѣ и говорилъ о. Иоаннъ Кронштадтскій, и о. Иларіонъ, и мы всѣ, что Имя Божіе есть—«Самъ Богъ». Но ни о. Иоаннъ Кронштадтскій, ни кто-либо изъ насъ, какъ то видимъ изъ вышеупомянутыхъ его словъ, подчеркнутыхъ нами, не возводимъ имени Божія, т. е. буквъ и звуковъ, по существу на степень Божества отдельно отъ Бога и не поклонимся имени «Иисусъ» отдельно отъ Бога, какъ въ томъ насть укоряетъ Алексѣй Кирѣевский и инонъ Хрисанѣй.

«Позвольте себѣ спросить о. Алексѣя Кирѣевскаго: слыхалъ ли онъ когда-либо, чтобы кто изъ пустынниковъ молился: «Имя Иисусъ, помилуй мя?.. Не слыхалъ ли онъ, наоборотъ, что всѣ молимся: «Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя», вѣруя, что, прозвавъ Его Имя, имѣемъ и Его Самаго, тайно и незримо и неотдѣльно отъ имени Своего въ немъ присутствующаго и скоропослушающаго молитвы наши.

«Рецензія иноха Хрисано⁶ вся построена на опровергній словъ, что «Имя Божіе есть Самъ Богъ», которым инохъ Хрисано⁶ не погодился понять въ должностномъ смыслѣ.

«Позволимъ себѣ спросить: откуда онъ взялъ, что о. Иларіонъ «воплощаетъ имя въ самую сущность Божества?» Мы этого у о. Иларіона въ книгахъ нигдѣ не нашли; но изъ того самого текста, который въ подтверждение этого своего заключенія инохъ Хрисано⁶ приводитъ, мы видимъ совершенно обратное, ибо о. Иларіонъ ясно выражаетъ мысль, что Господь Иисусъ Христосъ присутствуетъ въ Именіи Своемъ. И въ этомъ смыслѣ онъ говоритъ, что Имя Его есть Самъ Богъ по существу, ибо если бы была рѣчь о воплощеніи самаго имени въ сущности Божества, тогда слово «присутствуетъ» было бы неумѣстно.

«Такъ же ясно выразили это положеніе пустынники євангелікіе въ слѣдующемъ исповѣданіи своей вѣры во Имя Господа, которое представили они своему игумену на соборномъ разбирательствѣ ихъ спора съ о. Алексѣемъ Кирѣевскимъ о Именіи Иисусовомъ.

Исповѣданіе: «Вѣръя исповѣдую, что въ Именіи Иисусъ Христосъ присутствуетъ самъ Онъ нашъ Спаситель Господь Иисусъ Христосъ невидимо и непостижимо, и въ сей своей сердечной вѣрѣ уѣщаю себя Божественнымъ изреченіемъ моего дражайшаго Искунителя, Который сказалъ: «яко же вѣровалъ еси» и «вѣруешьъ», «буди тебѣ по вѣрѣ твоей».

«Божественнѣйшее и святѣйшее Имя «Иисусъ» называю Богомъ по своей сердечной вѣрѣ, что оно неотдѣлимо и не можетъ быть отъято отъ Него Господа Бога и Спасителя нашего, Иисуса Христа, но едино съ Нимъ» (о. Алексѣй Кирѣевский, однако, съ этимъ исповѣданіемъ не соглашается).

«Инохъ Хрисано⁶ субоялся страха идѣже не бѣ страхъ, въ концѣ своей рецензіи онъ угрожаетъ намъ быть отверженными на Страшномъ судѣ Христовомъ за то, что мы поклонляемся именію «Иисусъ», а не Самому Господу Иисусу Христу, что, какъ вы, владыко святый нынѣ сами видите изъ выше написанныхъ строкъ, есть лиши плодъ его воображенія и ничтъмъ съ нашей стороны не подтверждается. И посмотрите, въ какую онъ самъ владаетъ хулу: онъ дозволяетъ себѣ живую вѣру въ таинственное и неотдѣлимое, или, такъ сказать, соприносущное и воинственное присутствіе Божіе во Именіи Своемъ привратить пантакту, т. е. безбожному зловѣрю, будто Богъ присущъ всякой твари... Итакъ, до какой же степени онъ этимъ унишилъ достопоклоняемое и Божественное и зиждительное и спасительное и страшное Имя Божіе, привративъ его всякой твари и отнявъ отъ него всякую Божественность...»

«Всякое Слово Божіе «Духъ есть и животъ есть» и исполнено животворящей силы Духа Святаго; не тѣмъ ли паче Имя Божіе. Итакъ, столь уничиживъ Имя Божіе и Имя Господа Иисуса Христа

не похулилъ ли онъ также и Духа Святаго, не отвергъ ли онъ этимъ и заповѣдь о вѣрѣ во Имя Господа Иисуса Христа, о которой столь ясно свидѣтельствуетъ св. апостолъ и евангелистъ Иоаннъ Богословъ: «заповѣдь его та, чтобы мы вѣровали во Имя Сына Иисуса Христа и любили другъ друга, какъ онъ заповѣдалъ намъ» (І-е посл., 3, 23). Итакъ, откуда же онъ взялъ, что мы само имя «Иисусъ» обожаемъ и самому имени «Иисусъ» отдельно отъ Господа Иисуса Христа молимся...

...«Изми первѣ бревно (невѣрія и хулы) изъ очесе твоего, и тогда узришь изъяти сучецъ (мнимаго имѧпоклонія) изъ очесе брата твоего» (Мате. гл. 7, 5). 7 мая 1912 г. Святая гора.

«Инохи афонскіе».

Но это письмо не возымѣло желаннаго дѣйствія и не только не разубѣдило архіепископа Антонія въ клеветѣ имѧборцовъ на имѧславцевъ, но возбудило его недовольство и гнѣвъ противъ меня, дерзнувшаго выступить съ защитой Именіи Господня. Это письмо не было имъ помышлено въ «Русскомъ Инонѣ», но въ отвѣтѣ євангелізмъ онъ написалъ сладковъ письмо, въ которомъ убѣждаль покориться во всемъ игумену Мисаилу и не противиться противъ тѣхъ непрѣмлемыхъ мнѣнійъ, которыя высказывались афонскими имѧборцами.

Болѣзнь глазъ не только не проходила, но ухудшалась, и воспаленіе перешло и на другой глазъ. Тогда отъчаянія я рѣшился на крайнее средство и, несмотря на то, что дневной сѣть и вѣтеръ былъ для меня нестерпимъ, взялъ палку и пошелъ на другой конецъ Святой горы въ пещеру къ угоднику Св. Нилю Мироточивому искать у него благодатной помощи въ моей неисцѣльной болѣзни. Возвращался я оттуда черезъ три дня къ общему удивленію всѣхъ здравымъ и зрячимъ и немедленно же приступилъ къ писанію моей апологіи. Между прочимъ, во промя моего боломолья ми⁷ совершило случайно, если вообще считать допустимымъ въ мірѣ случайности, пришло переночевать на келії св. Григорія Паламы и отслужить литургію въ церкви его имени. Этотъ святой извѣстѣнь, какъ защитникъ того же самаго догмату, который нынѣ защищалъ ми⁷.

Хотя острое воспаленіе моихъ глазъ и прошло и я получилъ возможность свободно писать на пишущей машинѣ, но перечитывать писанное я могъ только съ большими трудомъ и съ большой опасностью, тѣмъ бѣль невозможнымъ было для меня чтеніе многочисленныхъ и многотомныхъ творений св. отцовъ. Но Господь неожиданно послалъ ми⁷ невѣдомыхъ помощниковъ, которые, узнавъ, что я взялся за словесную защиту Именіи Господня, стали пересыпать ми⁷ тѣ свидѣтельства разныхъ св. отцовъ, которыхъ они находили въ ихъ твореніяхъ. Мое сочиненіе я одновременно переписывалъ на восковыхъ листкахъ и отпечатывалъ на гектографѣ въ 75 экземпля-

рахъ. Въ этомъ дѣлѣ мій нашелся неожиданный помощникъ въ лицѣ брата Павла (Григоровича, кавказскаго пустынника, бывшаго штабъ-ротмистра Переяславскаго драгунскаго полка), который пріѣхалъ посѣтить Святую гору. Онъ зашелъ ко мнѣ, и мы съ нимъ подружились, сошлись во мнѣніяхъ, и онъ сдѣлался моимъ драгоценѣйшимъ сотрудникомъ.

23-го іюля, въ день Владимирской Божией Матери, особо почтаемой мною, апология моя была закончена, и въ то же время началось преставованіе меня и ея о. Иеронимомъ и имиборцами. Какъ видите, мнѣ, совершенно не подготовленному въ богословіи, пришлось выступить противъ такихъ авторитетовъ современной іерархии, какъ архиепископъ Антоній и другія лица. Это мнѣ и ставилось въ укоръ моимъ противникамъ, которые мнѣ указывали на то, что какъ я смѣю, не будучи богословомъ, возражать противъ такого ученаго богослова, какъ доктор богословія архиепископъ Антоній Волынскій, и укоряли меня за это въ крайней гордости и въ крайнемъ самомнѣніи.

Эти слова, конечно, могли бы меня смутить и заставить отказатьться отъ взятой на себя защиты Имени Господня, если бы я не имѣть того удостовѣрія, которое я нашелъ въ словахъ о. Иоанна Кронштадтскаго, и не имѣть бы еще и другихъ, утверждающихъ во мнѣ глубокое убѣжденіе въ истинности моего пониманія, удостовѣреній Божіихъ, которыхъ придавали мнѣ ту необходимую твердость и непоколебимость, которая и могла меня удержать отъ колебанія при столь страстномъ оспариваніи мнимыми великими человѣческими авторитетами той глубочайшей и точайшей истины, какъ непостижимое таинственное Божество Имени Господня. Однимъ изъ такихъ духовныхъ подкрѣплений было повѣданное мнѣ пустынникомъ Евѳиміемъ видѣаніе имъ видѣніе. Въ Страстной четвергъ, возвратившись отъ святого причастія и задремавъ, онъ увидѣлъ себя въ соборѣ Андреевскаго скита, тамъ узрѣлъ онъ Владычину, окруженную сомомъ святыхъ, которая подошла къ нему и сказала, указывая рукой въ сторону моей келіи: «Скажи Антонію, что Я здесь Сама благотворительна». Пустынникъ Евѳимій спросилъ Владычину: «Какому Антонію?» — Владычица отвѣтила: «Тому, который въ саду, къ которому ты ходишь». Затѣмъ мгновенно увидѣлъ себя Евѳимій въ моей келіи и увидѣлъ меня сидящимъ за книгой, въ которой страницы были напечатаны въ два столбца, причемъ одинъ столбецъ былъ напечатанъ черной, а другой красной печатью. Я же сидѣлъ надъ книгой, вдумавшись, и сказалъ: «Это надо разобрать». И дѣйствительно, только благодатная Божественная помощь могла сдѣлать для меня возможнымъ разобраться въ столь глубокомъ и тонкомъ вопросѣ.

Изъ изложенного мною истинного описанія моей дѣятельности на Аѳонѣ отъ февраля до конца іюля 1912 года читатель можетъ убѣдиться въ томъ, какъ извращено это въ описаніи о. Клиmentа, который говорить, будто я по совѣтамъ «лапотниковъ» составлялъ «брюшорки и листки и раздавалъ ихъ аѳонитамъ» и моими «тенденціозными сочиненіями подорвалъ вѣру простецовъ и рецензію Хрисанѳа», — которую между прочимъ я прочелъ только два года спустя послѣ того, когда ее прочли и осудили евангельские простецы. «За нихъ, — говорить о. Климентъ, — двинулась простодушная, за немногими исключеніями невѣжественная толпа, готовая идти за нихъ (т. е. за мной) всюду безъ отчета» — и въ виду этого «игуменъ рѣшилъ принять мѣры противъ пропаганды Булатаовича». О томъ, сколь вымыщено это объясненіе о. Клиmentомъ воздвигнутого о. Иеронимомъ противъ меня гонения, видно изъ словъ самого о. Клиmentа, сказанныхъ черезъ одну страницу ниже, что, несмотря на мою агитаторскую, якобы, дѣятельность и несмотря на дѣйствія какихъ-то моихъ агентовъ, которые якобы вербовали для меня сторонниковъ, несмотря на какія-то мои прокламаціи, все-таки въ скита было все спокойно и я сторонниковъ не имѣлъ за исключениемъ одного или двухъ десятковъ прельщеній мною въ ересь. Если это такъ, то спрашивается, откуда взялась та толпа, которая была готова ити за мною всюду безотчетно, куда бы я ее ни повелъ, и гдѣ же было то вліяніе моей проповѣди, которая яко бы заставила о. Иеронима прибѣгнуть къ препрессивнымъ противъ меня мѣрамъ.

Но читатель видѣлъ, что въ то время въ теченіе двухъ мѣсяцевъ я просидѣлъ больной, заключенный, уединенный въ темной келіи, и что за это время я только написалъ статью, которая была напечатана съ благословеніемъ игумена и съ разрѣшеніемъ цензуры въ журналѣ скита, и напечаталь отдельную брошюру о птицахъ съ разрѣшеніемъ духовной цензуры и съ благословеніемъ игумена. Уже гораздо позже я написалъ болѣе крупное излѣданіе по этому вопросу въ 190 страницъ. Это «тенденціозное сочиненіе», — какъ его называетъ о. Климентъ, было закончено мною только 23 іюля, а 25 іюля я былъ уже вынужденъ покинуть скитъ. Създательно, какъ могло это сочиненіе успѣть за два дня подорвать вѣру въ рецензію Хрисанѳа и оказать такое вредное дѣйствіе на Святую гору, которое вынудило бы игумена Иеронима принять противъ меня особо рѣшительные мѣры и оправдало ихъ. Но изъ кого же состояла та толпа единомышленниковъ, которая готова была ити за мной всюду, куда я ни поведу ее? Я уже говорилъ о томъ, какъ мало я имѣлъ общеній на Аѳонѣ. И въ этотъ періодъ времени меня посыпало весьма мало лицъ. Такъ, изъ евангельцевъ я познакомился только съ пятью человѣчками,

изъ коихъ одинъ только схимонахъ Ириней приходилъ ко мнѣ раза че-
тыре за эти два мѣсяца, и другой іеромонахъ—Феодоритъ—раза три
или четыре, остальныхъ я видѣлъ всего по разу. Изъ братіи Андре-
евскаго скита мнѣ тоже очень мало кто посѣщалъ. Посѣщалъ чаще
другихъ, но не мой сторонникъ, а мой противникъ имѣбoreцъ іеро-
манахъ Меркурій, съ которымъ мы вступали въ споръ. Посѣщали
меня ради духовной нужды иѣкоторые инохи, но съ ними бесѣды о
Имени Господнемъ я не имѣлъ. Чаще всего посѣщалъ меня монахъ
Іовъ Пантелеимоновскаго монастыря, ревнитель Имени Господня,
весьма извѣстный въ святоотеческихъ твореніяхъ, и онъ именно
приносилъ мнѣ выписки изъ ѹв. отцовъ, которымъ находились имъ
самимъ, или которыхъ пересыпалъ черезъ него мнѣ другіе инохи.

Итакъ, причина, приводимая о. Климентомъ въ оправданіе о. Иеронима за удаленіе имъ изъ скита, вымыслена. На самому же дѣлѣ истинная причина была иная. Виновниками репрессий въ Андреевскомъ скиту противъ исповѣданія Имени Господня, которые начались съ дѣйствій противъ меня, оказались тѣ же лица, которые были виновниками репрессий, начатыхъ еще раньше игуменомъ Мисасаломъ противъ евангельцевъ. Появленіе первыхъ моихъ двухъ статей въ защиту Имени Господня весьма встревожило аѳон-
скихъ имѣбoreцовъ, ибо они досѣ имѣли противниками своими только «лапотниковъ» и «мужиковъ евангельскихъ», которыхъ мож-
но было безусловно высмеивать и мнѣніемъ которыхъ можно было быть
всякаго стѣсненія уродовать, приписывая имъ ради виноваго осу-
жденія самое грубое обожествленіе имени «Іисусъ», которое, по сло-
вамъ имѣбoreцовъ, евангельцы возводили на степень четвертой Ип-
остаси. Но теперь они увидѣли во мнѣ новаго, болѣе серьезного про-
тивника и не «лапотника», а противника, столь же образованаго,
какъ и они сами. Конечно, мои статьи сдѣлялись извѣстными ино-
камъ евангельскимъ и другимъ ревнителямъ Имени Господня, и это
событие пѣхъ весьма утишило ихъ скорби. Хотя въ этихъ статьяхъ
мою о книѣ о. Иларіона совсѣмъ не упоминалось, а только зачи-
щалось выраженіе: «Имя Божіе—Самъ Богъ», но о. Агаѳодоръ и Алексій увидѣли нежелательное для нихъ вмѣшательство въ споръ и
стали предпринимать мѣры къ тому, чтобы заградить мои уста.
Съ этой цѣлью стать все чаще и чаще посѣщать нашъ скитъ о. Алексій Кирѣевский и другіе интеллигенты, причемъ о. Алексій отъ
имени Агаѳодора и игумена Мисасала передавалъ о. Иерониму требо-
ваніе, дабы тотъ запретилъ мнѣ писать объ Имени Божіемъ, а также
принимать и бѣсѣдоватъ съ евангельцами, ибо это только усугубляетъ
якобы дерзости евангельцевъ по отношению къ о. Алексію Кирѣ-
евскому. Эти утверждения были ложны, ибо никакихъ дерзостей еван-
гельцевъ противъ о. Алексія не проявляли, если таковыми не счи-
тать то, что они уходили съ его благословенія и не желали принимать
отъ него благословеніе. Да и какая могла быть рѣчь о дерзостяхъ,

когда за отказъ служить вмѣстѣ съ нимъ предстояло быть отлучен-
нымъ отъ св. причастія на цѣлыхъ три года. Однако эти воздействиа
Пантелеимоновскаго монастыря и аѳонскихъ интеллигентовъ не имѣ-
ли до времени желанного дѣйствія на игумена Иеронима, и онъ про-
стодушно самъ сообщилъ мнѣ обо всемъ этомъ и говорилъ: «Я не по-
нимаю, чего они такъ вооружились противъ книги о. Иларіона». Однажды послѣ подобного посѣщенія о. Алексія о. Иеронимъ при-
шелъ ко мнѣ и сообщилъ, что онъ звалъ о. Алексія самого зайти по-
бесѣдоватъ со мною, но тѣтъ отказался и посыпалъ уѣхать. Нако-
нецъ 19 іюля о. Алексій снова прибылъ въ скитъ, но уже не съ пору-
ченіемъ Агаѳодора, а съ письмомъ, и по порученію архіепископа Ан-
тонія Храповицкаго передалъ о. Иерониму, что волынскій вла-
дыка разг҃ыбалъ какъ на меня за то, что я дерзнулъ послать ему
упомянутое выше открытое письмо, которое онъ нашелъ столъ дѣр-
жимъ, что замѣсъ его въ свой памятный журналъ, т. с., иначе го-
воря, обѣщалъ при случаѣ припомнить это и отомстить за сіе, такъ
весьма разг҃ыбанъ и на о. Иеронима за то, что тѣтъ допускаетъ въ
своемъ скиту проявлять мнѣ такую дѣятельность, и поэтому о. Алексій
снова предъявилъ о. Иерониму категорическое требование, да-
бы тѣтъ запрѣтилъ мнѣ что-либо писать о Имени Божіемъ и прини-
матъ пустынниковъ евангельскихъ. Иеронимъ уже и до того запугивали
андреевскіе полунелігенты Климентъ и Меркурій Тымъ, что
архіепископъ Антоній явно поддерживаетъ мнѣніе Хрисанфа и
Алексія, что онъ буде, несомнѣнно, митрополитомъ, а можетъ быть
и патріархомъ и тогда припомнить Андреевскому скиту, что въ
немъ осмѣливались выражать несогласіи съ нимъ мнѣнія, въ от-
местку за это отыметъ у скита его подворья въ Петроградѣ и въ Одесѣ.
Услыхавъ данную новую угрозу и требованія о. Алексія, о. Иеро-
нимъ совершенно растерялся и, какъ передавали очевидцы, даже за-
плакалъ, и обѣщалъ всѣ требования изъ точности исполнить. О. Алексій,
какъ посланецъ архіепископа Антонія, онъ принялъ съ особымъ
почетомъ, поставилъ его рядомъ съ собой за всеенощной и отпустилъ
съ общашеніемъ немедленно же исполнить все требуемое. 21-го іюля
быть канунъ будня, 22-го воскресенье—праздникъ, а 23-го игуменъ
послалъ за мной, но я не могъ прійти къ нему въ этотъ день и пришелъ
24-го. Принять меня необыкновенно сурово, онъ обывилъ мнѣ гнѣвъ
владыки Антонія по поводу моего письма къ нему, укорялъ меня за
мою дерзость возражать архіепископу Антонію, доктору богосло-
вія и первостепенному россійскому іерарху, говорилъ со мною гру-
бо и сказалъ, что строго запрещаетъ мнѣ какъ принимать евангельцевъ,
такъ и что-либо писать о Имени Божіемъ подъ угрозой запрещенія
мнѣ священнослуженія. Но я не могъ сознавать на такое наси-
лие надъ моей духовной свободой и отказался исполнить его требо-
ванія, чѣмъ весьма разг҃ыбалъ его. «Ну, такъ нѣтъ тебѣ большѣ благо-
словенія служить». Я кротко выслушалъ эти слова, зная преж-

нее ми́йне о. Иеронима о Имени Господнемъ, и весьма сожалѣль о томъ, какъ его вдругъ успѣлъ отравить о. Алексѣй, но все-таки думалъ, что эта отрава еще исцѣлима. Съ собою захватилъ я какъ разъ только что законченную апологію и, вручалъ ее о. Иерониму, сказавъ: «Батюшка, прежде, нежели такъ рѣшать, вы сначала прочтите, что говорятъ святые отцы о семъ. Намъ надо слушаться Св. Евангелія, св. отцовъ и такихъ благодатныхъ пастырей, какъ о. Иоаннъ Кронштадтскій, а не архіепископа Антонія, если онъ противорѣчитъ имъ». Иеронимъ взялъ апологію, обѣщалъ прочесть ее. При этомъ онъ взялъ назадъ свое запрещеніе, разрѣшивъ мнѣ служить на слѣдующий день.

Но на слѣдующій день онъ меня снова призвалъ и, грубо указывая на апологію, сказалъ: «Тутъ у тебя цѣлый салатъ написанъ». Салатомъ онъ, очевидно, называлъ апологію по обилию въ ней разнообразныхъ свидѣтельствъ Св. Писанія и св. отецѣ. Странно было слышать изъ уст монаха такое неблагоговѣйное название святоотеческихъ и евангельскихъ текстовъ. Но я спросилъ игумена, что же онъ нашелъ въ этомъ «салатѣ» несогласного съ учениемъ святой Церкви? Игуменъ не сумѣлъ мнѣ на это отвѣтить и послалъ за о. Климентомъ, чтобы тотъ указалъ мнѣ мѣста въ моей апологіи, которыми несогласны съ учениемъ Церкви. Очевидно, игуменъ не прочелъ апологію, какъ то общалъ сдѣлать, но поручилъ прочитать ее и высказать сужденіе о ней о. Климентъ. Климентъ открылъ апологію и показалъ мнѣ текстъ: «Глаголы яже Азъ глаголахъ вами Духъ и Животъ суть», и спросилъ, по какому праву написалъ я эти слова съ большой буквы, когда въ Евангеліи они стоять съ маленькой, и по какому праву я обожествлю слова Господни. На это я отвѣтилъ, что въ Евангеліи вообще по-гречески и славянски все написано съ маленькихъ буквъ, кромѣ заглавныхъ словъ и послѣ точки, но что по смыслу, разъ глаголы Божіе суть духъ и жизнь, то изъ этого слѣдѣтъ само собою, что они не могутъ быть тварью, и что Самъ Господь свидѣтельствуетъ этимъ, что они суть его Божественная дѣятельность. Но игуменъ прервалъ напись богословскій споръ и грубо сказалъ: «Ну, одинъ словомъ, я тебѣ приказываю немедленно скжечь эту книгу и не сѣять больше приниматъ пустынниковъ «инвайдскихъ». Тогда я сказалъ, что не могу этого требованія исполнить, въ то что игуменъ объявилъ мнѣ, что запрещаетъ мнѣ священнослуженіе. Но тогда я сказалъ: «Ваше высоконроподобие, я отсѣлъ больше не вашъ послушникъ, а вы не мой игуменъ, и призываю васъ отпустить меня на всѣ четыре стороны». Это заявленіе вызвало игумена окончательно изъ себя и онъ разразился бранными словами: «сивиль» и. т. п. Но я ни слова не отвѣтилъ больше, сдѣлалъ земной поклонъ передъ святыми иконами, приложилъ къ нимъ, сдѣлалъ земной поклонъ игумену, какъ то полагалось обычно, но не взялъ благословенія и, сказавъ: «простите», ушелъ, и немедленно же изъ хозяйствен-

номъ управлѣнія скита попросилъ дать мнѣ вьючныхъ муловъ для перевозки моихъ вещей на келію Благовѣщенія, куда меня съ любовью принялъ маститый старецъ о. Парфеній.

Обо всѣхъ этихъ событияхъ о. Климентъ, который не только былъ свидѣтелемъ, но и дѣятельнымъ участникомъ ихъ, совершенно умалчиваетъ и даже возводитъ на меня такую грубую клевету, будто я, уходя, говорилъ братіи, что ухожу потому, что игуменъ не признаетъ Иисуса Богомъ. Считаю долгомъ опровергнуть и эту ложь, ибо единственныя два лица, которыхъ видѣли меня уходившимъ изъ скита въ то время, когда грузили муловъ около моей каливи, были экономъ и одинъ иеродиаконъ, которымъ на ихъ вопросъ объяснили причину раздора съ игуменомъ я сказала, что вина было споръ за Имя Божіе и воздействіе на о. Иеронима Алексѣя Кирбенского и архіепископа Антонія, причемъ сообщилъ имъ о содержаніи того открытого письма, которое я послала архіепископу Антонію, и далъ имъ копію съ него.

Далѣе въ свою очередь говорить о томъ, будто я 13 августа, взявъ мои документы, дала расписку:

«ІС.:ХС.

«Симъ удостовѣряю, что документы изъ Андреевскаго скита я получила и вообще никакихъ претензій къ скиту Андреевскому не имѣю, ухожу, ибо такъ Богу угодно. Аще же угодно будетъ Господу Богу, дабы возвратился въ мѣсто своего постриженія, то не отрицаю, аще братія и игуменъ съ любовью согласятъ. Иеросимъ монахъ Антоній (Булатовичъ). 13-го августа 1913г.

Эту расписку я дѣйствительно дала, но не тогда, когда бралъ документы, а дѣй недѣли спустя, ибо тогда, когда я взяла документы, то я дала записку совершило другого содержанія, о которой умалчиваю о. Климентъ, умалчиваетъ также о томъ, что побудило меня дать новую расписку, приводимую имъ. Дѣло происходило такъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ моего ухода я пришелъ въ хозяйственное правленіе и, взявъ мои документы, дала расписку въ томъ, что получила ихъ обратно и ухожу изъ скита вслѣдствіе несогласія моего во мѣняхъ о Имени Господнемъ съ игуменомъ Иеронимомъ, который отрицаетъ Божественное достоинство и Божественную силу Имени Господня. На этомъ мои сношенія въ Андреевскій скитъ закончились. Но черезъ нѣсколько дней послѣ этого прибылъ на Аѳоъ викарій єпископъ Московской епархіи Трифонъ. Онь принадлежалъ къ почитателямъ книги о. Иларіона и съ ми́йнемъ о ней архіепископа Антонія отнюдь не соглашался. Ему сдѣлались известными преслѣдованія ради нея иконокѣ-инвайдцевъ, а также выходки о. Алексѣя Кирбенского, вызвавшій крайнее обостреніе отношеній въ Финикѣ, и онъ открыто выразилъ свое неодобрение о. Алексѣю и согѣто-

валь игумену хотя на время удалить о. Алексея со Святой Горы ради усюкоевій братії. Также неодобрительно отнесся онъ, какъ говорятъ, и къ игумену Ерониму, что и заставило послѣднаго 13 августа, совершенно изօжиданно для меня, прійти ко мнѣ въ сопровождениі однаго монаха на Благовѣщенскую келію со смиренной просьбою простить его. Сдѣлалъ мнѣ въ присутствіи о. Парфенія и еще двухъ-трехъ лицъ земной поклонъ и получивъ такой же въ отвѣтъ, онъ просилъ не вмѣнть ему его незѣхства и неразумія и грубости, простить и помириться съ нимъ предзаталъ мнѣ, если это мнѣ угодно, немедленно же возвратиться обратно въ скитъ. Мы съ нимъ облизались и помирисились, но относительно возвращенія въ скитъ я отвѣтилъ, что пока еще поживу у о. Парфенія. Тогда о. Еронимъ обратился ко мнѣ со просьбою, чтобы я уничтожилъ прежнюю мою расписку и дѣлъ бы ему другую, безъ упоминанія о спорѣ за Имѧ Господне, что я немедленно исполнилъ и написалъ другую записку. Спрашивается, если бы я былъ таковъ, каковыи меня выставляли въ печати имаборцы и въ числѣ ихъ о. Климентъ, о. Денасій и др., то-есть пропагандисты, коварныи злоумышленникомъ, подготовилиши бунты въ Пантелеимоновскомъ и въ Андреевскомъ монастыряхъ, искателемъ обогащенія, какимъ меня обзываютъ съ думской трибуны епископы Анастасій, или еще хуже «смерзавцемъ», какъ меня называли архіепископъ Антоній въ своемъ письмѣ къ игумену Ерониму, напечатанномъ изъ книжкѣ, изданной потомъ игуменомъ Еронимомъ, въ которой архіепископъ Антоній говоритъ, что онъ меня «давно знаетъ», но на самомъ дѣлѣ мы и доселѣ другъ-друга въ глаза никогда не видѣли и не знаемъ прошлаго другъ-друга, итакъ, спрашивается, если бы я былъ на самому дѣлѣ таковъ, каковыи выставляли меня имаборцы, попоса меня ради открытой защиты многи Имена Имени Господни, чтобы съ охужденіемъ защитника религіозного убѣженія охулить изъ глазахъ общественнаго мнѣнія и запищаемъ имъ исповѣданіе,—если бы все это было такъ, то далъ бы я по своему собственному побужденію такую расписку и отказался ли бы я отъ предложения возвратиться въ скитъ? Равѣ возвращеніе съ почетомъ въ скитъ, откуда я былъ съ поношеніемъ удаленъ, не открывало мнѣ дверей къ еще болѣе широкой пропагандѣ и ко всякимъ интригамъ среди братіи противъ игумена, если бы я имѣлъ, какъ въ томъ заподозрѣваетъ меня архіепископъ Никонъ, намѣреніе захватить власть и самому сдѣлаться игуменомъ. Если бы я былъ коварныи интриганомъ, то неужели я такъ легко отказался бы отъ случая использовать грубость и ошибку Еронима, которую онъ сдѣлалъ, удаливъ меня изъ скита. Если бы я былъ злобенъ и имѣлъ вражду противъ него, не постарался ли бы я передъ властями привнести жалобу на несправедливости Еронима и искать отмѣтки. Если бы я страдалъ сребролюбіемъ, то оставилъ ли бы я въ скиту вѣсъ крупныхъ суммъ, которая присыпала на мое имя матушка и кото-

рыми я не пользовался, и вѣсъ драгоценныи пожертвованія, которыхъ я сдѣлалъ въ скитѣ?

Итакъ, эта одна расписка для внимательнаго читателя должна ясно показать, сколь противоположенъ духъ мой тому духу, который приписывають мнѣ мои противники.

IV.

Продолжая свое повѣстованіе о афонскихъ событияхъ, произшедшихъ въ августѣ—ноябрѣ 1912 года, о. Климентъ пишетъ: «Поселавшись на Благовѣщенской келіи, о. Булатовичъ почувствовалъ полную свободу дѣйствій въ своей пропагандѣ и, подстрекаемый имаборникомъ настоятелемъ келіи (какакъ ложь), продолжалъ пропагандировать свое ученіе съ большей прежнаго ревностію... Влияя на общество, Булатовичъ... старался увлечь за собою Андреевский скитъ чрезъ посредство своихъ агентовъ, которые, якобы, «тайно бѣгали къ нему», носили въ скиту его «прокламаціи» и «вербовали на его сторону», но, несмотря на это, «въ скиту было спокойно»...

Затѣмъ о. Климентъ сообщаетъ послѣдовавшемъ осужденіи патріархомъ Іоакимомъ книги о. Иларіона, которую туть, якобы, разсмотрѣлъ «синодально» и якобы приспалъ о семъ грамоту за печатью и подписью, чего тоже не было, ибо патріархъ приспалъ о семъ лишь циркуляръ, подписанный не имъ, а правителемъ его канцеляріи, въ которомъ его собственноручной подписи не было, а только стояло: «Константинопольский во Христѣ молитвенникъ». Въ этомъ можетъ удостовѣряться каждый знающій по-гречески, ибо фотографическіе снимки съ этого циркуляра были напечатаны въ Русскомъ Июнѣ въ ноябрѣ 1912 г. и въ другихъ изданіяхъ имаборцевъ. Что этотъ циркуляръ не былъ грамотой, свидѣтельствуетъ и его форма, въ которой отсутствовалъ обычный заголовокъ: «Мы, Божій милостью».

Дальѣ о. Климентъ сообщаетъ, что «Булатовичъ переголковалъ грамоту по-своему» и «выпустилъ прокламацію». Сообщаетъ дальше, что имаборники въ Пантелеимоновскомъ монастыре «систематически и тайно» подъ руководствомъ о. Булатовича готовились къ бунту. Затѣмъ говоритъ, что «Булатовичъ принималъ рѣшительныи мѣры увлечь въ свою ересь не только все братство скита, но и самого игумена Еронима. Съ этой цѣлью онъ ему приспалъ свою прокламацію. «Новое бѣссловное имаборцевъ». Дальѣ о. Климентъ говоритъ, что несмотря на мое рѣшительныи мѣры и несмотря на «подстрекательство» и «вербовку» «мнохъ агентовъ», въ Андреевскомъ скиту «насчитывалось всего не болѣе двухъ десятковъ «сторонниковъ нового догматъ». Такимъ образомъ, изъ 372 иконокъ наличнаго состава скита оказалась въ концѣ концовъ толша всего въ два десятка человѣкъ, по утвержденію самого о. Клиmentа,

которая къ ноябрю мѣсяцу была собрана мною путемъ пропаганды!

Справивается, какимъ же образомъ эта самая горсть, состоявшая въ ноябрь мѣсяцѣ только изъ двухъ десятковъ человѣкъ, могла возрасти къ январю того же года до 300 человѣкъ, которые и пугуна изгнали, и наперника его о. Клиmentа поколотили? О. Клиmentъ весьма наивно объясняетъ это тѣмъ, что въ половинѣ ноября о. Иеронимъ уѣхалъ на скитскій хуторъ (метоху), а изъ методи прибылъ въ скитъ архимандритъ Давидъ, изъ которому стали бѣгать сторонники Булатовича, и тѣтъ одобрить дѣятельность мои и одобрять мои сочиненія «прокламаціи». Но вѣдь всѣхъ сторонниковъ было только два десятка, сѣдовательно, только эти два десятка и бѣгали къ о. Давиду? Дальше о. Клиmentъ говоритъ, что мною тогда было организовано цѣльный комитетъ для подготовки бунта, и что этотъ комитетъ былъ принятъ подъ высокое покровительство о. Давида, а «секретаремъ его» о. Булатовичъ поставилъ библіотекаря о. Петра, и что этотъ комитетъ сталъ дѣятельно вербовать «недовольныхъ начальствомъ» и, пользуясь отсутствіемъ игумена, стала ради возбужденія братіи въ защиту Имени Божія читать въ положенное для поученій время тѣ творенія св. отцовъ, въ коихъ говорилось объ Имени Божіемъ и высказывалось святыми отцами, какъ, напримѣръ, Димитріемъ Ростовскимъ, мысли, тождественные съ мыслями имѣбожниково. отчего и произошло волненіе въ скиту. Но однако, какъ говоритъ Клиmentъ, дѣла комитета по устройству «бунта» и вербовки противниковъ Иеронима—«шли неуспѣшно». Но тогда, если еще въ декабрѣ вѣсъ стараїи и коварства Булатовича и Давида съ цѣлью комитетомъ были не успѣши, то какимъ образомъ вдругъ къ январю мѣсяца братія такъ возмущались, что немедленно же по прибытии Иеронима съ методи почти единогласно изложили его съ игуменствомъ?

О. Клиmentъ объясняетъ события тѣмъ, что въ декабрѣ была подкинута имѣбожниками какая-то «крамольная бумага», въ которой извѣдалось, что «во время ужина ударить въ тарелки, и всѣдѣль за симъ начнется избѣженіе всѣхъ сторонниковъ Иеронима», что эта крамольная бумага вавела на всю братію такой страхъ, что всѣ бывшіе детоѣ на сторонѣ Иеронима инооки, убоявшись этихъ колотушекъ, перешли на сторону Булатовича и сѣдѣли они ни съ того, ни съ этого убѣжденными сторонниками его и такими упорными и неустрашимыми защитниками «новаго догматы», что не убоялись никакихъ угрозъ ни патріарха, ни архіепископа Никона, но предпочли претерпѣти и всікія гоненія, нежели согласиться на требование архіепископа Никона подписатьсь подъ синодальными посланіемъ и вновь принять игумена Иеронима и подчиниться ему. Несуразность этого описанія очевидна, и о. Клиmentъ по обыкновенію что-то умалчиваетъ и, не умѣя гладко сочинить, просто самъ запутался.

Самъ Клиmentъ сознается, что сторонниковъ у меня въ скиту

почти не было. Перечислю тѣхъ лицъ Андреевского скита, которыхъ посыпали меня. Въ августѣ и сентябрѣ—не помню ни одного, кроме послушника Филиппа, который мнѣ раньше отчасти келейничалъ и которого за это тоже изгнали. Когда у меня заболѣли глаза, то я послалъ за однимъ братомъ, у которого было какое-то особое средство для глазъ, но тѣтъ самъ не рѣшился прйтъ ко мнѣ и пошелъ просить разрѣшеніе у игумена. Но о. Иеронимъ строго запретилъ ему ходить ко мнѣ, говоря: «Антоній еретикъ и къ немуходить не смѣй». Въ октябрѣ, послѣ выхода циркуляра патріарха, запрещавшаго чтеніе книги «На горахъ Кавказа», о. Иеронимъ началъ ревностно предсѣдоватъ тѣхъ, о коихъ ему доносили его наперники, что они имѣютъ эту книгу или одобряютъ ее. Онъ сталъ призывать къ себѣ тѣхъ инооковъ, которые были известны своей внимательной подвижнической жизнью и занимались молитвой Иисусовой, и требовалъ отъ нихъ, чтобы они ему немедленно отдали книгу и сожигали ее, при этомъ онъ входилъ съ инооками въ бесѣды о Имени Господнемъ. Вотъ эти-то бесѣды и вывели братію изъ ея духовнаго покоя. Первое столкновеніе у о. Иеронима произошло съ монахомъ Исаѣй который болѣе другихъ былъ искушенъ въ дѣланіи Иисусовой молитвы. Исаѣй возмутился словами игумена и наотрѣзъ отказался отъ единомыслія съ нимъ. Затѣмъ произошли столкновенія по этому же поводу у о. Иеронима съ монахами Порфиремъ—писаремъ, послушникомъ Никитой—писаремъ, послушникомъ Даніиломъ и еще нѣкоторыми другими. Даніилъ рѣзко отвѣтилъ игумену, что не отступится отъ вѣры во Имя Господне, несмотря ни на какія угрозы. Тогда игуменъ рѣшилъ изгнать его, но Даніилъ отказался уходить изъ скита и потребовалъ суда надъ нимъ соборныхъ старцевъ. Игуменъ этой судьѣ выбрать не рѣшился, но сталь притеснять Даніила всякими другими мѣрами преслѣдованія, которая были въ его власти. Все это вызвало негодованіе братіи и внушило убѣждение въ томъ, что игуменъ винъ въ ту же ересъ, въ которую впалъ о. Алексѣй на Оивації, и не признаетъ Божества Имени Иисусова, или, какъ они сокращенно выражались, «не признаетъ Иисуса». Этому всему содѣйствовала ревностная дѣятельность андреевскихъ полуинтеллигентовъ, наперниковъ Иеронима иеромонаха Меркурія и монаха Клиmentа. Первый громогласно убѣжалъ братию, что имя Иисусъ есть меныше всѣхъ прочихъ именъ, ибо недавно только наречено ангеломъ и есть только простое человѣческое имя; а Клиmentъ, проповѣдуя номинальность Имени Божіихъ, говорилъ, что Имя Божіе такъ же относится къ Богу, какъ, напримѣръ, риса—къ монаху: «одну сняль, другую надѣль», а существо Божіе якобы совершенно не соотвѣтственно своему Имени и не связано неотдѣльно съ нимъ.

Вотъ тогдато и начались болѣе частыя посыпанія меня братіей. Но, однако, все-таки очень мало кто приходилъ ко мнѣ. Такъ, напри-

мѣръ, отець Петръ, которого о. Климентъ называетъ секретаремъ бунтовщического комитета и моимъ ставленникомъ, за все время моего пребыванія на келіи Благовѣщенія пришелъ ко мнѣ только одинъ разъ. Пришелъ онъ именно по случаю той «крамольной бумаги», въ которой провозглашалось, чтобы за ужиномъ по сигналу удара въ тарелку бить сторонниковъ Иеронима. Эту крамольную бумагу о. Климентъ приписываетъ намъ, или, вѣрѣбе, мнѣ, но мы съ совершенными убѣжденіемъ приписываемъ эту бумагу нашими противниками и почерку догадываемся, кто ее написалъ. Цѣль этой бумаги была провокаторская, чтобы ею вызвать беспорядокъ въ скиту, имѣть основаніе потребовать содѣйствія полиції, обжаловать неугодныхъ о. Клименту лиць въ бунтовщическихъ дѣйствіяхъ и передать ихъ власти, которая бы выслала ихъ изъ Россіи. Эта вонючка «крамольная бумага» такъ смущила дѣятельныхъ защитниковъ Имени Божія, что они, предвидя бѣдственныя послѣдствія этой провокации, поспѣшили предупредить братію, чтобы она не вѣрила ей, ибо она написана самими нашими врагами, и совѣтовали къ ужину не ходить. Затѣмъ о. Петру съ о. Викториномъ пришли ко мнѣ, чтобы пожаловаться на коварство враговъ и просить со-вѣта и помоши, ибо стало уже известно, что о. Меркурій ходилъ нѣсколько разъ къ начальнику полиціи жаловаться ему на бунтовщическая дѣйствія нѣкоторыхъ братій скита, которые въ отсутствіи игумена, затѣваютъ якобы противъ него бунтъ. Я совѣтовалъ о. Петру немедленно же ити къ начальнику полиціи, показать ему эту бумагу и раскрыть ему умыселъ противниковъ, и я самъ пошелъ съ ними, и мы объяснили все начальнику полиціи. Братія къ ужину не пошли, и провокациѣ такъ не удалась. Въ концѣ октября приходилъ ко мнѣ секретарь о. Георгій и, увидавъ полученное мною отъ Иеронима открытое письмо, которое приводить въ своемъ сочиненіи о. Климентъ и въ которомъ о. Иеронимъ отрекается отъ единомышленія съ той самой статьей о почитаніи Имени Божія, которая съ его собственного благословенія нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ была напечатана въ скитскомъ журнальѣ, возмутился этимъ и попросилъ дать ему это письмо, дабы показать его братіи скита. Братія скита сдѣлала съ этого письма фотографический снимокъ. Во время отсутствія Иеронима меня посыпало около десятка братій, которые скорбѣли о томъ, что ихъ игуменъ прельстился новыми идеями, недоумѣвали, что имъ дѣлать, и собирались даже покинуть скитъ иѣхать въ Россію; другіе считали необходимымъ сѣмѣнить игумена Иеронима, пользуясь на то своимъ правомъ перемѣнъ игумена простымъ большинствомъ голосовъ. Я вполнѣ сочувствовалъ этому послѣднему намѣренію, но активно поддерживать въ этомъ братію отнюдь не могъ и, напротивъ, самъ собирался покинуть Святую Гору 30-го декабря долженъ быть сѣсть на пароходъ, чтобыѣхать въ Аѳини для перевода на греческий языкъ и напечатанія моего-

Соборный Староста монастыря Св. Великомученика Пантелеимона на Афонѣ (авт. изданіи) Монахъ Ириней, во главѣ 447 братій, вывезеній со Св. Горы въ 1918 г.

новаго богословскаго труда: Апология вѣры во Имя Божіе и во Имя Иисусъ, а также для напечатанія брошюрки, озаглавленіей «Слава Божія есть Иисусъ», въ которой излагались кратко сущность спора за Имя Божіе и главное наше положеніе и подтверждение ихъ словами св. отцовъ.

Каковы же были мои сношения съ Пантелеимоновскимъ монастыремъ? Эти сношения, которыхъ раньше совершенно почти не существовало, сдѣлялись сравнительно болѣе живыми, чѣмъ въ Андреевскомъ скиту. Посыпалъ меня довольно часто одинъ мой духовній другъ, который и прежде часто бывалъ у меня, о. Іоаннъ, одинъ изъ редакторовъ журнала Пантелеимоновскаго монастыря.

Мой вынужденный уходъ изъ скита за Имя Господне покрылъ меня изъкоторымъ ореоломъ въ глазахъ тѣхъ, которые были преслѣдуемы изъ Фиваиды, и единомышленниковъ ихъ въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ, и поэтому ко мнѣ стали приходить скитине и изъкоторые монастырскіе иконки, которыхъ я раньше не зналъ. Такихъ лицъ я помню 5 или 6 изъ скита и столько же изъ монастыря. Однажды посыпалъ меня глубокій старецъ Мартиніанъ, тогъ самай, который впервые обличилъ неправомысліе о. Хрисанфа. Но главные дѣятели «бунта» въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ, которыхъ потомъ съ такимъ усиліемъ искали схватить власти во время прибытия карательной экспедиціи архиепископа Никона и которыхъ такъ рѣшительно не выдавала братія, а именно о. Ириней и другие старцы, ни разу у меня не были и въ переносѣ со мной не находились, и я ихъ впервые узналъ только тогда, когда послѣ 50-дневнаго заключенія въ Одесѣ ихъ выпустили на свободу и я встрѣтилъ ихъ въ Петроградѣ¹. Изъ этого совершенно неопровергимо слѣдуетъ, что утвержденіе о. Климента, будто я подготовилъ бунтъ въ Пантелеимоновскому монастырю, — есть плодъ его фантазіи.

Въ августѣ припѣль меня посыпать электротехники Пантелеимоновскаго монастыря схимонаха Досиоса, у которого потомъ 26-го августа произошло столкновеніе съ игуменомъ Мисаніемъ, которое и перенесло волненіе изъ Фиваиды въ Пантелеимоновский монастырь. Послѣ отъѣзда епископа Трифона Агафонъ задумалъ лукавымъ образомъ заставить всю братію подписать подъ составленными аѳонскими интеллигентами-имаборцами исповѣданіемъ недостоинства именіи Имени Божія. 20-го августа на соборѣ старцевъ Пантелеимоновскаго монастыря это исповѣданіе, весьма хитро написанное, начинавшееся съ повторенія символа вѣры, къ которому въ конецъ незамѣтно добавлялось, что Имя Божіе недостопоклоняемо, было прочитано игуменомъ и предложено старцамъ для принятія и подписи. Никто изъ старцевъ разобраться въ этомъ исповѣданіи не могъ, но, слыша слова символа вѣры и не замѣчая лукавой вставки, они единогласно согласились и подпи-
3

ших братії монастыря по очереди и въ присутствії намѣстника прочитывалъ имъ новое исповѣданіе, показывалъ подпіси старцевъ и предлагалъ немедленно подписать, причемъ его предупреждали, что въ случаѣ отказа онъ долженъ будеть покинуть монастырь. Такимъ образомъ было собрано около сотни подпісей. Когда же очередь дошла до о. Досиева, то онъ наотрѣзъ отказался подписать подъ этимъ актомъ, не разсмотрѣвъ внимательно его содержаніе у себя въ келії. Ему въ этомъ отказалы и пригрозили изгнаніемъ, но такъ какъ о. Досиевъ стоялъ на своемъ и былъ членомъ въ обители очень нужнымъ, то въ концѣ концовъ уступили и дали ему копію съ акта. Не надѣясь на свои силы, о. Досиеву пришла мысль посовѣтovаться со мною, и онъ поспѣшилъ въ келію Благовѣщенія, гдѣ, прочтя актъ, мы увидавъ лукаво скрытую въ немъ отраву. По просьбѣ Досиева я написалъ разборъ акта и мое возраженіе на него. О. Досиевъ передалъ о. игумену мой разборъ вмѣстѣ съ письмомъ отъ себя, въ которомъ заявлялъ, что онъ подписать акта не можетъ, что вызвалъ такой гнѣвъ пантелеимоновскихъ властей противъ о. Досиева, что онъ, чтобы изѣгнуть угрожавшихъ ему карѣ, долженъ бытъ изъ монастыря въ одномъ только подрясникѣ, оставилъ на произволъ судьбы все свое имущество, которое и было расхищено уничтожено. О. Досиевъ скрылся въ келію Благовѣщенія. Вотъ это-то событие, которое не могло остататься неизвѣтнымъ, и обличио ересь Агаѳодора и Мисандра передъ всѣми престолами, не интересовавшимися до того происходившимъ на Святой горѣ споромъ. Всѣ проникли въ коварный умистъ Агаѳодора, который хотѣлъ заставить весь монастырь обманнными и принудительными образомъ подписать подъ извращеннымъ исповѣданіемъ вѣры. Вотъ гдѣ первая и главная причина тѣхъ смутъ, которая произошли въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ и которая официально объяснилась потомъ якобы желаніемъ кучки имѧбоянниковъ захватить власть, капиталы, малороссийскій сепаратизмъ и, наконецъ, какъ объясняетъ о. Климентъ, систематической агитацией о. Булатаовича.

Несомнѣнно, что я сочувствовалъ той ревности въ защитѣ Божественного достоинства Имени Господня, которую проявляла братія на Святой Горѣ, но дальше этого сочувствія я не шелъ. Конечно, я открыто высказывалъ мои порицанія имѧбоярамъ, открыто обличалъ и словесно и письменно еретичность ихъ мнѣй, взывалъ къ суду Церкви, но какой-либо агитации противъ игуменовъ и совершеніе было чужда и совершеніе чистъ отъ тѣхъ лѣтствъ, которая мѣшала проповѣдовать о. Климентъ. Напротивъ, я употреблялъ всѣ силы, дабы упротворить Агаѳону и добиться закончимъ путемъ, путемъ судебнаго разбора и слѣдствія церковной власти торжества истины. Свидѣтелями да будутъ и всѣ тѣ сочиненія, которая мною были написаны, и которая о. Климентъ такъ клеметливо называетъ—«прокла-

мациими». Кромѣ уже названныхъ трехъ моихъ сочиненій, которые были написаны до августа 1912 года, по переходѣ на Благовѣщенскую келію, мною было написано разборъ рецензіи Хрисанея на двухъ листахъ (27 страницахъ) и оттографировано въ двухъ или трехъ десяткахъ экземпляровъ для посыпки въ Россію чѣмъ-то богословамъ и некоторымъ іерархамъ, для передачи монѣ противникамъ изъ Аѳонѣ, и монѣ единомышленникамъ друзьямъ. Написанный мною разборъ исповѣданія акта Пантелеимоновского монастыря на 8 страницахъ, былъ оттографированъ въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ. Затѣмъ мною было написано возраженіе на письмо греческого монаха Каллиника, въ которомъ онъ осуждалъ мѣнѣ о. Иларіонъ и которое было напечатано имѧбоярами въ «Русскомъ Инонѣ». Наконецъ, разборъ статьи о. Хрисанея, которая тоже была напечатана въ «Русскомъ Инонѣ», озаглавленный: «Новое бѣссловное имѧбоярство», а также брошюра: «Истина обѣ истинѣ» съ катехизическими изложеніемъ въ вопросахъ и отвѣтахъ сущности ученія о Имени Божіемъ и печатный текстъ поданный мною въ Святѣйшій Синодъ жалобы на архіепископа Антонія, изъ которой мы обвиняли его въ среци варзапитской, и открытое гектографированное письмо отъ имени никовъ епіандрийскихъ, которое было послано мною въ маѣ маѣсяцѣ епіскопу Антонію Храповицкому. Быть еще напечатано мною разборъ патріаршаго циркуляра. Вотъ всѣ тѣ мои гектографированные сочиненія, которыхъ о. Климентъ называетъ «прокламаціями». Примѣнительно еще одинъ листокъ подъ заглавіемъ: «Величить душамъ Господа», который написанъ для келіи Благовѣщенія, а о. Парфеніемъ посланъ въ духовную цензуру, которой былъ разрѣшенъ въ печати и вошелъ въ число тѣхъ листковъ съ разными благочестивыми и нравоучительными поученіями, которыя разсыпались въ письмахъ къ благодѣтелямъ о. Парфеніемъ. Что же общаго съ прокламаціями о. Клиmentъ нашелъ въ этихъ моихъ сочиненіяхъ, содержаніе которыхъ—точнѣй богословскій разборъ точныхъ и несуполнимыхъ мнѣй не только для толы, но и для людей образованныхъ, но не богословски.

Никому и въ голову не придется назвать такія сочиненія «прокламаціями». Впрочемъ, психологически это именование моихъ сочиненій моими духовными противниками объясняется тѣмъ, что яркость и истинность обличенія ихъ неправомыслия была столь явна изъ приводимыхъ мною текстовъ Св. Писаній и си. отовъ, что, по словамъ Лісанія: «Не обличай безумного, да не возненавидитъ тебя», эти обличенія возбуждали въ нихъ гнѣвъ и тревогу и опасенія въ томъ, что ересь ихъ сдѣлается явна для каждого простца. Не эти ли объясняются и тотъ гнѣвъ, который проявлялъ по отношенію ко мнѣ архіепископъ Антоній Храповицкій, что, не зная меня въ

лицо, по имѣи никакого знакомства ни съ моимъ прошлымъ, ни съ моимъ настоющими, назвалъ меня въ письмѣ къ о. Ерениму «мертвымъ» и затѣмъ это письмо вноскѣствіи напечаталъ въ книжкѣ, изданной Андреевскимъ скитомъ...

Итакъ первый сильный толчокъ къ возмущенію противъ игумена братіи Пантелеимонопольскаго монастыря былъ поданъ исповѣдныи актомъ о недостопоклоняемости Имени Господня. Второй толчокъ былъ данъ тѣми пропсками, которые употребилъ Пантелеимоновскій монастырь для того, чтобы добиться запрещенія книги «На горахъ Кавказа». Ради этого, а также ради того, чтобы добиться изгнанія меня патрархомъ со Святой Горы, былъ посланъ въ Константинополь особый посланецъ отъ Пантелеимоновскаго монастыря — еромонахъ Кириллъ. Перваго онъ добился, а второго неѣть, и вскорѣ привезъ на Аеонъ циркуляръ патрарха, запрещавшій чтеніе книги «На горахъ Кавказа». Братіи сдѣлалось известіемъ отъ одесскихъ и константинопольскихъ собратій, какими окольными путями это запрещеніе было достигнуто. Стало известіе израсходованіе крупныхъ суммъ, покупка 300 фунтовъ зернистой икры, которые посланы въ Царыградъ изъ Одессы. Это побуждало братію пожелать, чтобы надъ расходованіемъ монастырскихъ суммъ быть установленъ контроль и касса изъ единоличного распоряженія ею игуменомъ была поручена для храненія выборнымъ старцамъ. Но главнымъ образомъ братія желала имѣть такого игумена, которому она со спокойной совѣстью могла бы вѣрить пастирство надъ своимъ душами, и потому требовалась, чтобы игуменъ Мисаиль или соглашаися съ исконнымъ пониманіемъ Божества Имени Божія, или уступить свое игуменство другому лицу. 23-го января желаніе братіи осуществилось. На соборѣ всей братіи въ присутствіи вице-консула Шербина о. Ириней от лица всѣхъ предложилъ игумену подпишаться подъ составленіемъ въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ новымъ исповѣданіемъ Имени Божія, на что о. Мисаиль согласился, подпись и уничтожилъ прежній актъ отъ 20 августа 1912 года о недостопоклоняемости Имени Божія. На этомъ же соборѣ было разъяснено, что о. Мисаиль передастъ завѣдываніе кассой 4 лицамъ, которые будутъ имѣть контроль надъ всѣми расходами. Заправила монастырь о. Агафонъ, какъ личность особенно вредная, была иселзъ братіей изъ монастыря изъ скита Фиванду и на неѣкоторое время лишилась права духовенства. Также подвергнуты дисциплинарнымъ взысканіямъ, состоявшимъ образомъ въ посыпкѣ на послушаніе на монастырскіе хутора, и другие главные дѣятели имѣбогорства, получиновники Леопольдъ, Кириллъ, Пинуфрій и еще неѣсколько лицъ, именъ коихъ не помню. Всего, кажется, 7 или 8 человѣкъ. Радость въ монастырѣ о состоявшемся примиреніи и о торжествѣ истины была столь велика, что братія христосовасалась между собою, какъ въ свѣтлый праздникъ Пасхи и служила въ

церкви пасхальную службу, пѣли «Христосъ Воскресъ», и радость эта охватила не только имиславцевъ, но и самого игумена Мисаила. Но, увы, эта радость продолжалась недолго. Ибо вскорѣ, благодаря пропскамъ о. Еренима и поддержкѣ, которой онъ достигъ со стороны нашего посольства въ Константинополь, противъ Андреевскаго скита были приприняты крайніе репрессивныи мѣры; въ связи съ ними противъ насть вооружили и соборъ представителей греческихъ монастырей на Святой Горѣ, которымъ безъ всякаго суда и слѣдствія Андреевский скитъ былъ объявленъ находящимся въ ереси, а братіе, не желавшая принять обратно своего игумена, котораго, пользуясь своимъ правомъ, она смѣнила большинствомъ голосовъ, была объявлена крамольниками, бунтовщиками и подвергнута блокадѣ, т. е. лишена права пользоваться почтой, получать корреспонденцію, получать товары и продовольствіе, прибывающіе на пароходѣ или на баркасѣ изъ Россіи и изъ Македоніи, и т. п. Эти мѣры такъ устрашили о. Мисаила, что онъ поспѣшилъ отречься отъ своего исповѣданія и въ слезномъ письмѣ къ архіепископу Антонію Храповицкому раскаялся въ своемъ малодушіи и просилъ прощенія. Это письмо было напечатано архіепископомъ Антоніемъ въ «Русскомъ Ионкѣ» и въ «Колоколѣ». Видя измѣну о. Мисаила, братія снова возмущались противъ него и стала требовать его смѣлы, что въ концѣ концовъ привело ко всѣмъ известіямъ событиймъ: прибытию архіепископа Никона, кононерки, двухъ ротъ солдатъ съ пулеметами, бомбардированию въ упоръ въ течение часа и «ураганнымъ огнемъ» изъ пожарной кишки, избѣженіе прикладами, порваніе штыками, вызову въ Россію, передѣяніемъ въ мірское платье и въ юдейскія ермолики и въ пиджаки въ Одессы, разсылкой по этапу на мѣста присыпки, держанію въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ заключеніи главныхъ «главарей»... Но, какъ видите не плодомъ моей систематической дѣятельности явилось все это, но плодомъ неразумія игуменовъ Мисаила и Еренима. А что это именно такъ, то доказательствомъ служитъ то, что въ Ильинскомъ скиту и во всѣхъ другихъ русскихъ обительяхъ Аеона сохранилось полное спокойствіе. Почему? Потому что начальники ихъ не были такъ ретинь не разумѣ и такъ легкомыслены, какъ о. Еренимъ и о. Мисаиль, и не возмущали духовного чувства простечовъ своими выходками противъ Имени Господня.

V.

Въ VI главѣ своей статьи о. Климентъ описываетъ изложеніе о. Еренима стъ игуменомъ въ Андреевскомъ скиту слѣдующими словами: «7 января возвратился въ скитъ архимандрит о. Еренимъ. Съ прѣздомъ его такъ хитроумно подготовленный Булатаовичемъ бунтъ... сталъ приближаться къ концу ускореннѣемъ темпомъ». На о. Еренимъ прибылъ въ скитъ не 7-го, а 8-го ян-

варя, причем самъ «хитроумный Булатовичъ» первый встрѣтилъ о. Иеронима на пристани, ибо самъ собирался уѣзжать со Святой Горы. Поэтому возстановимъ события.

Но прибытии 8-го января въ скитъ послѣ полуторамѣсячнаго отсутствия о. Иеронимъ, подойдя неожиданно къ порогамъ монастыря, увидѣлъ, что встрѣчавшися съ нимъ братія какъ бы сторонились отъ него и не желали подходить, какъ то раньше было, братъ отъ него благословеніе. О. Климентъ и о. Меркурій поспѣшили дoloжить ему о всѣхъ происшедшемъ за его отсутствие «бунтовщическихъ дѣйствіяхъ» «главарей комитета», какъ они имъ назывались въ своемъ сочиненіи главныхъ имѣславшевъ и произведенную ими дѣятельность, состоявшую въ чтеніи ими въ установленное время поучений изъ святыхъ отцовъ, имѣвшихъ содержание съяточескаго ученія о Имени Божіемъ. Этотъ до-кладъ игумену о. Клиmenta и выражение нехотѣнія къ нему братіи побудили его принять «хитроумный совѣтъ» о. Клиmenta, немедленно же изгнать изъ скита «главарей комитета», дабы тѣмъ устрашить прочую братію и прѣстъ возможность какого-либо возмущенія. Но, умалчивая обо всемъ этомъ, о. Климентъ пишетъ такъ: «всѣдѣ за прїѣздомъ игумена былъ созданъ соборъ (12-ти старцевъ). На него пригласили главарей комитета, жившихъ въ скитѣ». Неофиціальный читатель, конечно, можетъ подумать, что «главарии комитета» были призваны въ числѣ участниковъ собора и для участія въ немъ, но на самомъ дѣлѣ они къ соборнымъ старцамъ не принадлежали и были призваны для суда и расправы, что тонко умалчиваетъ о. Климентъ. Призвали троихъ: монаха Петра, Викторина и іеромонаха Иліодора. О. Иеронимъ грозно объявилъ имъ обвиненіе въ возбужденіи противъ него братіи скита и требовалъ отъ старцевъ изгнанія ихъ изъ скита, какъ бунтовщиковъ. Но обвиняемые возразили, что они не признаютъ дѣйствительности этого суда, ибо соборъ старцевъ не полонъ и на немъ недостаетъ старшаго члена итitora архимандриста Давида. Сказавъ это, они повернулись и хотѣли выйти изъ залы засѣданія. Въ коридорѣ въ это время уже стоялпилась братія, услыхавъ, что Петра и Викторина съ Иліодоромъ призвали на судъ и хотѣть изгнать изъ скита. Отказъ обвиняемыхъ принять надъ собою судъ и выходъ изъ засѣданія возбуждали опасеніе, какъ бы это не повлияло на собравшуюся братію въ нежелательномъ для о. Иеронима смыслѣ, и онъ счелъ вынужденнымъ согласиться на требование обвиняемыхъ, и на соборѣ былъ приглашенъ архимандристъ Давидъ. По приходѣ о. Давида, снова былъ прочитанъ обвинительный актъ о подстрекательствѣ къ бунту, причемъ однимъ изъ обвинений значилось, что однажды было прочитано пророчество пророка Малахія, въ коемъ возвѣщалася гибель Божій на іересь, «сквернявшихъ Имя Господне». Молча выслушали обвиняемые обвинительный актъ, но

прежде, чѣмъ они начали запинать себя, на нихъ защиту совершило неожиданно выступить самый младший изъ всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ, юный писарь Порфирій, по обыкновенію кроткій, несмѣлый и молчаливый, который по долгу службы присутствовалъ на соборѣ, и вотъ онъ исполнился вдругъ такого дерзновенія и ревности за славу Имени Господня, что безстрашно началъ обличать самого предсѣдателя собора—игумена—въ неправомыслии о Имени Господнемъ. Это неожиданное для всѣхъ выступление о. Порфирія, о которомъ тоже весьма умалчивается о. Климентъ, поразило Иеронима и присутствовавшихъ. Свидѣтельствовалъ о. Порфирій также о хульныхъ словахъ по отношенію къ Имени Господнемъ, которыми онъ сльхалъ отъ о. Меркурія. Но ни слова не находили для возраженія ни о. Иеронимъ, ни о. Меркурій, и по окончаніи рѣчи о. Порфирія вспарилось на пѣсколько минутъ таинственное молчаніе. Наконецъ, оправившись отъ замѣшательства, о. Иеронимъ почувствовалъ, что ему уже не самому судить, а оборотясь приходится и тихимъ голосомъ сказалъ о. Давиду: «Я слышу, что вы меня называете еретикомъ». —«Не только называю, но и здѣсь на соборѣ утверждалъ, что ты еретикъ, хулитель Имени Божія», —отвѣтилъ о. Давидъ. И началось препирательство, окончившееся тѣмъ, что, выходя изъ залы засѣданія, о. Давидъ воскликнулъ: «Братія, бѣгите: вашъ игумень еретикъ. Онъ предъ всѣмъ соборомъ отрекся отъ Иисуса». Да не подумаетъ читатель, что этими словами о. Давидъ утверждалъ, что о. Иеронимъ отрекся отъ вѣры въ Самого Господа Иисуса Христа, говоря: «отрекся отъ Иисуса»; я подразумѣвалось сокращенное слово «имени», о коемъ быть спору.

За о. Давидомъ разошлись и прочие соборные старцы, и такимъ образомъ этотъ соборъ, созванный по предложенію о. Клиmenta для изгнанія ему подстегнѣнныхъ лицъ изъ скита, закончился тѣмъ, что на немъ былъ совершенъ судъ надъ самимъ игуменомъ Иеронимомъ. Послѣдний почувствовалъ необходимость какимъ-нибудь образомъ обѣлить себя передъ братіей, для чего рѣшилъ создать соборъ изъ старѣйшихъ иноческихъ скита: іеромонаховъ, іеродиаконовъ и монаховъ, начальствующихъ на разныхъ послушаніяхъ, о коихъ зналъ, что эти лица, какъ болѣе отъ него зависящія, болѣе склонны будутъ принять его оправданіе. Всего собралось не 80, какъ говорить о. Климентъ, а 60. Пригласили на соборъ и о. Давида, но онъ прійти не пожелалъ. Узнавъ о созывѣ собора старшей братіи, собралася къ выходу изъ залы засѣданія и вся младшая братія, и имѣлавши рѣшили воспользоваться созваниемъ собора для того, чтобы предъявить свои обвиненія противъ о. Иеронима и противъ тѣхъ лицъ, которыхъ позволили себѣ хульно выражаться о Имени Господнемъ: отцовъ Меркурія, Клиmenta, Савина, Макарія, Геннадія, Самона, Михаила, Симона, Павлина. Открытымъ соборъ, о. Иеронимъ произнесъ рѣчь, въ которой оправдывался по изводимому на него обви-

нен и убеждалъ, что онъ пребываетъ неизмѣнно въ прежней своей вѣрѣ, что всѣ эти обвиненія на него суть лишь плодъ клеветы приверженцевъ о. Антона Булатовича, и въ доказательство своего правомыслия прочелъ символъ вѣры; также и о Именіи Господа Иисуса Христа сказали, что вѣруетъ, что оно свято, страшно, достопоклонимо. Соборъ молчалъ, а сторонники о. Иеронима воскликнули: «Ну, чего же вѣмъ еще отъ игумена надѣ?» Тогда выступилъ одинъ изъ старшихъ соборныхъ старцъ и эпинтрапъ іеромонахъ о. Сергій и сказалъ, обращаясь къ о. Иерониму: «Вы, отче, вчера на соборѣ отреклись отъ Иисуса». Простецъ, о. Сергій, какъ и всѣ простечи, не находилъ нужнымъ добавлять «отъ имени», полагая, что это само собой разумѣется, но о. Иеронимъ ухватился за это выраженіе и, относилъ слово «Иисусъ» къ самому Господу, сказавъ: «Скажите, отцы святые, отрекся ли я на соборѣ отъ Иисуса, или иѣтъ?» Его приверженцы воскликнули: «Иѣтъ!» Прочіе молчали. «Для чего же вы, о. Сергій, лжете?» сказали затѣмъ игуменъ.—«А вотъ изъ этого письма что вы говорите?» сказали о. Сергій, вынимая изъ кармана уже известное открытое письмо о. Иеронима, посланное имъ о. Антонію, распространенное по Святой горѣ пантелеimonскими имѧборцами. Въ этомъ письмѣ о. Иеронимъ говорилъ: «Вашего учения, выраженного въ сочиненіяхъ вашихъ и въ статьѣ, помѣщенной въ нашемъ журналь и озаглавленной: «О почитаніи Имени Божія»,—я отнюдь не принимаю». Но послѣдняя статья, какъ помѣщеннная въ журнале Андреевскаго скита, хорошо была известна братіи, и тотъ фактъ, что она была напечатана съ благословеніемъ самого о. Иеронима, пропущена цензурой, прочитана и одобрена братіей и вдругъ категорически объявлялась несогласной съ вѣрованіемъ о. Иеронима, ясно подтверждала подозрѣнія братіи, что ея игуменъ кореннымъ образомъ измѣнилъ свое прежнее исконное почитаніе Имени Божія. Въ дальнѣйшемъ описаніи происходившаго на этомъ соборѣ о. Климентъ позволялъ себѣ очень грубое извращеніе истини и хотѣлъ придать вопросу о. Сергія характеръ невѣжественности, объясняя все недоразумѣніе братіи, ибо въ письмѣ якобы говорится о томъ, что игуменъ отрекается отъ статьи, озаглавленной: «О почитаніи Имени Божія», что по своему невѣжеству братія поняла, какъ отреченіе отъ самаго почитанія Имени Божія. Но о. Климентъ фантазируетъ: братія прекрасно понимала, что о. Иеронимъ отрекается отъ той самой статьи, которая съ его благословеніемъ была напечатана иѣсколько мѣсяціевъ назадъ и выражала его тогдашнее пониманіе Имени Божія, съ которымъ было согласно пониманіе всей братіи; и теперь въ отреченіи отъ этой статьи она ясно видѣла, что, перейдя на сторону о. Алексія Кирїевскаго, хулившаго Имя Господне, о. Иеронимъ отрекся отъ своей прежней вѣры. Совершенно умалчиваетъ о. Климентъ и о дальнѣйшемъ спорѣ за подлинность этого письма, говоря, что «достали названное

письмо и рукопись и убѣдились, что о. Сергій говорить неправду». Но на самомъ дѣлѣ было какъ разъ наоборотъ: соборъ убѣдился, что о. Сергій говорить правду, и это рѣшило участіе о. Иеронима, ибо въ отречь на заявленіе о. Сергія о. Иеронимъ не напелъ лучшаго средства для оправданія, какъ отречься отъ своего собственнаго письма и признать его коварному измышенію Антона Булатовича. «Это самъ Антоній написалъ и распространяетъ, чтобы возмутить противъ меня братію», отвѣтилъ о. Сергію игуменъ. Но о. Сергій было въ рукахъ подлинное письмо, и, указавъ на подлинную собственноручную подпись о. Иеронима, онъ сказалъ: «А это чьи подписи?» Было даже предложено послать за о. Антоніемъ, чтобы личной ставкой восстановить истину. На защиту игумена выступилъ іеромонахъ о. Иеронимъ и сталь опровергать документъ; но ему снова указали на подлинную подпись о. Иеронима и подробно разобрали содержаніе письма. Тотъ, оправдываясь тѣмъ, что по слабости зѣрнія не можетъ удостовѣриться въ подлинности подписи, просилъ послать за очками. Послали за очками. Въ это время въ залѣ вошла и младшая братія, стоявшая у дверей въ коридорѣ, и залъ наполнился. Принесли очки, разсмотрѣли—подлинность отреченія о. Иеронима отъ прежнихъ своихъ мнѣній подтвердилаась. Тогда выступили противъ о. Иеронима и другіе обличители. Послушникъ Никита прочелъ записанную имъ бесѣду о Имени Господнемъ, которую онъ имѣлъ съ о. Климентомъ и съ о. Иеронимомъ въ доказательство, что тѣ его убѣждали отступить отъ божественнаго почитанія Имени Господня, и когда онъ на это не соглашался, ему угрожали всяческими карами. Выступили и другіе свидѣтели, объявивши передъ соборомъ слова и мнѣнія, которыя они слышали отъ о. Иеронима, Клиmenta, Меркурия, и другихъ имѧборцевъ, и вторичный соборъ, созданный Иеронимомъ для воздейстія на имѧславцевъ, неожиданно превратился въ судъ надъ самими имѧборцами. Стало очевиднымъ, что дальнѣйшее пребываніе о. Иеронима въ игуменствѣ немыслимо, и старѣйший эпинтрапъ о. Іоасафъ вопросилъ братію: «Чего же вы хотите?» на что послѣдовала почти единогласный отвѣтъ: «Желаемъ смѣны игумена». Тогда о. Иеронимъ всталъ и сказалъ: «Отцы святые, значитъ, вы все согласны съ о. Петромъ и не желаете, чтобы я былъ вашимъ игуменомъ?—Не желаемъ—былъ общий отвѣтъ. «Ну, дѣлайте со мной, что хотите», сказали о. Иеронимъ и покинули залъ.

Такимъ образомъ, изложеніе фактически совершилось и осталось его только оформить. Самъ игуменъ готовъ былъ покориться общей братской волѣ, и если бы онъ не измѣнилъ своего первого добраго рѣшенія, Святая гора была бы спасена отъ того опустошения и разгрома, котораго въ концѣ концовъ добились Иеронимъ и Мисаиль ради удержанія своихъ игуменствъ. Но, увы, о. Климентъ и о. Меркурий не дали игумену исполнить своего благого на-

мързія. Они уговорили вступить въ борьбу съ братіей и употребить всѣ средства къ удержанію за собой игуменства, обнадеживая его поддержкой Пантелеімонского монастыря, Ватопедскаго го- сподствующаго надъ Андреевскимъ скитомъ монастыря и посоль- ской власти.

Подавшися на ихъ уговоры, о. Иеронимъ вступилъ въ брато- убийственную войну, окончившуюся насилиственнымъ изгнаніемъ и вывозомъ въ Россію 185 братій, т. е. половины наличнаго состава, оклеветанныхъ имъ въ бунтѣ и въ ереси. Борьба началася немедлен- но. Въ тотъ же вечеръ было послано два доноса: одинъ генеральному консулу въ Салоники, а другой въ Ватопедъ. Съ словеснѣмъ же до- носомъ былъ посланъ монахъ Варохомей, котораго тайно отъ бра- тій спустили по веревкѣ съ балкона гостиницы. Ойтъ въ ту же ночь успѣлъ сѣсть на отходившій пароходъ въ Салоники, гдѣ передалъ по порученію Иерониму генеральному консулу Вѣльяму доносы, что братія возмутились противъ него и что положеніе въ скитѣ столь серьезно, что требуется его, консула, вмѣшательство. Точно такъ же было потребовано помощь изъ Ватопеда, куда о. Иеронимъ то- же доносилъ о возмущеніи противъ него братія скита. Онь про- сила прислать представителей монастыря «презоссовъ» для при-нятія мѣръ строгости къ подавленію возмущенія. Вызовъ презос- совъ для вмѣшательства по внутреннюю жизнь скита былъ сдѣланъ о. Иеронимомъ совершенно незаконно и противно скитскому уставу. Уставъ, имѣвъ виду предупрежденіе возможности грекамъ вмѣши- ваться во внутреннюю жизнь скита, предусматриваетъ, чтобы пред- ставители монастыря могли прѣѣхать въ скитъ лишь по приглашенію скита и то лишь по письменному приглашенію за печатѣ и за под- писью четырехъ эпітроповъ скита. О. Иеронимъ вызывалъ ихъ тайно, и приглашеніе подписали только двое его эпітроповъ-сторонниковъ.

VI.

Въ то время, какъ о. Иеронимъ ковалъ ковы противъ своей братіи и отправлялъ доносы, чтобы добиться поддержки властей первковной и правительственный, дабы «сохранить свою власть надъ иконами, «коварные», «хитроумные» «главари комитета», по выражению о. Клиmenta, наиболѣе убѣжденныхъ защитники Бо- жественнаго достоинства Имени Господня, ничего подобного не прек- принимали противъ своихъ противниковъ. Рѣшилъ смѣну о. Иеронима, братія обратила свои взоры на о. Давида, котораго рѣшила избрать на мѣсто первого, и на о. Антонія, который находился на пристани и собирался покинуть Святую гору. Братія послала про- сить его не покидать ея въ эти рѣшительныи минуты и возвратиться въ скитъ, чтобы помочь ей.

Мною уже было упомянуто, что еще 30 декабря я прибылъ на пристань и на слѣдующий же день долженъ былъ отбыть на салоник- скому пароходѣ, но на морѣ поднялась такая буря, которая недавала приставать пароходамъ, и такимъ образомъ я проезджалъ до 9-го января, когда около захода солнца показался на горизонтѣ дымокъ парохода, шедшаго изъ Кавалы и который долженъ былъ отвезти меня въ Салоники. Но въ это самое время прибылъ изъ скита о. Кон- стантинъ и передаль миѣ всеобщую просьбу братія возвратиться въ обитель и не оставлять ея въ эти трудныи минуты. Въ выданной мною распискѣ о. Иерониму во время нашего примиренія на келліи Благовѣщенія, я не отрицалъ возвратиться въ скитъ, «апче то угод- но будетъ Господу Богу и аще съ любовью соизволять игуменъ и братія». Теперь игуменъ фактически былъ низложенъ, братія же съ любовью единогласно зовутъ возвратиться къ ней на помощь въ родное гнѣздо, въ которое я возвѣщалъ Господу обѣты мои при по- стрижении, и считаютъ своимъ долгомъ исполнить эту просьбу тѣмъ болѣе, что я видѣлъ въ этомъ волю Божію. Господу угодно было такъ удивительно удержать меня на Святой горѣ отъ предприня- тія мною отѣзда необычайной бурей.

Въ тотъ же вечеръ я возвратился на Карею къ большому не удо- вольствію моего старца, настоятеля келліи Благовѣщенія о. Пар- фенія, съ благословеніемъ котораго я долженъ былъ ѿѣхать въ Аеніи; но, узнавъ обстоятельства дѣла, онъ не сталъ противиться моему из- мѣрепию, и на слѣдующий день, послѣ ранней литургіи, въ 9 ч. утра я отправился въ Андреевский скитъ. У святыхъ воротъ меня встрѣтила большая часть братіи съ любовью и съ сердечными привѣт- ствіями и лобзаніями, и мы пошли въ паломническую гостиницу, гдѣ имѣлось просторное помѣщеніе. Братія земно кланялась, про- сила меня не оставить ихъ однихъ въ эти трудныи минуты, не остав- лять безпомощныхъ, такъ какъ стало извѣстнымъ, что о. Иеронимъ, который наканунѣ согласился бы на свою смѣну, вызвалъ вато- педскихъ презоссовъ, которые сейчасъ должны прїѣхать «для усми- ренія бунтовщиківъ». Я угѣшилъ братію, какъ могъ, и напомнилъ ей слова Спасителя: «Въ мѣрѣ скорбии будете, дeraзите, яко Азъ побѣдихъ мѣръ». Всѣдѣ, за мною пришелъ и о. Давидъ, котораго братія тоже призвала къ себѣ. Здѣсь мы впервые встрѣтились съ о. Давидомъ послѣ 23-го іюля, когда я случайно съ нимъ увиделся около его кельи, ибо какъ я, такъ и онъ, мы оба вели весьма замкну- тую жизнь и не общались другъ съ другомъ. Братія обратилась къ о. Давиду съ той же просьбой, какъ и ко мнѣ. Старецъ растрогался и прослезился. Въ то же почти время прибыли въ скитъ презоссы, и ихъ принялъ о. Иеронимъ со сторонниками своими и провѣръ ихъ въ парадныхъ комнатахъ скита. Прибыль въ обитель и увидавъ св. во-

ота открытыми и царящее въ скиту спокойствие, прозестосы были весьма удивлены и сказали: «Вы писали, что у васъ бунтъ, но у васъ все спокойно». Итакъ, игуменъ призвалъ прозестосовъ, дабы они удержали пимъ игуменства. Но братія со вчерашию для считала уже о. Ероѳе ма изложениемъ, такъ какъ уставъ ясно предоставлялъ братіи право смыны игумена въ случаѣ недовольства имъ, и поэтому изеринное единогласное заявление о семъ игумену было выражено воли подавляющимъ большинствомъ собора, имѣвшимъ официальный характеръ. Слѣдовательно, оставалось теперь оформить на бумагѣ то, что словесно было сдѣлано наканунѣ, и братія рѣшила ити въ соборный храмъ и созвать туда всесѣйшій братскій соборъ для приданія вчерашиему изложению письменной формы и для выбора нового игумена. Удалились въ большой колоколь и собрались въ соборъ. Но въ ту время, какъ братія собирались въ соборъ, близкайшіе сторонники о. Ероѳима въ парадныхъ компанахъ угощали прозестосовъ обѣдомъ и прилежно вадили, какъ говорятъ Писаніе, на братію. Братскій соборъ открылся торжественнымъ молебномъ съ акаѳистомъ Сладчайшему Иисусу, послѣ котораго съборные старцы Сергій и Фортунатъ и старій братскій духовникъ о. Пантелеимонъ предложили братіи высказаться въ томъ, желаетъ ли она оставить прежнаго игумена, или желаетъ избрать нового. Вѣѣтъ одинъ голосъ отвѣтили, что требуютъ смыны о. Ероѳима. Тогда были поставлены столы для подписи подъ братскими заявлениями о смынѣ о. Ероѳима. Заголовокъ былъ составленъ многими, и по обсужденію старшій братія, принялъ и предложень къ подписи. Онь гласилъ: «Я, нижеподписаный, вѣрую и исповѣдую, что Имя Божіе и Имя Господа Иисуса Христа свято само по себѣ, неотдѣльно отъ Бога и есть Самъ Богъ, какъ то многие святыи Отцы исповѣдали. Хулители и уничтожители Имени Господня отметаюся, какъ еретикъ, и посему требую смыны игумена Ероѳима». О. Климентъ увѣряетъ, будто къ этой формулѣ заставляли принудительно подписываться и тѣхъ, которые не хотѣли. Это ложь, ибо могла ли быть рѣчи о принужденіи, когда въ самомъ скиту присутствовали монастырскія власти. Увѣряетъ также о. Климентъ, что братія не знала, подъ чѣмъ подписывается, но и это неправда, ибо предложенная формула не только была тщательно обсужденна въ присутствии всей братіи и вслухъ, неоднократно прочитана, но надписана на томъ самомъ листѣ, на которомъ подписывались, причемъ каждый грамотный, подходя подписьватъ, считалъ своимъ долгомъ, сначала внимательно прочитать заголовокъ и затѣмъ свободно или подписываться, или отходить, если не хотѣлъ. Эта формула не предполагалась въ предыдущеніи греческимъ монастырскимъ властямъ, ибо мы не хотѣли вводить грековъ въ наши внутренніе богословскіе споры; для смыны же игумена особыхъ мотивовъ не требовалось, ибо уставъ предоставлялъ право смыны по одному

неудовольствію братіи игуменомъ. Поэтому на ряду съ этой формулой была предложена и другая, и для нея не поставлена особый столъ. Эта вторая формула гласила: «Мы, нижеподписаные, потеряв любовь и довѣріе къ игумену нашему, архимандриту о. Ероѳиму, требуемъ его смыны».

Изъ сказанного явствуетъ, что мы не собирались дѣлать судьмы нашего богословскаго спора грековъ, которые по духовной жизни своей и по характеру своему совершенно для того не подходили. Къ великому сожалѣнію, монашеской жизни среди грековъ на Святой горѣ, столъ высоко нѣкогда стоявшая, пылѣ упала, въ особенности въ шатровыхъ монастыряхъ, какими были Ватопедъ. Представителями монастырей избирались обыкновенно люди, отличающиеся не подвижнической жизнью, но постомъ, не молитвою и не богословскою начитанностью, но хозяйственностью, и дѣятельность ихъ заключалась въ разѣдахъ по управлѣнію многочисленными имѣніями монастыря. Кроме того, греки извѣстны своимъ коварствомъ и русофобствомъ, и поэтому они могли воспользоваться возникшимъ богословскимъ споромъ среди русскихъ, какъ оружіемъ противъ настѣ же, ибо увеличеніе русскаго населенія на Афонѣ давно уже возбуждало тревогу грековъ и побуждало ихъ принимать мѣры къ воспрепятствованію увеличенію численности братіи въ русскихъ обителяхъ. Исповѣданную формулу съ изложениемъ истиинныхъ причинъ, вынудившихъ братію Андреевскаго скита смынить своего игумена, мы памѣрены были представить на судъ россійской церковной власти, той самой власти, которой мы нѣсколько мѣсяцей тому назадъ привнесли жалобу на архіепископа Антонія Волынскаго.

Поэтому это исповѣданіе и было послано нами при докладныхъ запискахъ въ Святійший Синодъ, а также и въ константинопольское посольство. Представляя наше исповѣданіе въ Святійший Синодъ, мы просили по разсмотрѣніи извѣстить насъ, правильно ли мы формулируемъ нашу вѣру во Имя Божіе и въ случаѣ, если требуется исправленіе себѣ формулы, то исправить. Однако въ основаніе этой формулы легли выраженія, искони употреблявшіяся въ церкви по отношенію къ Имени Господню, ибо о томъ, что Имя Божіе свято само въ себѣ, гласить катехизисъ, что оно неотдѣльно отъ Именемаго—выражали св. отцы; слова же «Имя Божіе—Самъ Богъ» есть выражение о. Йоанна Кронштадтскаго, столько лѣтъ допускаемое духовной цензурой.

Подпись шла очень успѣшно, братія наперерывъ подписывались подъ листами, и вскорѣ число подписей превзошло 300. Такимъ образомъ болѣе $\frac{4}{5}$ наличнаго состава скита требовали смыны игумена, и оставалось теперь только представить этотъ списокъ въ Ватопедъ, а съ нимъ вмѣстѣ и списки подписей избирателей нового игумена и просить объ утвержденіи послѣд资料 мона-

стремъ. Приступили къ избранию нового игумена, и я предложилъ назвать не сколько кандидатовъ и произвести закрытую баллотировку, какъ то обычно дѣлалось. Но старцы и вся братия въ одинъ голосъ возразили: «Какие тамъ еще кандидаты, мы все просямъ о Давида». — «Кто желаетъ о. Давида — перейди направо, кто не желаетъ — налево»; воскликнула о. Сергій, и все 300 человѣкъ оказались на правой сторонѣ. Гласъ народа — гласъ Божій. Выборы были сочтены совершившимися, и тотчасъ же быть отслуженъ благодарственный Господу Богу молебень, и вся братія, поклонившись кресту, евангелию и чудотворной иконѣ Божіей Матери, подходила къ о. Давиду, дѣлала ему земной поклонъ и брала отъ него благословеніе, какъ отъ своего новаго игумена. Такъ безъ заранѣе обдуманнаго плана совершилось изложение одного игумена и выборъ другого. И совершилось это въ то самое время, какъ въ парадныхъ комнатахъ скита съ Иеронимомъ засѣдали прибывшіе усмирить не существующій бунтъ прозестосы, предъ которыми о. Иеронимъ и сторонники нещадно всякихъ клеветъ возводили. Мы же ничего этого не подозревали и не позабылись принять какія-либо предварительныя мѣры къ защищѣ себѣ отъ этихъ клеветъ.

Приведу еще одинъ фактъ въ защиту отъ возведеннаго на меня обвинения въ «хитроуміи» и «коварствѣ», которыхъ якобы проявилъ въ аеонской смутѣ. Мое неожиданное возвращеніе въ скитъ весьма непріятно поразило о. Иеронима и сторонниковъ его, которые предполагали, что я уже уѣхалъ, и поэтому о. Иеронимъ первымъ дѣломъ стать жаловаться прозестосамъ на меня и требовать, дабы прежде всего и былъ изгнанъ изъ скита, какъ лицо постороннее, ушедшее изъ скита и давшее въ томъ расписку. Поэтому, какъ только пріѣхали прозестосы, о. Иеронимъ послалъ въ хозяйственную канцелярію къ секретарю съ требованіемъ доставить хранившуюся у него мою расписку. Но тутъ было нашъ сторонникъ и немедленно сообщиъ это мнѣ. Въ это время мы все были еще въ паломнической гостиницѣ, и Георгій, секретно сообщиъ о требованіи Иеронима, предложилъ мнѣ уничтожить эту расписку, дабы отнять поводъ у Иеронима, основываясь на ней, требовать моего удаленія. Я на это не согласился, хотя имѣлъ нравственное право это сдѣлать, ибо не лишенъ былъ права возвращенія, а тѣмъ болѣе когда возвратился по волѣ всей братіи, и предоставилъ о. Иерониму использовать мою расписку, какъ ему будетъ угодно.

Выслушавъ о. Иеронима, прозестосы потребовали къ себѣ на допросъ обвиняемыхъ, но братія потребовала, чтобы этотъ допросъ быть произведенъ въ елъ приступѣ, и послала къ прозестосамъ о. Пантелеимона, старшаго духовника, и о. Константина, говорившаго по-гречески, просить ихъ пожаловать въ соборъ. На это предложеніе прозестосы отвѣтили отказомъ и вторично потребовали, чтобы обвиняемые явились на допросъ къ нимъ. Братія снова послала

своихъ представителей просить прозестосовъ въ соборный храмъ. Но тѣ не приходили къ братіи, а братія не шла къ нимъ. Такъ прошло въ препирательствахъ часовъ до трехъ пополудни, когда наконецъ пришли въ соборъ два прозестоса: Германъ, говоривший по-русски, и его братъ, Аркадій, заправила Ватопедскаго монастыря. Въ соборѣ прозестос Германъ былъ встрѣченъ братіей почтительно, съ поклонами. Онъ спросилъ: «Почему вы не хотите игумена Иеронима?» Мы ему отвѣтили: «Потому, что потеряли къ нему любовь и уваженіе». — «Но почему вы потеряли къ нему любовь и уваженіе?» спросилъ онъ насъ. Но ни предъявлять на судъ трекамъ религіозной причинѣ недовольства игуменомъ, ни чернить его какими-либо жалобами, которыхъ, конечно, можно было бы принести не мало, мы не желали и отвѣтили, что причинѣ къ этому много, но перечислять неѣтъ надобности, т. к. это и не требуется скитскимъ уставомъ, ибо въ статьѣ 4-й ясно сказано, что достаточно одного недовольства игуменомъ, чтобы смыть его простымъ большинствомъ голосовъ. Прозестос Германъ, которому хорошо былъ извѣстенъ нашъ уставъ, ничего не могъ возвратить и, убѣдившись, какъ мирно и спокойно совершился подпіска, вышелъ изъ храма, сказавъ по-гречески: «Эти овчики не сумѣютъ смыть своего игумена». И дѣйствительно, чуждъ былъ имѣславцамъ тотъ духъ коварства, систематической предумышленности и хитромудріи, который присущъ наимъ о. Климентъ. Когда о. Иеронимъ узналъ о томъ, что подъ его низложеніемъ уже собрано болѣе 300 подпісей и новымъ игуменомъ избранъ такимъ же числомъ голосовъ о. Давидъ, онъ сталъ, по откровенному признанію о. Клиmentа, слегка умолять прозестосовъ не болѣе, не менѣе, какъ о томъ, чтобы всѣ не желавшіе его — были признаны неправославными, и не остановился передъ тѣмъ, чтобы возвести такую клевету, будто братія о Иемени Божіемъ говорить, что оно и есть самое существо Божіе, сплавя Имя Божіе съ существомъ Божіимъ.

Когда подпіска была закончена, то мы все направились къ параднымъ комнатахъ и представили списки прозестосамъ. Тѣ сначала встрѣтили насъ горделиво и грозно. Тогда мы рассказали имъ наше недумѣніе по поводу ихъ прибытия въ скитъ, ибо хотя мы очень рады, но мы все-таки желали бы узнать, по чѣму зову они пріѣхали, т. к. по уставу они могли прибыть въ скитъ лишь по приглашенію, подписанному четырьма эпітрапцами, а такого имъ послано не было. Нарушение устава явное — они сбанили тонъ. Они заявили, что пріѣхали потому, что о. Иеронимъ принялъ имъ жалобу, что братія ему не повинуются и бунтуютъ, и спросили, по какой причинѣ требуетъ мы смыть о. Иеронима. Но мы имъ дали тѣ же отвѣты, что дали въ соборѣ Герману, что потеряли къ нему любовь и довѣріе. Тогда самъ о. Иеронимъ выступилъ противъ насъ по-гречески съ обвиненіями насъ въ ереси. Въ доказатель-

ство правильности нашего понимания мы привнесли и греческую книгу св. Симеона Нового Богослова и, раскрывъ 62-ю главу, показали ясное свидѣтельство святаго о нашей правотѣ. Прозестосы не возражали. Мы просили ихъ принять отъ насъ заявленіе о низложении игумена Иеронима и о выборѣ о. Давида и принять выборные списки; но они отвѣтили, что хотя они ничего не возражаютъ противъ нашего права менять по желанію игуменовъ, но они не имѣютъ полномочія отъ монастыря на производство смынъ, а тѣмъ болѣе не могутъ принять нашихъ заявлений, что мы сами протестовали противъ законности ихъ прибытия въ скитъ. Поэтому они представляютъ намъ самимъ завтра прѣѣхать въ скитъ съ бумагами и передать ихъ собору старцевъ. Разсмотрѣвъ бумаги, они нашли въ нихъ какую-то неправильность въ формѣ и сказали, что надо переписать ихъ и снова подписать, на что мы и согласились.

Такимъ образомъ, фактъ смынъ Иеронима былъ окончательно признанъ, также признана по существу и законность этой смынъ. Вотъ тогда-то и произошло то, что описывается о. Климентъ съ большими умолчаніями. Послѣ ужина, когда имѧловцы разошлись по кельямъ, о. Иеронимъ и имѧборцы, видя, что дѣло ихъ проиграно, снова пришли настаивать, колѣнопреклонно умолять прозестосовъ не соглашаться на выборы о. Давида и изгнать Антонія и сторонниковъ его, о чемъ о. Климентъ повѣствуетъ: «Иеронимъ сталъ просить принять рѣшительныя мѣры къ водворенію порядка въ скиту» «и при этомъ прослезился». Картина была трогательная. Но слезная колѣнопреклонная просьба имѧборцевъ «принять рѣшительныя мѣры», т. е. изгнать, во-первыхъ, большую половину братіи скита вкупѣ съ ктиторомъ о. Давидомъ и съ Антоніемъ Булатовичемъ, дабы удержать Иеронима на игуменствѣ, не могла быть исполнена прозестосами, въ виду категорической статьи устава, предусматривавшей право братіи большинствомъ голосовъ смынть своихъ игуменовъ, а поэтому о. Иеронимъ, поплачавъ, безнадежно ушелъ въ келью. Но о. Климентъ и другие имѧборцы были болѣе настойчивы, по откровенному признанію о. Клиmentа, остались колѣнопреклонно умолять прозестосовъ обѣ удержаніи на игуменствѣ о. Иеронима. Единственнымъ средствомъ для этого было признаніе всей братіи, не желавшей о. Иеронима, отступившей отъ православія... И вотъ обѣстъ умоляль прозестосовъ о. Климентъ... Мы дивимся такому ожесточенію сердца у нашихъ бывшихъ любезныхъ собратій, имѣя же ожесточенныхъ враговъ. Дивимся въ особенности потому, что о. Климентъ, откровенно сознавая въ томъ, считаетъ себя, повидимому, совершенно правымъ въ своихъ поступкахъ и даже тешеръ, когда скоро минетъ два года, какъ изгнаныхъ изъ Асона и удаленныхъ въ Россію за минимое неправославіе по павѣту имѧборцевъ по разбирательству ихъ православіе было признано и ихъ приняты въ церковное общеніе. Развѣ это неизвѣст-

Ктиторъ и настоятель Русскаго на Афонѣ Свято-Андреевскаго Скита (п. изгнанинъ), бывшій строитель Андреевскаго Подворья въ Петроградѣ, Архимандри́т Давидъ, во главѣ 185 братій, вывезенный со скита въ 1913 г. Передъ тѣмъ многое тѣлько поднималъ въ без. Св. Горы въ 1913 г. Передъ тѣмъ многое тѣлько поднималъ въ без. молинѣ. Извѣстный дѣлатель умной Иисусовой молитвы.

но о. Клименту? Спрашивается, поступил ли онъ по совѣсти, что онъ прибѣгнулъ къ подстрекательству и клеветѣ... Презосты, склонившись на настоянія и слезы, колѣнопреклонили мольбы «ревнителей православія» Клиmentа, Софронія, Меркурия и другихъ, предложили имъ написать о семъ цыпленное прошеніе въ монастырь. О. Климентъ сознается, что его рукой написанъ тотъ павѣтъ и донось на братію ст прошеніемъ о признаніи неправославныхъ о. Давида, о. Антоній и всѣхъ единомышленныхъ съ ними и обѣ изгнаній ихъ со Святой горы.

Въ ту же ночь сторонники Иеронима стали собирать подписи, для которой была предложена слѣдующая формула: «Вѣрую во святую соборную восточную каѳолическую церковь». Этотъ заголовокъ былъ нами найденъ въ кельѣ о. Иеронима по изгнаніи его изъ скита, причемъ онъ былъ отрѣзанъ, очевидно, отъ подписанного листа и на его мѣсто подшило прошеніе о. Клиmentа же. Нѣкоторые братія по малодушію подписались и тутъ, и тамъ. Всѣмъ предлагалось вычеркивать свои подписи изъ подписи въ пользу о. Давида и подписываться за о. Иеронима; такимъ образомъ истинное содержаніе прошенія о. Иеронима о признаніи неправославными исконѣдниковъ Имени Господня было скрыто отъ братіи. Это подтвердили тѣ братія, которые съ военной хитростью сдѣлали видъ, что готовы подписатьсь за о. Иеронима, и приходили въ капелларію, гдѣ собирали подпиську, и просили дать имъ прочитать заголовокъ, но увидали тамъ только слова, что нами приведены. Такимъ образомъ, допущенный здѣсь подлогъ очевиденъ. «Жалобу», пишетъ о. Климентъ, — мы изготоили почкою и утромъ передали ее». А вотъ и копія жалобъ, черновую съ которой мы нашли при обыскахъ кельи о. Иеронима послѣ изгнанія 12 января.

«Высокопреподобнѣйшимъ отцамъ священнаго царскаго ставропигіального Батопедскаго монастыря, что на Леонѣ.

«Св. гора Аeonъ. 11 января 1913 г.

«Брати Андреевскаго русскаго скита св. ап. Андрея Первозваннаго жалоба на архимандрита Давида и его единомышленниковъ.

«Живущій на покое въ нашемъ скиту бывшій настоятель Кобъевскаго въ Рѣсінѣ на Кавказѣ монастыря архимандритъ Давидъ подъ вліяніемъ книги «На горахъ Кавказа вінъ въ богохульную ересь. Ересь его состоить въ томъ, что онъ упорно утверждаетъ, что самое имя второй ипостаси Пресвятой Троицы есть Самъ Богъ по существу, что къ сему-то имени «Іисусъ» и должно обращаться, какъ къ Самому Богу, ибо, по архимандрита Давида мнѣнію и его единомышленниковъ, это самое имя «Іисусъ» — есть Самъ Богъ, что оно неотдѣлимъ отъ святѣйшаго Богія существа, что оно съ существомъ Богомъ — съ Самимъ Богомъ — едино. Архимандритъ Давидъ не только самъ коснѣть въ этой ерсї, но съ ревностю фанатика учитъ ей братію скита и уже многихъ увлекъ въ сie бого-

хульное учение, несмотря на то, что безсмысличество и богохульство учения уже доказана Иоакимом грамотою от 12-го сентября 1912 г. за № 8529 и Антонием, архиепископом волынским, статьей в «Русском Иноч» за 1912 г. № 10, ком прилагаются при сем. Архимандрит Давидъ, несмотря на помянутую грамоту святшаго патриарха, которая запрещает чтение названной книги «На горах Кавказа», продолжает соревноваться всемъ читать эту книгу, какъ богоугодную и душеполезную. Такъ какъ архимандрит Давидъ человѣкъ почти совсѣмъ безграмотный, то для успѣха пропаганды ереси онъ восхваляетъ сочиненіе своего единомышленника юродиго монахона Антония Будлатовича, въ коихъ излагается учение этой ереси, и совѣтуетъ читать ихъ, какъ истинное учение церкви. Такого дѣянія архимандрита Давида и распространяемой имъ ереси мы не можемъ терпѣть. Но его единомышленники сего января 9-го дня самочинно, безъ разрѣшенія правящаго собора старцевъ скита, учинили незаконное соборище, оклеветали на немъ нашего высокочтимаго, достолюбезнаго, высокопреподобнаго отца архимандрита, впопыхъ православнаго дикея скита Иеронима въ неслыханной доселѣ ереси имѣборства; послѣ сего приступили къ выбору и подписи, запутывая ихъ разного рода наказаніями, преимущественно изгнаніемъ изъ скита, вслѣдствія чего многіе по своему малодушью подписались противъ своей воли. Подъ влияніемъ этихъ запугиваний многіе подписались, сами не зная, къ чему подписываются, ибо содержаніе бумаги не всѣмъ было известно. Достовѣрность сего можетъ установить слѣдствіе.

«Выше сказано было, что дѣяній архимандрита Давида и распространяемой имъ ереси мы не можемъ терпѣть, ибо богохульное учение послѣдней можетъ заразить не только весь скитъ, но и окрестность его, а посему необходимо и нужно является архимандрита Давида удалить изъ скита, а если возможно, то и съ Аеона имѣеть съ его единомышленниками, въ честь смиреннѣйши и всеусерднѣйши просимъ васъ, высокопреподобнѣйши отцы, ради славы Божией и вѣчнаго спасенія душъ нашихъ, не откажите удовлетворить нашу усердную просьбу, за что Господь Богъ напиши вознаградить васъ своею милостью въ сей и будущій вѣкъ.

«Вашихъ высокопреподобнѣйшихъ послушниковъ» (Иеронимъ и 70 поддѣлей).

Эта «смиреннѣйшая и всеусерднѣйшая», «сердечная» жалоба высокопреподобнѣйшаго, достолюбезнаго и высокочтимаго Иеронима очень характерно обрисовываетъ всю дѣятельность имѣборцевъ. Въ то время, какъ имѣльствы съ текстами Священнаго Писания и святыхъ отцовъ въ рукахъ обличали ересь имѣборцевъ, они, имѣборцы, искали защиты у предержащихъ властей свѣтскихъ и духовныхъ и «слезно», и «сердечно», всеусерднѣйши и всесмиреннѣйши просили признать ихъ противниковъ-имѣльствъ не болѣе, не менѣе, какъ

еретиками и нагнать со Святой горы на основаниѣ не подписаннаго циркуляра патріарха Иоакима, названнаго ими «грамотою», въ коемъ, между прочимъ, патріархъ догматическаго разсмотрѣнія спорнаго вопроса ни однимъ словомъ не касается, а, во-вторыхъ, на основаніи статьи въ «Русскомъ Иночѣ» архиепископа Антонія, въ коей тоже никакого догматическаго разбирательства нѣтъ, а только высказано огульное осужденіе и приравненіе мнѣній о Иларіонѣ къ «хлыстовской» ереси. Они старались убѣдить предерзающія власти въ еретичности учения имѣльствъ, для каковъ цѣли въ корыбъ извращали пониманіе Божества Именіи Божіи имѣльствами и влагали имъ въ уста слова, которыхъ они не говорили и не могли говорить: обожествленіе самаго имени «Іисусъ» не зависимо отъ Именемаго, т. е. обожествленіе самыkhъ звукосочетаній сего имени.

При такомъ положеніи дѣла только дину даешься, что предерзающія власти вмѣсто того, чтобы грозно прикрикнуть на «достоилюбезнѣйши и высокочтимѣйшихъ» «хлыстниковъ» и заставить ихъ замолкнуть, самыkhъ серьезнымъ и усерднымъ образомъ приступили къ осуществленію «сердечной» ихъ просьбы...»

VII.

День 11-го января начался съ того, что послѣ ранней обѣдины сноva братія была созвана въ соборный храмъ для подписи нового списка, составленнаго въ той формѣ, какую указали проэстосамъ. Всѣхъ подписей оказалось 302. Подъ списками же о. Иеронима было всего 70. Проэстосы теперь измѣнили тонъ; отъ вчерашняго строгаго обращенія и начальнической гордыни не осталось слѣдовъ. На изложеніе о. Иеронима они посмотрѣли, какъ на совершившійся фактъ, и поэтому о. Иеронимъ со своими сторонниками стушевались; нась же проэстосы признали хозяевами скита. Они только потребовали отъ нась приложить печати къ спискамъ, какъ требуется обычно принятой формой. Печать была у о. Иеронима, и онъ ея намъ не далъ. Этотъ отказъ уже фактически низложилъ игумена, конечно, только еще больше возвиновить противъ него братію, которая усмѣрѣла въ этомъ наспілѣ и самоуправство.

Обѣль проэстосамъ быть предложенъ уже не Иеронимомъ въ качествѣ хозяина скита, какъ накапнуи, но нашими представителями; въ качествѣ хозяевъ за обѣдомъ по просьбѣ братства возсыдали съ проэстосами: соборные старцы Сергій, Виталий, Фортунатъ и — по особой просьбѣ братіи — я. Послѣ обѣда проэстосы покинули скитъ. Когда они уже садились на муловъ, появился о. Иеронимъ и его близкайший помощникъ о. Софроній съ бумагой, оказавшейся злосчастной жалобой о. Клиmentа. Когда о. Иеронимъ

вышел за ворота, многим пришло въ голову, что можно предотвратить неизбежное столкновение, воспользовавшись выходом бывшаго игумена за ограду, и «не выпускать его больше въ скитъ». Объ этомъ сообщили ми, но я, «коварный» и «хитроумный» о. Булатович, не захотѣлъ воспользоваться оплошностью своего противника и удержалъ братію отъ этого шага. Увидѣвъ о. Софронія съ подозрительнымъ бумажнымъ «сверткомъ» въ руки, братія тоже хотѣла не пустить его изъ порты къ проэстосамъ, но опять-таки я, «коварный» и хитроумный» о. Булатович, снова удержалъ братію и отъ такого насилия. Полагаю, что сказанное достаточно свидѣтельствуетъ, сколь неправъ о. Климентъ въ своей передачѣ происшедшіхъ въ Андреевскомъ скиту событий, которымъ онъ такъ увѣренно называетъ: «мятежомъ», «бунтомъ», «возмущеніемъ».

Вследъ за проэстосами отправились въ Ватопедъ и представители братіи Андреевского скита съ ходатайствомъ о признаніи вновь избранного на игуменство о. Давида. Братія убѣдila побѣхъ соборныхъ старцевъ Сергія и Фортуната и, кроме нихъ, знающаго по-гречески о. Константина, а также и меня. Передъ заходомъ солнца мы прибыли въ обитель, и насть принялъ съ тѣми обычными почестями, какія оказывались официальными представителями нашей обители, когда они прибывали въ монастырь. Изъ этого еще разъ видно, что монастырская власть смотрѣла на братію Андреевского скита не какъ на бунтовщиковъ, но какъ на братію, не вышедшую изъ нормъ закона. На слѣдующее утро былъ созванъ соборъ 12-ти старцевъ, и насть позвали на соборъ. Послѣ обычного земного поклона старцамъ, надрѣвле установленного, мы представили наши бумаги. Проэстосы внимательно пересмотрѣли и пересчитали подписи, во замѣтили, что отсутствуетъ печать скита. Мы объяснили, что прежний игуменъ отказался выдать печать и что проэстосамъ это известно; единодушное же желаніе братіи имѣть своимъ итогомъ о. Давида можетъ быть засвидѣтельствовано ими же, лично видѣвшими настроеніе братства. Тогда старцы возразили противъ открытой баллотировкой и потребовали, чтобы было совершено переизбрание игумена, согласно нормальному уставу монастырей, проектированному патріархомъ, но не вошедшему еще въ силу. Согласно этому уставу правомъ голоса пользовались только прошибившіе въ иночествѣ не менѣе 5-ти лѣтъ на Святой горѣ, и игуменъ долженъ быть избираться изъ числа 4-хъ кандидатовъ закрытой баллотировкой. Мы изъявили согласіе на требование старцевъ. О религиозномъ предметѣ спора за Имя Господне вопроса не поднималось на соборѣ. Противъ низложениія нами о. Иеронима тоже не протестовали старцы, такъ что этотъ фактъ былъ призванъ совершившимся. Засѣданіе окончилось, и, благословляя насть, старцы говорили: «Миръ насть, миръ вамъ, живите мирно». Насъ угостили

изысканнымъ обѣдомъ, послѣ которого секретарь со листицами ульбочками принесъ запечатанный конвертъ, адресованный на имя всѣхъ братій, и, вручая его насть, сказалъ, что въ немъ заключается все то, что насть словесно сказали на соборѣ, и просилъ насть передать этотъ пакетъ всему братству скита. Намъ показался подозрительнымъ этотъ запечатанный пакетъ, и мы попросили распечатать его впрочемъ, ибо въ качествѣ уполномоченныхъ братіи мы должны были точно знать, какой отбѣтъ мы веземъ имъ изъ монастыря. Но секретарь скороговоркой и съ листицами ужимками сказалъ: «Не стоять теперь распечатывать конверта. Не беспокойтесь, тамъ сказано только то, что вы слыхали отъ старцевъ на соборѣ, а именно чтобы вы выбрали игумена вновь изъ четырехъ кандидатовъ и закрытой баллотировкой. Миръ вамъ, миръ вамъ, прощайте»—и уѣзжалъ. Однако мы не поддались на его лесть и немедленно же распечатали конвертъ, имѣя право полномочія отъ братіи вести переговоры съ монастыремъ, и, прочитавъ бумагу, нашли въ ней слѣдующее: 1) Низложение о. Иеронима признавалось совершившимся фактомъ; 2) выборы о. Давида признавались недѣйствительными и предлагалось перенизбрать игумена изъ четырехъ кандидатовъ закрытой баллотировкой; согласно прошению Иеронима, о. Антоній признавалась прельстившимся книгой о. Иларіона «На горахъ Кавказа» и объявлялось, что онъ долженъ быть удаленъ изъ скита; 4) предупреждалось, что тѣ, которые «примутъ новую вѣру, проповѣдуюшую о. Антоніемъ и о. Иларіономъ изъ книгъ «На горахъ Кавказа», будутъ признаны еретиками, изгнаны со Святой горы и отлучены отъ церкви». Такимъ образомъ, по свойственному грекамъ лукавству, они сдѣлали иначѣ и для одной стороны, и иначѣ для другой, и сдѣлали такъ, что дѣло не распуталось, а только еще больше запуталось. Такъ, Иеронимъ признавалась смѣщеннымъ, ибо представлялось братію избирать нового игумена. Это было рѣшеніе въ нашу пользу. О. Давидъ не былъ признанъ, какъ того просилъ Иеронимъ, еретикомъ. Но о. Антоній за единомысліе съ о. Иларіономъ, удалился изъ скита и признавалась проповѣдующимъ новую вѣру, якобы неправославную, почему и всѣ, которые будутъ выражать единомысліе съ этой новой вѣрой, будуть почищаться еретиками, отлучаться отъ церкви и изгоняться со Святой горы. Вотъ это-то послѣднее опредѣленіе, сдѣланное въ угоду Иеронима и пантелеимоновскому заправителю Агаѳодору, и дѣяло бумагу Ватопедскаго монастыря совершенно непрѣемлемой. Ибо на самомъ дѣлѣ, если бы мы ее прияли и я, ради успокойнія злобы враговъ, покинулъ бы скитъ, представивъ братію избрать нового игумена по правиламъ, предложенными старцами Ватопеда, и при этомъ игуменомъ, несомнѣнно, былъ бы опять избранъ о. Давидъ, то закончилась ли бы этимъ смута? Отнюдь. Иерониму и ревностнымъ наперникамъ его эта бумага давала въ руки сильнѣшее

оружіє и поводъ къ возобновлению смуты, ибо противъ всякаго нового избранника имѧславской брати о. Иеронимъ могъ бы снова возбуждать обвиненіе передъ Ватопедомъ въ томъ, что вновь избранный единомысленъ съ книгѣ о. Илларіона и съ о. Антоніемъ въ исповѣданіи Божества Имени Божія и подлежитъ отлученію отъ церкви и изгнанію, какъ еретикъ со Святой горы. И слѣдовательно, во-первыхъ, о. Иеронимъ потребовалъ изгнанія тѣхъ самыхъ иноковъ, которыхъ онъ намѣревался соборѣи изгнать изъ скита въ дни своего прибытія съ мѣтохи. Такова была коварнѣйшая умѣртвительная бумага грековъ... Конечно, мы немедленно отправились къ предѣдателю собора старцевъ о. Аркадію и объяснили ему, что этой бумаги мы не принимаемъ и братиа не передадимъ, ибо въ ней высказано совершенно несправедливое опредѣленіе о книгѣ о. Илларіона, которая издана уже третьимъ изданіемъ съ дозволеніемъ россійской духовной цензуры. Также совершенно несправедливо говорится, будто о. Антоній проповѣдуєтъ какую-то новую вѣру, поэтому мы просимъ этотъ пунктъ изъ бумаги упразднить. Что же касается желанія, чтобы о. Антоній, т. е. покинулъ Святую гору, то я противъ этого ничего не имѣю и готовъ исполнить желаніе старцевъ. Однако наша просьба не только не была уважена, но вызвала гнѣвъ Аркадія въ особенности, конечно, всѣдѣствіе обнаружения его лукаваго обмана. Но мы снова заявили ему и другимъ старѣшымъ старцамъ, что мы бумагу эту не прѣмѣляемъ. Съ тяжелымъ чувствомъ мы покинули Ватопедъ. По дорогѣ мы встрѣтили отъ братіи посланца, который сообщилъ намъ о новыхъ пропискахъ іеронимцевъ. Всю ночь они бѣгали по кельямъ тѣхъ братій, которыхъ знали, какъ менеѣ убѣжденныхъ, и склонили ихъ на сторону Иеронима,—кого подарками, кого устрашеніями, кого обѣщаніями, должностій и сановъ; имѣющими склонность къ вину разносили графинчики, а молодыхъ послушниковъ задаривали карманными часами, причемъ для этого прислали съ Кариі ѡѣлью сотню. При этомъ они хвалились, что и о. Давида, и всѣхъ его сторонниковъ они выгонятъ изъ скита, потому что Ватопедъ на ихъ сторонѣ. Такимъ образомъ смута въ монастырѣ росла съ минуты на минуту, и столкновеніе обѣихъ сторонъ дѣжалось неминуемымъ. Мучительный вопросъ: какъ быть?—томилъ душу. Если партія Иеронима возьметъ верхъ, имѧборчество окончательно восторжествуетъ и на всей Святой горѣ. Наиболѣе ревностные исповѣдники православного исповѣданія вѣry въ Божественное достоинство Имени Господня будуть изгнаны, болѣе малодушные—подавлены и принуждены къ отречению; такая же участъ постигнетъ исповѣдниковъ Имени Господня и въ Пантелеimonовскомъ монастырѣ, и въ его скиту Оивайдъ... Но гдѣ же искать защиты?.. Гдѣ искать праведного суда?.. Въ великой скорби простирался я и въ сердечной молитвѣ въ эти

тигостные минуты къ Господу и къ Пречистой Его Матери и молилъ, дабы Сама Владычница вразумила меня, что дѣлать. «Что же теперь намъ дѣлать?»—вопросилъ я спутниковъ. «Да что же больше?—отвѣтилъ Божій простецъ и мудрецъ духовникъ и соборный старецъ Сергій:—какъ то, что дѣлаютъ греки: выгонятъ Иеронима и больше ничего». Но мнѣ не хотѣлось примѣнять этой сурої мѣры къ своему вышпему духовнику, отцу и игумену, и я надѣялся ограничиться только отнятіемъ игуменскаго посоха, печати и переводомъ его изъ игуменской кельи въ другую. Когда мы поднялись на хребтъ, то увидали, что въ скиту сторонники Иеронима съ балкона канцелярии уже поджидали насъ и смотрѣли на дорогу въ подзорныя трубки и бинокли. Это могли быть только іеронимовцы, ибо канцелярия была всецѣло на его сторонѣ. У воротъ настѣ поджидала наибогѣе ревностная братія—человѣкъ 30—40—и съ горечью повѣдала намъ о дерзкихъ и наглыхъ выхodkaхъ іеронимовцевъ, о ихъ прещеніяхъ и угрозахъ. Надо было дѣйствовать. Братія вѣрила себѣ мнѣ и отъ меня ожидала рѣшенія. Медлить было невозможно, ибо съ каждой секундой промедленіе положеніе могло только обостриться и усложниться вдовѣ стороны до того, что каждая вооружилась бы, тѣмъ могла, и дѣло дошло бы до кровопролитія... Въ это мгновеніе моего раздумія вышелъ діаконъ и сказалъ: «Ну, что же, батюшка, очищать?»—«Гласъ народа, гласъ Божій»,—сказалъ я и въ себѣ, и рѣшительно отвѣтилъ: «Да, да, очищать». И съ этими словами быстро и рѣшительно двинулся прямо къ кельѣ игумена, въ которой онъ возвѣдалъ, окруженный троими или четырьмя десятками своихъ наиболѣе ревностныхъ сторонниковъ. По пути къ намъ присоединилась и встрѣчная братія, и я успѣлъ сказать, чтобы ударили въ колоколь для созыва всей братіи въ соборъ. Какъ видите, никакихъ приготовленій или заранѣе условленныхъ уговоровъ или плановъ, какъ то фантазируетъ о. Климентъ, не было. Мы вошли въ келью игумена, какъ то описано у о. Клиmentа, который говорить, что, войдя, я повернулся къ иконамъ и помолился. Дѣйствительно, сознавая всю тяжесть предстоящаго подвига, я снова всѣмъ сердцемъ взыскалъ Божественной помощи, а затѣмъ, повернувшись къ о. Иерониму, вопросилъ его трижды: согласенъ ли онъ добровольно признать свое низложеніе и выйти изъ игуменской кельи? Но о. Иеронимъ на первое мое предложение отвѣтилъ: «Ты не нашъ, зачѣмъ ты пришелъ сюда?» Въ отвѣтъ на это братія громовыми воскликаніями покрыла слова о. Иеронима: «Антоній нашъ, нашъ. Ты не нашъ, а Антоній нашъ». Тогда я вторично вопросилъ его о томъ же. Но онъ отвѣтилъ: «Гдѣ бумага? Покажи бумагу». Но теперь не время было препираться изъ-за бумаги и пускаться въ описание коварства грековъ и въ объясненія причинъ, почему мы этой бумаги не согласились принять и считаемъ ее недѣйствительной. Для о. Иеронима достаточнымъ должно

было быть то, что изъ 375 братій 302 иезюїкли іго, і онъ долженъ бытъ подчинитися волѣ братій і оставить свои прерогативы. І еще въ третій разъ вопросилъ его, но получилъ тотъ же отвѣтъ и отказъ покинуть добровольно игуменскій келлію и передать посохъ и печать. Тогда, какъ описываетъ о. Климентъ, я повернулся; но не къ двери, какъ говорить онъ, но пѣсколько наискось къ иконѣ Божіей Матери. Наступилъ моментъ перейти великой грани. Плотной стѣной стояли передо мною враги Имени Господня, а за ними въ глубинѣ за очень широкимъ и длиннымъ письменнымъ столомъ возвѣдѣла глава ихъ, Иеронимъ. За мной и ближе къ дверямъ стояли въ равномъ числѣ исповѣдники и защитники Божества Имени Господня. Всѣ мы были безоружны, хотя относительно пѣкоторыхъ іеронимовцевъ намъ было доподлинно извѣстно, что у нихъ имѣлись револьверы, которые они брали съ собой, когда путешесвовали по горѣ ради самозащиты отъ частыхъ на Аѳонѣ разбойниковъ. Возможно было, что эти револьверы находились и сейчасъ при нихъ. Тотъ фактъ, что всѣ мы пришли къ игумену безоружными, говорить самъ за себя, ибо если бы мы имѣли тѣ агрессивныя матежническія и бунтовицкія намѣренія, которыхъ приписываютъ намъ о. Климентъ, то неужели же мы не вооружились бы хотя палками... Всѣ замолкли и ждали словъ отъ меня. Но передо мной не Иеронимъ сидѣлъ, окруженный ионками-имяборцами, но мысленно за этимъ прообразомъ стояла предо мною неприступная позиція, которую занимало имябочество, ополчившееся вдругъ противъ Имени Господня. И дѣйствительно, крѣпка была позиція имябочцевъ. Крѣпка была клеветой, удобопрѣмлемостью ихъ проходѣи невѣрія во Имя Господне для интеллигентствующихъ умовъ, рационалистически настроенныхъ.

Смутила меня и та мысль, что Иеронимъ мой бывшій духовный отецъ и игуменъ, и мѣтъ болѣе трудно было рѣшиться употребить противъ него силу, но выхода другого не было и надо было ити на приступъ на позицію имябочества съ тѣми наличными ничтожными силами, которыя Самъ Богъ даетъ въ руки. Вотъ тѣ мысли, которыя пронеслись предо мной, когда я стоялъ, повернувшись къ иконѣ Божіей Матери, о чемъ упоминаетъ о. Климентъ. Итакъ, «во имя Отца и Сына и Святаго Духа — ура! — и я сдѣлалъ движение по направлению къ игуменскому столу, но въ тотъ же моментъ былъ окружены имябочцами, причемъ два атлета, о. Іаковъ и о. Досией, схватили меня обѣими руками за шею, одинъ спереди, другой сзади, и начали душить. О. Иеронимъ въ это же мгновеніе протянулся черезъ столъ и нанесъ мнѣ сильный ударъ кулакомъ въ лѣвое плечо. Братія исповѣдники сначала опѣшили и не поддержали меня, но потомъ, увидѣвъ, что я окружены и что меня душатъ, бросились выручать и стали наносить удары Іакову и Досилю и наконецъ пересилили и, освободивъ меня изъ ихъ рукъ, потащили

ихъ изъ игуменской кельи. На другихъ іеронимовцевъ мое «ура» произвело ошеломляющее впечатлѣніе. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Климентъ какъ бы остолбенѣли, другие, какъ, напримѣръ, о. Меркурій и пѣчатій Николай, бросились къ окнамъ и стали разбивать ихъ, чтобы выброситься въ окно, до чего не допустила братія. Когда Іакова и Досиля выволокли изъ кельи, то я остался въ игуменской кельѣ одинъ передъ стѣной имябочцевъ. Иеронимъ продолжалъ вѣсѣдѣть на своемъ игуменскомъ креслѣ, окруженный все еще густой толпой своихъ сторонниковъ. Итакъ, что же? Имябоческая позиція нами не взята... И я снова съ крикомъ: «ура!» ринулся въ атаку и снова быть встрѣченъ ударами; но снова изъ коридора подоспѣли защитники и снова выволокли тѣхъ, которые были меня, и снова опустѣла келья отъ имѧславцевъ, и снова я остался одинъ. Глава же имябочцевъ продолжалъ возвѣдѣть на своемъ игуменскомъ креслѣ, окруженный еще не малымъ числомъ сторонниковъ. И снова я пошелъ на «ура», и снова быть встрѣченъ ударами, и снова вырвала братія; затѣмъ двое наиболѣе сильныхъ имѧславцевъ, примѣнили слѣдующій способъ: бѣгомъ набрасывались на катораго либо изъ стоявшихъ противъ меня іеронимовцевъ и, схвативъ его или за руку, или за волосы, вытаскивали въ коридоръ и, передавъ другому, опять бѣгомъ возвращались тащить другого. Наконецъ, когда ряды имябочцевъ значительно опустѣли, тогда одинъ изъ братій, ионокъ Маркъ, подошелъ къ о. Иерониму и сказалъ: «Что же вы, батюшка, до сихъ поръ сидите? Зачѣмъ противитесь братіямъ? Идите же наконецъ изъ кельи, мы васъ и пальцемъ не тронемъ». О. Иеронимъ послушался и вышелъ. И вотъ новый фактъ, который говоритъ самъ за себя. Несмотря на то, что Иеронимъ своими и словами, и дѣлами крайне возстановилъ претензии себя братію, «бунтовщикамъ» имѣли столько рыцарского чувства благородства и столько благоговѣнія не къ личности самого Иеронима, а къ игуменскому его сану, что не позволили себѣ не только толкнуть Иеронима, но и какимъ-либо браннымъ словомъ его оскорбить. Но о. Клименту не удалось пройти неприкосновеннымъ, хотя и онъ вышелъ вмѣстѣ съ о. Иеронимомъ, ибо его хулы противъ Имени Господня были чересчуръ велики, и поэтому ему досталось пѣсколько колотушекъ, которыя о. Климентъ преувеличилъ до невѣроятія, говорить, что его были «смертными боемъ». Если бы это было, какъ онъ говоритъ, то могъ бы онъ пройти вмѣстѣ съ о. Иеронимомъ въ Карею, отстоявшую на цѣлую версту отъ скита, побѣхъ на слѣдующій день въ Салоники къ генеральному консулу съ доносами... Вообщѣ, пострадали только хуливіе передъ братіей Имѧ Господне, другихъ, же сторонниковъ о. Иеронима, какъ, напримѣръ, о. Софронія и другихъ пальцемъ не тронули. О. о. Досией и Іаковъ пострадали за усиленную защиту о. Иеронима. Все-таки столкновеніе не имѣло характера ожесточеннаго и озлобленнаго и безъ оружія и происходи-

дило такъ, какъ описывает г. Косвищевъ, а не такъ ужасно, какъ рисуетъ его о. Климентъ. Многое случившееся не было предвидѣно мною и происходило въ моемъ отсутствіи на площадкѣ за дверьми кельи. Если бы я могъ видѣть драку, то, несомнѣнно, остановилъ ее. Бросался я на ура, чтобы придать братіи нужное мужество, дабы выдворить о. Иеронима изъ кельи, но быть никого не приказывалъ и самъ никому удара не нанесъ. Самъ Климентъ свидѣтельствуетъ, что я защищалъ его отъ побоевъ, и даже говоритъ, что я якобы спасъ его жизнь, но это уже плодъ его горячей фантазіи, ибо жизни его опасности не угрожало. Не было также предвидѣньи мной выѣзда сторонниковъ Иеронима за порту, и произошло это тоже само собой. Первыхъ выведенныхъ изъ кельи игумена, о. Досиева и Іакова, отпустили въ ихъ кельи, а потомъ другихъ, известныхъ хулою на Имя Господне, потащили изъ игуменской кельи прямо за порту. Когда я вышелъ изъ кельи, то было уже выведено 15 человѣкъ, и я увидѣлъ, что тащатъ еще двоихъ—Павлина и Фотія, и немедленно остановилъ братію и предоставилъ имъ возвратиться въ ихъ кельи. Отца Иеронима я тоже не намѣренъ былъ выводить за порту, но предполагалъ предоставить ему почетный покой въ лучшей кельи по его выбору, когда мы вышли на дворъ, и братія спросила меня, куда вести о. Иеронима, то я сказалъ, чтобы послали за ключами отъ Успенской кельи, находившейся противъ трапезной за стѣнкой скита. Это была прекрасная келья съ церковью, где могъ бы въ полномъ спокойствіи и со всѣми удобствами проживатьъ сколь-игуменъ со своимъ келейникомъ, причемъ мы предполагали удовлетворить его и денежно, о чёмъ свидѣтельствуетъ и самъ о. Климентъ. Итакъ, где же слѣды той ненависти и злобной мести Иерониму, которую мнѣ приписываетъ Климентъ? Когда я узналъ о пропискахъ, которые пустилъ въ ходъ о. Иеронимъ, добиваясь и отъ посольской власти, и отъ греческой церковной власти признания меня еретикомъ и изгнанія меня съ Аѳона, я все-таки искаль способъ сохранять о. Иеронима въ скиту, доставить ему вскій покой всякое удобство къ духовной жизни и только считать необходимымъ для блага скита, чтобы онъ сложилъ себѣ власть.

Подойди къ о. Иерониму, я спросилъ его, желаетъ ли онъ поселиться въ Успенской кельѣ. Но онъ попросилъ отпустить его «на всѣ четыре стороны». Я не смѣлъ задерживать его, дабы это не было истолковано въ смыслѣ насилія, и провелъ его за ворота. Выѣхъ за ворота, о. Иеронимъ повернулся, перекрестился и затѣмъ, поклонившись мнѣ до земли, сказалъ: «Простите». Съ нимъ рядомъ стоялъ о. Климентъ, который сдѣлалъ то же и сказалъ: «Простите». Сдѣлалъ и я имъ земной поклонъ и попросилъ прощенія, и они пошли на Карею. Раньше удаленные изъ скита, о. Меркурій и другие имамбры успѣли въ это время подняться на ноги полицію и проинзвести тревогу. Они донесли, что игумена бѣютъ смертнымиъ боемъ

и просили послать для спасенія его отъ возмущившейся и обезумѣвшей братіи солдатъ. Цѣлая рота была подпілта и бѣгомъ направлена къ скиту, но каково же было удивленіе греческихъ властей, когда они увидали о. Иеронима цѣльнымъ, здравыимъ и неприкосненнымъ, спокойно шествовавшимъ на Карею въ сопровожденії о. Клиmenta. Подойдя къ скиту, вносимыи власти увидали, что тамъ царитъ уже полное спокойствіе. Наступило 4 часа пополудни, время малой вечерни, и ударили въ колоколь. Была суббота, и братія чинно, мирно, молча стекались въ храмъ. Въ это время, какъ происходилъ бой въ игуменской кельѣ, нѣкоторые изъ братіи, видя, что ст. о. Иеронимомъ пѣть въ кельѣ нѣкоторыхъ изъ его главныхъ сподвижниковъ, о. Софронія, Анеима, Іоасафа и Владимира, бросились къ ихъ кельямъ. Но и это произошло безъ всякаго моего вѣдома. Эти братіи позволили себѣ произвести обыскъ въ этихъ кельяхъ, но не съ кромѣнкою цѣлью и абсолютно ничѣмъ не пользовались. У о. Софронія былъ отобранный кошелекъ съ десяткомъ или двумя золотыхъ, принадлежавшими скиту, ибо остались у него отъ поѣздки съ игуменомъ на мятоуху. Золотые были представлены въ хозяйственноеправленіе. Записанное г. Троцкимъ, для характеристики ложныхъ слуховъ, что будто у о. о. Владимира, Іоасафа и Аѳима были отобраны при этомъ какія-то громадныя суммы, представляющіе собой совершенный вымыселъ, также и основанное на этомъ случаѣ заявленіе епископа Анатолія, сдѣланное имъ съ трибуны Государственной Думы, будто этотъ грабежъ¹⁾ былъ совершенъ по моему распоряженію и даже мною самимъ и что будто эти суммы по экспроприации ихъ были затѣмъ вывезены мною въ Россію!

Присовокуплю къ всему сказанному и то, что вице-консулъ Шербина, прибылъ въ скитъ 24-го января, лично посетилъ этихъ старцевъ Софронія, Анеима, Іоасафа и Владимира и спрашивалъ ихъ, не потерпѣли ли они какого-либо насилия, или не подвергались ли они какому-либо отнятію имущества, но тѣ категорически отвѣтили, что этого съ ними учинено не было. Была отнята крупная сумма только у бывшаго настоятеля Андреевского подворья въ Петроградѣ, о. Досиева, того самаго, который душилъ меня за горло. Произошло это такъ: когда о. Досиевъ оторвалъ отъ меня и поволокъ изъ кельи, то обнаружилось, что у него на спинѣ подвѣшенъ подножный маленький молитвенный коврикъ. Этотъ коврикъ на спинѣ былъ больше чѣмъ подозрительенъ, и его отняли и вскрыли. Оказалось въ немъ процентныхъ бумагъ на 10000 р. Все это произошло безъ моего вѣдома. Дѣнги были переданы въ хозяйственноеправленіе скита. На это отображеніе у него денегъ

¹⁾ Эта клевета, замолчанная, впрочемъ, мною редакторомъ противникомъ о. Климентомъ, была опровергнута въ печати противникомъ мною, г. Троцкимъ.

о. Дослой приносить жалобу вице-консулу Щербинѣ, но дальнѣйшая участіе его жалобы мѣгъ неизвѣстна.

Насильное вывореніе игумена изъ его кельи и добровольное его удаление изъ скита не имѣли характера общаго переворота и ниспроверженія всего прежняго строя скита, ибо всѣ должностныя лица и управление въ скиту остались нетронутыми и даже несмотря на то, что большую его часть составляли сторонники Еронима. Всѣ прежніе здѣшніе, а ихъ было четыре годовыхъ, назначенныхъ изъ числа 12-ти соборныхъ старцевъ, остались на своихъ мѣстахъ, кромѣ изгнаннаго о. Меркурія, мѣсто которого занялъ о. Константинъ. О. Меркурій имѣлъ ключъ отъ малой расходной кассы и отказался передать ихъ о. Константину; поэтому малую кассу принуждены были вскрыть, ключъ же большой кассы продолжали оставаться у прежніхъ ключевоспѣвѣ. Поэтому никакого оплаканія за приносившіе скутскіи документы и капиталы быть не могло, и та клевета, которую передъ посольствомъ немедленно же воззвѣли еропимовцы, будто братія разграбила кассу и похитила пѣсъ сколько сотъ тысяч рублей, а также просьба Еронима о томъ, чтобы меня не выпускали съ Аеона, ибо я могу вывезти съ собой всѣ эти капиталы скита, были злонамѣренными вымыслами. Когда по прибытии архиепископа Никона братія была принуждена покинуть скитъ, то хозяйственное правлѣніе сдало всѣ скутскіе капиталы въ полной исприносившности. Итакъ, мы видимъ, что и эти факты опровергаютъ самимъ категорическимъ образомъ ту квалификацію, которую официально получили прошедшія въ скиту события, какъ революція, или мятежъ, или бунтъ. Старое хозяйственное правлѣніе оставалось въ силѣ впередъ до законнаго избрания новаго правлѣнія, которое произошло двѣ недѣли спустя. Произошло это слѣдующимъ образомъ: каждый иночъ скита писалъ тайно отъ другихъ на листочкѣ 12 угодныхъ ему именъ. Затѣмъ каждый опускалъ свой листочекъ въ замкнутый на ключъ ящики съ прорѣзью на крышки, который затѣмъ въ присутствіи всѣхъ былъ открытъ, записки прочтены, и получившее большинство голосовъ были избраны въ соборные старцы. Въ число инонъ избранныхъ вошла половина бывшихъ соборныхъ старцевъ въ предшествовавшемъ году. Не представляя совершившійся переворотъ и чего-либо необычайного въ аеонійской жизни, ибо междуусобія на Аеонѣ въ монастыряхъ далеко не рѣдкость, но даже, къ сожалѣнію, заурядное явление. Такъ, напримѣръ, въ Иверѣ два года передъ тѣмъ порта была заперта чутъ ли не въ теченіе года, и столкновеніе грековъ, подданыхъ королевства, съ греками, подданными Турецкой имперіи, было такъ остро, что не обошлось и безъ человѣческихъ жертвъ. Прежній игуменъ былъ насильственно смѣненъ и заключенъ въ келью. Въ Зографскомъ болгарскомъ монастырѣ произошло за годъ передъ тѣмъ такое же насильственное низложеніе игумена и поставленіе

другого, и тоже это не обошлось безъ побоищъ. То же произошло въ Ксеноѳѣ. Однимъ словомъ, хроника Аеона полна этими воспоминаніями въ обителяхъ, вызываемыми партійностью. Въ самому Адрѣсійскому скиту было въ 1876 году насильственное низложеніе настоятеля о. Феодорита. Однако право неизрѣкованности обителей и самоуправлѣніе ихъ во внутренней ихъ жизни такѣ свято чтились, что ни греческія власти не рѣшались насильственно открывать святые ворота въ монастыряхъ, когда братія во время междуусобія ихъ запирала, и, турецкое правительство; и даже эзвархъ, присланный однажды патрархомъ въ обитель, въ которой происходило междуусобіе, и требовавшій, чтобы его впустили во имя патрарха, допущенъ не былъ. Такимъ образомъ, вооруженное выѣзжательство власти во внутренней жизни обителей и вторженіе съ военной силой въ русскіе монастыри есть первый случай въ истории Аеона, и сияющее право неизрѣкованности обителей было впервые нарушено архиепископомъ Никономъ и посломъ Гирсомъ. Ничтожная потасовка въ скиту не можетъ быть приравнена кровопролитію, которое произошло въ Пантелеімоновскомъ монастырѣ 3-го июля 1913 года, когда обильно передъ тѣмъ угощеннымъ виномъ солдаты посыпь чесоваго обливанія монаховъ изъ пожарной кишкѣ по командѣ: «Бей монаховъ штыками и прикладами!» бросились на безоружныхъ и беззащитныхъ инонъ, и все мѣсто было забрызгано кровью... Имѣющіи этотъ дѣйствительный ужасъ такѣ стушевываются, что онъ представляется ими читателю чутъ ли не какое-то учтивое вывореніе. При этомъ насильниками выставляются «имѣющіи», а архиепископъ Никонъ восхваляется, какъ мудрый и гуманный умпротворитель Аеона. Въ мирныхъ иноческихъ братствахъ, думалось бы, не должно быть мѣста междуусобію. Но увы! и покинуть мѣсто, люди остаются людьми. Вѣрою то, что отъ людей въ пустынѣ уѣзжать можно, но отъ страстей никакуда не уѣзжай: съ ними однаково надо бороться и въ миру, и тѣмъ болѣе въ монашествѣ.

14-го января былъ созванъ снова всеобщій братскій соборъ, и братія было предложено исполнить желаніе Ватопедскаго монастыря и перенизбрать игумена, какъ то было указано монастыремъ, т. е. изъ четырехъ кандидатовъ и закрытой баллотировкой. Однако братія въ одинъ голосъ отказалась отъ выбора другихъ кандидатовъ, кромѣ о. Давида, и пришлося покориться волѣ братіи. Тогда снова были собраны подписи тѣхъ, которые желаютъ имѣть игуменомъ, и снова ихъ собралось 307. Былъ созванъ затѣмъ соборъ старцевъ скита, т. е. 12-ти соборныхъ старцевъ. Этотъ соборъ, чьего половина не сочувствовала избранию о. Давида и стояла за о. Еронима, принимая во внимание единодушное желаніе братіи, добровольно присоединилась по обычью къ большинству и тоже подписалась за о. Давида. Внослѣдствіи вице-консулъ Щербина спрашивалъ о семъ старца Аеона, по принужденію ли онъ подпи-

стался подъ избраниемъ о. Давида, или безъ принужденія. Тотъ отвѣтилъ, что по установленншему обичаю при выборѣ нового игумена, когда опредѣлится большинство, то и меньшинство подписывается подъ списками, которые затѣмъ и представляются въ монастырь для утверждения. 14-го же къ вечеу отпраились въ Ватопедъ депутаты о. Константина и о. Фортуната съ бумагой, въ которой братія просили утвердить выбранного ими вновь по игумену о. Давида. Греки, какъ вскакъ торговая нація, преклоняющаяся предъ силой, не только не встрѣтили нашихъ представителей укорами, не только не ставили намъ въ вину то, что мы, отвергнувъ ихъ соборное рѣшеніе отъ 12-го января, распорядились по-своему, но, напротивъ— выражали еще большиe знаки уваженія нашимъ представителямъ, чѣмъ раньше. Ихъ примили ласково и на соборѣ шуты и смѣясь разспрашивали, кому больше пошло. Смѣялись и говорили: «Хорошее было у васъ рукоположеніе!» Они согласились утвердить о. Давида, и выражали это официально въ бумагѣ за № 15-мъ отъ 15-го января 1913 г., которая гласила, что хотя Ватопедъ и недоволенъ тѣмъ, что избрание было сдѣлано открытой баллотировкой и безъ предварительного избрания четырехъ кандидатовъ, но тѣмъ не менѣе признается ими правильными (каноничными), и посему 19-го января имѣютъ прибыть въ скитъ ватопедскіе проѣзжіе для постановленія архимандрита Давида на игуменство. Какъ мы видимъ, ватопедскіе старцы не помнили болѣе требованія изгнать о. Антонія Булатовича за единомышленіе съ книгой о. Иларіона; не упоминалось больше ими и о какихъ-либо ересяхъ. Греки видѣли, что если поставить дѣло на эту почву, какъ того добивалась Еронимъ, то это заведетъ ихъ черезчуръ далеко и можетъ вызвать большое неудовольствіе въ Россіи, гдѣ у Ватопеда были серьезные денежные интересы, большія земельныя владѣнія въ Бессарабіи, которыми управляло наше правительство и съ которыхъ они ежегодно получали крупнѣйшіе суммы. Они никакъ не могли, конечно, подозревать, что русскіе не только ничего не будутъ иметь противъ приемленія ими противъ русскихъ же религиознаго остраизма, но, наоборотъ, сами вызовутъ ихъ на это и сами будутъ побуждать ихъ къ тому, чтобы во исполненіи «слезной просьбы» Клиmentа и Еронима привезти Андреевскую и Пантелеимоновскую обители неправославными и изгнать около 2 тысячъ иконокъ со Святой горы... (я говорю около двухъ тысячъ, ибо на первомъ пароходѣ «Херсонъ» было насильно вывезено 616. Затѣмъ на слѣдующихъ трехъ очередныхъ пароходахъ выѣхало добровольно еще гораздо большее число иконокъ, которые жили или въ кельяхъ, или на хуторахъ и не согласились дать требуемой подписки о непризнаніи Божества Имени Господня). Если бы имѣборцы не помѣщали грекамъ осуществить поставленіе во игумены о. Давида, на Аеонѣ воцарились бы міры, и пмиборцы смирились бы и перестали бы ху-

лить и уничижать Имя Господне, и Аеонъ пребылъ бы неприкоснѣваемымъ, и русское населеніе на немъ не умалилось бы на половину, какъ нынѣ, и соблазнъ для всего міра не было бы...

16-го января Еронимъ, узнавъ о состоявшемся рѣшеніи Ватопеда, послалъ своего наперника о. Меркурий снова слезно умолять ватопедскихъ старцевъ отложить поставленіе о. Давида хотя бы на нѣсколько дней, говоря, что этого требуетъ посольская власть, которая избыла о семъ о. Еронима телеграммой. Это была центральная: телеграмма, полученная о. Еронимомъ, была не отъ посольской власти, а отъ о. Клиmentа, который самъ признается, что немедленно же вслѣдъ за изгнаніемъ изъ скита отправился въ Солунь и тамъ доехъ на андреевскую братію, что они мятежники, бунтовщики и сретики, что онъ и повторялъ на страницахъ «Исторического Вѣстника», оклеветавъ еще и какъ громилей казны монастырской. Въ Солунѣ онъ добился командированія на Аеонъ иице-консула Щербина съ категорическимъ приказаніемъ послать возстановить на игуменство о. Еронима. Поэтому, когда 18-го января наши представители Фортунатъ и Константина снова были посланы въ Ватопедъ, дабы привезти прозтосовъ для поставленія о. Давида на игуменство, то Ватопедъ отвѣтилъ новой бумагой, что въ виду требования посольской власти онъ отлагаетъ поставленіе на нѣсколько дней. О происшедшемъ событияхъ нами официально донесено до подпись соборныхъ старцевъ какъ Константинопольскому посольству и салоніскому генеральному консульству, такъ и россійскому Святѣйшему Синоду, причемъ выказаны и истинные религиозные мотивы, вынудившіе настъ смѣнить о. Еронима, и приложенна иисповѣдная формула, которая была принята нами 10 января 1912 г. При этомъ мы просили Святѣйший Синодъ разсмотрѣть эту исповѣдную формулу и высказаться, правильна ли она, и если нѣтъ, то указать, какъ слѣдуетъ сдѣлать поправки. Но, какъ потому мы узнали, это донесеніе Синоду предстарлено не было и исповѣдная формула разсмотрѣна тоже не была, ибо въ Синодѣ въ то время всецѣло преобладала архиепископъ Антоній. Онъ винушилъ Синоду, что мы еретики и что эта ересь требуетъ самого энергичнаго искорененія, какъ то и видно въ приводимомъ ниже письмѣ его и въ принятіи самыхъ рѣшительныхъ мѣръ, подъ предлогомъ, что греки якобы признаютъ русскихъ еретиками и отмыть отъ нихъ всѣ обители... Итакъ, сбылось то, что говорится Писаніе: «если солта неправда себѣ, ибо не греки искали признания русскихъ неправославными, а сами русскіе слезно молили объ этомъ и затѣмъ въ томъ же направлении воздѣйствовали на грековъ и посольскую, и духовную россійскую властью; и не патріархъ возбудилъ дѣло объ осужденіи книги о. Иларіона, но сами аѳониты добились всякими присками двусмысленнаго и перѣфильнаго запрещенія патріарха читати эту книгу, несмотря на то, что

она была допущена въ трехъ изданіяхъ россійской духовной цензурой. Это достигнутое такими окольными путьами запрещеніе патріарха торжественно названо было имѣборцами «грамотой»; но на самомъ дѣлѣ оно даже лишено было подписанія имени патріарха,—и эта минимал грамота была «положена во главу угла» во всемъ дальнѣйшемъ судопроизводствѣ; и, опираясь на это запрещеніе и осужденіе патріархомъ книги о. Иларіона, архіепископъ Антоній потребовалъ запрещенія ея и въ Россіи, русскіе на Або-нѣ имѣборцы-іеронимовцы потребовали признанія неправо-славными всѣхъ единомысленныхъ съ этой книгой, чего и достигли..

VIII.

20-го января вице-консулъ Щербина прибыль на Святую гору въ сопровождениі о. Клиmentа. Это былъ безусый юноша съ добрымъ, повидимому, сердцемъ, но, будучи увѣренъ, что имѣть дѣло съ «бунтовщиками», «митрежиками» и «еретиками», счѣль долгомъ проявлять суровость. Поэтому онъ стать начальственно кричать на братію, даже и въ храмѣ, куда впервые и пришелъ и куда потребовалъ къ себѣ братію. Онь тамъ заявилъ, что императорское правительство смотритъ на насть, какъ на бунтовщиковъ, и ни въ коемъ случаѣ не соизволитъ на выборъ назначить игумена о. Давида и требуетъ возстановленія о. Іеронима, угрожая въ случаѣ несогласія вся-кими карами. Мы попросили заносчиваго юношу, во-первыхъ, не кричать въ храмѣ, ибо это не приличествуетъ святому мѣсту, а затѣмъ объяснили ему, что скитъ пользуется правомъ самоуправле-нія, которое дано скиту его господствующимъ монастыремъ, при-чѣмъ права скита ясно выражены въ скитскомъ уставѣ. До сихъ поръ россійская власть не вмѣнилась въ самоуправление оби-тели, и выбираемые игумены никогда не представлялись на утвер-жденіе посольства, и о состоявшихся смѣнахъ игуменовъ только доводилось до сѣдѣнія россійской посольской власти и министер-ства внутреннихъ дѣлъ. Утверждал же игуменовъ греческій мона-стырскій власти. Что же касается о. Давида, то онъ былъ избранъ на основаніи статута 4-ой устава скита, которая предо-ставляетъ братію право въ случаѣ недовольства игуменомъ из-бирать по желанію нового, и для того достаточно было признаться простое большинство голосовъ. О законности такого избрания сви-дѣтельствуетъ и согласіе Ватопеда утвердить о. Давида, которое монастырь письменно подтвердилъ въ официальной бумагѣ подъ № 15-мъ. О. Іеронимъ былъ нами только насилиемъ выдворенъ изъ кельи, которую онъ не желалъ уступать, незирая на состоявшееся изложenie его братіей. Бунт въ скиту никакого не было, ибо братія только воспользовалась своимъ законнымъ правомъ, пѣть

Знаменитый проповѣдникъ и борецъ за Православіе, основатель Союза Русского Народа, б. Синодальный Миссіонеръ, Присвоенный Архимандритъ Арсений, прибывший въ 1918 г. 2-го Апрѣля на Св. Гору по порученію Духовного Вѣдомства для борьбы противъ Имѣловъ, но обиравшихъ въ глубокой православности онаго, ставшій во главѣ неѣхъ, лояльныхъ имѣловъ, создавшій Союзъ Исповѣдниковъ Именіи Господня по именіи Св. Архистратига Михаила, и скончавшій блаженную смерть исповѣданіемъ 20 Авг. 1918 г. въ Айресіевомъ Скиту и погребенный, какъ срецікъ, безъ отпѣванія и въ часовѣ лѣтній. Род. въ 1841 г. Ушелъ изъ міра на Св. Гору въ 1855 г. Подвизался миссіонеромъ въ борьбѣ за Православіе болѣе 50 лѣтъ.

такъ же и ереси, ибо то, что мы говоримъ о Имени Божиемъ, что оно есть Самъ Богъ, много лѣтъ раньше нась высказалъ о. Иоаннъ Кронштадтскій, и духовная цензура сему не противилась. То же высказывалось и у другихъ Св. Отцовъ.

Щербина удалился, а на слѣдующий день пришелъ съ ватопедскимъ прозорствомъ Аркадіемъ. Грекъ снова измѣнилъ свое лицо и совершенно сталъ отрекаться отъ того, что Ватопедъ письменно согласился признать о. Давида. Отрекался онъ отъ этого даже тогда, когда мы показали подлинную бумагу, гласившую, что избрание признается правильнымъ и 19-го января власти прибудутъ для поставления его на игуменство. «Да, да,—сказалъ онъ:—вамъ избрание мы признали каноникою, т. е. «подлежащимъ наказанию», безъ всякаго стѣсненія говорилъ онъ, играя словами. «Но если вы въ этомъ смыслѣ сказали: «каноникою», тогда зачѣмъ же обвищались вы 19-го приѣхать на поставление игумена?»—вопросили мы. Слово «каноникою» имѣть два смысла, а именно: каноничный, т. е. согласный съ установленными канонами, правилами и, слѣдовательно, правильный, а иногда такъ говорятъ о томъ, что подлежитъ наказанию по установленнымъ канонамъ. Но въ бумагѣ слово «каноникою», безъ всякаго сомнѣнія, означало «правильный», что подтверждаетъ и о. Климентъ, говоря, что этимъ соглашеніемъ греки сдѣлали «искусный маневръ». Но на самомъ дѣлѣ не греки сдѣлали «искусный маневръ», а о. Климентъ сдѣлалъ весьма искусный маневръ, добившись отъ грековъ того, чтобы они завѣдомо православныхъ до того и православныхъ послѣ того признали ради просьбы о. Клиmenta въ нужное для него время неправославными, и благодаря этому искусному маневру удержать власть за Иеронимомъ...

Видя, что братія твердо стоятъ на своемъ правѣ и отнюдь не желаютъ поступиться имъ и отказаться отъ своего нового игумена о. Давида, Щербина съ избыtkомъ юношескаго рвенья, желая все-таки поставить на своеимъ, пошелъ по тому пути, который ему указали Климентъ и Иеронимъ, и объявилъ намъ, что если мы не примемъ обратно на игуменство Иеронима, то «мы васъ предадимъ на растерзаніе грекамъ». Узвавъ о томъ, что мы послали донесенія въ посольство и въ россійский Синодъ, онъ попросилъ копію, которую ему дали, и эту копію затѣмъ передалъ въ protatъ Святой Горы, чего отнюдь не имѣлъ права дѣлать, и перенесъ дѣло на религіозную почву, указавъ религіозныи причины смѣны о. Иеронима и ту, которую мы не намѣревались представлять на обсужденіе грекамъ, дабы не усложнить дѣла, но представляли въ россійский Синодъ. Такимъ образомъ, русский дипломатъ не только толкнулъ грековъ на вмѣшательство во внутреннюю автономію русскихъ общинъ, но и во внутренніе религіозныи споры. Такимъ образомъ, послѣ отказа Андреевскаго скита принять игуменомъ о. Иерони-

ма само российское посольство во лицѣ Щербины стало добиваться, чтобы греки признали Андреевский скитъ неправославнымъ, и это домогательство прорѣтъ съ удовольствіемъ уважилъ, и 30 января послѣдовало объявленіе кипотомъ Святой горы, что Андреевский скитъ, какъ содержащий ложное ученіе «о Второмъ Лицѣ Святой Троицы», «признается злословнымъ», почему и «отлучается отъ церкви предъ до суда великой церкви», при чёмъ воспрещается прочимъ насельникамъ Святой Горы имѣть всякое общеніе съ злославнымъ скитомъ. Я думалъ, каждый благомыслиющій человѣкъ возмутится такимъ образомъ дѣйствій нашего дипломата, который ради какихъ-то частныхъ цѣлей приѣхъ къ тому, что самъ на-правилъ и безъ того враждебное туземное населеніе на русскихъ, да еще на религиозной почвѣ. Несправедливость такого образа дѣйствія особенно рельефна, если принять во вниманіе то, что тѣ са-мые лица, которымъ безъ всякаго суда и слѣдствія по предложенію нашего дипломата были признаны греками «злославными», «отлучеными отъ церкви»—и не послѣ суда великой церкви, а, что совершило необычайно, «передъ до суда великой церкви»—были, когда судъ состоялся, найдены вполнѣ православными. Послѣ того, какъ ихъ насильно вывезли въ Россію, 25 главныхъ «главарей имѣбож-цевъ» были преданы первоконному суду, который состоялся при московской синодальной конторѣ подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія, и изъ суда признали ихъ единомышленіе съ цер-ковью.

Въ первый же свой приходъ въ скитъ г. Щербина отъ имени послы потребовалъ подписку о немедленномъ моемъ выѣздѣ съ Аѳона. Я на это отвѣтилъ, что подписки я никакой не дамъ, но противъ выѣзда съ Аѳона ничего не имѣю и выѣду на одинмъ изъ слѣдующихъ пароходовъ.

Противъ скита были приняты Щербиной слѣдующія репрес-сивныя мѣры: 1) было запрещено выдавать или принимать отъ андреевской братіи на русской пароходной почтѣ какую-либо корреспонденцію, простую денежную и заказную; 2) запрещено было паро-ходной конторѣ принимать или выдавать лицамъ, находившимся въ ските, какіе-либо грузы, такъ что даже продовольственные грузы, какъ, напр., картофель и мука, выписанные изъ Одессы, гнили на пристаніи и не выдавались въ скитъ; 3) приказано было выдавать о. Иерониму ту денежную корреспонденцію благотѣтелей, которая адресовалась на имя всей братіи. Такимъ образомъ, установилась полная блокада скита. Началась знаменитая «осада» Андреевскаго скита, который былъ, такъ сказать, обложенъ со всѣхъ сторонъ: осада съ моря, не пропускавшая въ скитъ ни продовольствія, ни корреспонденцій, и осада съ суши, состоявшая изъ строгаго запре-щенія кому-либо изъ насельниковъ Святой Горы общаться съ злославнымъ скитомъ. Всесоружіе греческой церковной власти грозило

преданіемъ анаѳемъ и изгнаніемъ съ Аѳона; всеоружіе россійской посольской власти грозило каноніками и выселеніемъ воинной силы. Безвыходнымъ казалось положеніе осажденнаго скита, но не для тѣхъ, кто вѣровалъ истинно въ Господа Иисуса, за честь Именія котораго стоялъ... Но тѣѣ же было искать помощи? Взоры всѣхъ имѣславшихъ обратились къ отечеству; тамъ слѣдовало выяснить всю истину создавшагося положенія, туда надо было кому-либоѣхать и все обскажать, и выборъ всѣхъ палъ на меня. Имѣборцы чувствовали, что это единственный выходъ для осажденнаго скита, и поэтому они, до сего яростно требовавшіе изгнанія моего, теперь всячески старались не выпустить со Святой Горы и по общему своему для достиженія сего снова пустили въ ходъ клевету. Узнавъ черезъ своихъ разѣбчиковъ, что я долженъѣхать въ Россію, о. Иеронимъ донесъ сему г. Щербинѣ и просилъ запретить мнѣѣхать подъ предлогомъ, что я могу увеcти съ собой капиталы скита. Я не подозрѣвалъ о сей клеветѣ. Когда же сѣль на пароходъ, то на него немедленно же явился и Щербина. Однако юные совѣтъ не допустила его меня задержать. Узнавъ, что я єду въ Салоники къ генеральному консулу, оѣв пропустила меня, пославъ убо мнѣѣхать съ ногъ до головы! Искали какихъ-то процентныхъ бумагъ и капиталовъ, но ничего, конечно, кроме караманныхъ денегъ на до-рогу, не нашли и отпустили съ миромъ. Но въ Петроградѣ меня ожидало новое гоненіе и новая скорбь. Узнавъ съ моемъ прибытиемъ, меня не только не пожелали выслушать въ Синодѣ, но немедленно же явился благочинный монастыря и потребовалъ, чтобы я далъ под-писку о немедленномъ выѣздѣ изъ столицы, куда, яко бы я не имѣлъ права приѣзжать, ибо для сего слѣдовало заранѣе испросить разрѣ-шенія Синода... Одновременно съ гоненіемъ началась и травли меня имѣборцами изъ печати. Имѣборские корреспонденты сообщали обо мнѣѣхъ всякия небылицы, россійскіе писаки повторили всікіе вымысли, меня рисовали какимъ-то ярымъ бунтовщикомъ, съ громадными кулаками (на самомъ дѣлѣ я малъ ростомъ и слабъ), говорили, что я женатъ на аббесинкѣ, о. Иларіона называли моимъ деницишкомъ, когда на самомъ дѣлѣ ему 90 лѣтъ и моимъ деницикомъ оѣв никого быть не можетъ, да и не служилъ онъ никогда, въ концѣ концовъ съ каѳедрой Государственной Думы я быть названъ епископомъ Анатолиемъ «экспроприаторомъ»...

Но «слово Божie не виляетъ» и истина не утаишь. Хотя осада Андреевскаго скита кончилась тѣмъ, что послѣ знаменитаго ура-ганиаго окачиванія изъ пожарной кишки архиепископъ Никонъ палъ штурмомъ имя лавреца Пантелеимоновскаго монастыря

3-го июля 1913 г. и вслѣдъ за сімъ 8-го июля сдался Андреевскій скитъ и 186 иконокъ этого скита принудительно посажены и вмѣстѣ съ 485 пантелеимоновскими иконами вывезены въ Россію, а вслѣдъ за ними бѣжали съ Аеона и еще цѣлая тысяча имѧславцевъ,— несмотря на все это, исповѣданіе Божества Именіи Господня не было побѣждено, ибо ни одного свидѣтельства Св. Писанія сколько-нибудь прямого и основательного имѧборца не могли и доселѣ не могутъ представить въ защиту своего наѣбрія въ Имя Божіе.

Въ концѣ концовъ, какъ и ужъ упомянули, главары имѧславія, изъ когдѣ причисленъ и, будучи преданы духовному суду, состоявшему въ Москвѣ при синодальномъ конторѣ, подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія, были оправданы. По разсмотрѣніи ихъ исковѣданій не было найдено въ нихъ чего-либо противаго ученію Святыхъ Отцовъ, но, напротивъ, въ нихъ повторялись лишь свидѣтельства Святыхъ Отцовъ. Итакъ, тѣ, которые изъ неправославіе были подвергены остракизму со Святой Горы безъ слѣдствія и суда, были по совершенію слѣдствія и суда найдены православными, и этотъ фактъ громко осуждаетъ всѣ тѣ дѣйствія, которыя въ угоду имѧборцамъ, скажемъ, въ угоду археіскому Антонию Храповицкому, были предприняты противъ имѧславцевъ. Но и доселѣ о. Климентъ съ удивительнымъ аллюзіемъ говорить о имѧславцахъ, какъ о явной, несомнѣнно признанной церковной ереси. Позволю себѣ по этому поводу привести письмо свѣтила современной россійской богословской науки профессора Муретова, которое онъ написалъ ректору московской духовной академіи по поводу той самой моей книги: «Апологія вѣры во Имя Божіе и Имя Іисусъ», которая была названа о. Еренимомъ «салатомъ» и которую онъ требовалъ скечь. Да проститъ меня достоуважаемый профессоръ, что я открываю его славное имя. Вотъ это письмо:

«Ваше Преосвященство

«Высокочтимѣшій Владыко.

«Весьма внимательно и даже съ большимъ удовольствіемъ прочиталъ я присланную вами тетради. Вѣтъ духомъ истаго монашества, древняго, подвижническаго.

«Дѣло, конечно, совсѣмъ не такъ просто, какъ взглянуть на него решеніемъ книги о. Иларіона. Корыами своимъ вопросъ объ Иисусовой молитвѣ и Именіи Спасителя уходитъ къ исконной и доселѣ нерѣшенной, точнѣ — неоконченной, борьбѣ противоположностей идеализма, или, что то же, реализма и мистицизма съ одной стороны, — и номинализма — онъ же и рационализмъ и материализмъ — съ другой.

«Простецы изъ истыхъ подвижниковъ и не мудрствующіе лукаво или опростившіе богословы, — какъ Игнатій Брянчаниновъ,

еп. Феофанъ, о. Иванъ, — непосредственнымъ опытомъ и интуитивно постигли, какъ и рапѣ ихъ многие отцы и подвижники постигли, — истину, до коєї учеными книжниками и философами приходится добираться съ большими трудностями и окольными путями схоластики и сложныхъ процессовъ мышленія.

«Истое христіанство и церковь всегда стояли на почвѣ идеализма въ решеніи всѣхъ возникшихъ вопросовъ — вѣроученія и жизни. Напротивъ, искедо- и антихристіанство и инославие всегда держались номинализма и рационализма.

«Границы истории номинализма: софисты и т. д. до Ницше. Это въ философіи, — а въ церкви: расплющивъ Христа архіереи, евонеи, Арій и т. д. до Варлаама и графа Толстого.

«Границы истории реализма: Сократъ съ Платономъ... до Гегеля съ его правою школою и Достоевскаго — въ философіи и художественной литературѣ, — а въ церкви: Евангелие, ап. Павелъ и т. д. до Паламы и о. Ивана.

«Идеализмъ и реализмъ лежать въ основѣ ученія о единосущности и троичности Божества, о богочеловѣчествѣ Спасителя, о церкви, таинствахъ, особенно евхаристіи, иконопочитаній и т. д.

«И я лично весь на этой сторонѣ. Решеніентъ «Рус. Июна» и апологетъ о. Иларіона говорятъ не одно и то же, а совсѣмъ противоположное. И апологетъ далеко не невѣжественъ и неразвитъ формально, — напротивъ, полное невѣжество и непониманіе дѣла на стоянѣ рецензента.

«Вамъ известны, конечно, продолжительные и ожесточенные споры средневѣковья между номиналистами и реалистами, когда дѣлались и попытки къ ихъ примиренію, — но неудачны, ибо они стояли на совершенно предмету чуждой почвѣ схоластики и рационализма.

«Въ церкви восточной споры вардаамитовъ и паламитовъ также не рѣшили вопроса научно и догматически, а только канонически на помѣстныхъ соборахъ. Но тутъ нуженъ не канонъ, а догматъ, котораго пока нѣть.

«Мнѣ суждена жизнь въ эпоху подъема волны материалистично-рационалистично-номиналистической. Но есть признаки начинаящагося возрожденія идеализма-реализма-мистицизма.

«Притомъ предстоитъ всероссийскій соборъ.

«Въ виду всего этого вопросъ, поднятый аеонитами, я считаю весьма своеизмененнымъ для всебоаго обсужденія. Онъ можетъ дать поводъ къ пересененію спора объ Именіи Іисусъ въ общедогматической области и вызвать попытки если не къ рѣшенію, то хотя къ уясненію исконного спора (надо замѣтить, что эти противоположности есть и въ искусству — живописи, музыкѣ, литературѣ, — да и вообще во всемъ — въ томъ или иномъ видѣ).

«Слово всякаго языка и во всякомъ видѣ, пока оно живо и

произносится устно или умно, есть, конечно, отражение идеи, имеющей реальную связь с идеей, а идея тоже реальность, имеющая и ипостасное бытие. Примеръ: рус. «благо» и евр. *tēwō*, греч. *τάγαθον* и т. д.—это слово,—затѣмъ «идея-благо» и, наконецъ, «Благо, Богъ, трійственность». Также и има «Иисусъ», евр., а рус. «Богъ спасение» или «Богъ-Спаситель» или «Богочеловѣкъ»,—идея Богочеловѣка и ипостась Богочеловѣка. Спаситель Богочеловѣкъ можетъ именоваться и на безчисленномъ множествѣ языковъ, живыхъ, мертвыхъ и будущихъ,—и безчисленное количество разъ—тѣлесно и духовно. И все эти безчисленные слова-имена имѣютъ свою реальность и ипостасность, какъ въ произносящемъ субъектѣ-человѣкѣ, такъ и въ произносимомъ объектѣ-Богочеловѣкѣ. Кто бы, когда бы, какъ бы ни именовалъ Спасителя, имѣющий каждый разъ вступать въ то или иное отношение реальное къ именему. Я хочу сказать: разъ извѣстное слово-имя соединено съ извѣстной идеей и ее отражаетъ въ себѣ, то пока эта связь есть (а она не можетъ не быть, ибо слово есть принадлежность существа разумнаго), необходимо бываетъ и реально-ипостасное отношение субъекта-лица, произносящаго слово, къ идеѣ, кой иносистематически является объектъ-произносимый, тоже лицо. Такимъ образомъ, субъектъ (лицо, ипостась), произносящий слово «Иисусъ» или «Богочеловѣкъ» или «Богъ-Спаситель», необходимо вступаетъ въ то или иное отношение реальное къ идеѣ и ипостаси Богочеловѣка.

«То же надо сказать и обо всѣхъ вообще именахъ, напр., «сатана, ангелъ, угодникъ Божій» и т. д. Возьмемъ «Иванъ Кронштадтскій». Ранѣе отца Ивана этого имени не было,—оно дано именно ему, выражаетъ его идею и отражаетъ его личность. Быть можетъ, оно и умретъ когда-нибудь и совсѣмъ исчезнетъ изъ человѣческой рѣчи. Но пока оно живо и произносится разумными существами, оно необходимо ставить произносящаго въ то или иное отношение, притомъ, конечно, реально, поскольку реально произносятся и произносили,—къ реально-сущей въ лице о. Ивана идеѣ, выражаемой его именемъ,—т. е. поскольку и кто называетъ о. Ивана и самъ о. Иванъ суть реальности и ипостаси.

«Такъ—каждое имя и всякое слово.

«Затѣмъ я не вхожу въ специальности гносеологии онтологии этого вопроса. Ибо и изъ сказанаго, думается мнѣ, видно, что глумящіеся надъ Именемъ Иисусъ въ душѣ ли, устно ли, на запискахъ и т. д.—все равно вѣдь знаютъ, что выражается имя и къ кому оно относится,—следовательно, необходимо глумиться и надъ Самимъ Спасителемъ. Да и не могутъ не знать, и никакими софизмами нельзя очистить этого глумленія—только покаяніемъ. Поэтому-то хула на Духа не прощается, и за всікое, даже праздное, слово человѣкъ дастъ отвѣтъ. И никто, говорящій въ Духѣ Святомъ, не гороритъ: анаѳема Иисуса (вообще Иисуса безъ всякихъ опредѣле-

ний,—ибо съ момента, какъ *λόγος οὐρφεύς* есть только одинъ истинно-Иисусъ-Спаситель Богочеловѣкъ) и никто не можетъ сказать: Господь Иисусъ, только Духомъ Святымъ. Глумились надъ защитниками имени Иисусъ и молитвъ Иисусовой, конечно, по недомыслию, а вѣрѣ—по отсутствію истинно-христіанскаго чувства, которое всегда можетъ указывать истиннымъ христіанамъ вѣрный путь во всѣхъ соблазнахъ и недоумѣніяхъ,—что и видимъ въ монахахъ-простедахъ.

«Вѣдь мы живемъ и движемся и существуемъ въ Богѣ Отцѣ, Сынѣ и Духѣ,—въ Богочеловѣкѣ-Спасителѣ. Не только наше вѣтъсознательное бытие, но только наша духовно-тѣлесная жизнь въ Немъ,—но въ Немъ и наши движения, тѣлесны и духовны. Наша мысль есть движение духа, наше слово есть духовно-тѣлесное движение. И это движение можетъ ставить насть въ болѣ тѣсное единеніе съ Богомъ, какъ бы даетъ намъ осознать Бога (Дѣянія 17, 28—27). Поэтому произносящий молитву Иисусову реально соприкасается съ Самимъ Богомъ Иисусомъ,—какъ Осма, осознать его духовно.

«Къ сожалѣнію, не располагаю временемъ къ болѣ подобному раскрытию этого важнаго предмета».

Въ запискахъ о. Клиmenta мы нашли одно замѣчательное видѣніе, которое онъ самъ о себѣ записалъ, бывшее ему какъ разъ въ началѣ 1912 г. и именно тогда, когда онъ только что начинавшую свою имѧборческую дѣятельность. Увидѣть онъ однажды крестъ, котораго одинъ уголь обожженъ. Нѣсколько дней спустя онъ увидѣлъ снова крестъ, въ которомъ онъ снялъ одинъ уголокъ обожженъ. Крестъ есть символъ Имени Святой Троицы и Имени Иисуса Христа, ибо вертикально расположенные одинъ подъ другимъ два конца креста символизируютъ: верхний—Отца, рождающаго Сына, а нижний—Сына, рождающагося отъ отца. Горизонтальные же два конца символизируютъ Духа Святаго, отъ Отца исходящаго и съ Сыномъ пребывающаго. Сдѣлавшись орудiemъ распятія, крестъ символизуетъ спасеніе людей Спасителемъ—«Иисусомъ»—Богомъ, воплощеннемъ и распятъмъ нашего ради спасенія. Итакъ, это двукратное видѣніе пофрежденаго креста, у которого одинъ конецъ обожженъ, должно намекнуть о. Клиmentу, что онъ посыгаетъ на Имя Распятаго Бога Иисуса, отвергая Божественное достоинство и неотдѣлимость отъ Господа Иисуса Его Имени. Черезъ нѣсколько дней снова увидѣлъ себя о. Клиmentъ передъ крестомъ, и на немъ увидѣлъ Самаго Распятаго, страждущаго Иисуса. Около креста стояла группа людей. О. Клиmentъ кинулся къ Распятому, но люди подняли на него руки съ камнями, дабы побить его камнями, но руки ихъ были удержаны невидимой силой Господа, страждущаго на крестѣ. Теперь спрашивается, кто распиналъ Господа Иисуса во Имени Его?—имѧборцы, къ которымъ примкнуть собирался о. Клиmentъ. Что

побѣло Богомъ за хуленіе или глумление надъ именемъ Его?— побивать камнями, какъ о томъ гласить слово Божіе. Но многомилостивый Господь, поношаемый и распинаемый во Имени Своемъ, умилостивился о нѣвѣдѣніи имѣборцевъ, благодаря которому они враждуютъ противъ Имени Его, и удержать праведное негодованіе православныхъ христіанъ, окружавшихъ Его, которые готовы были побить камнями имѣборцевъ на Аѳонѣ. Климентъ подошелъ безпрепятственно къ тому кресту, на которомъ онт самъ распиналъ возлюбленного своего Господа, самъ того не вѣдая, ставъ на колѣни, поклонился, а затѣмъ снова всталъ и пошелъ отъ креста.

Тогда снова рабы Христовы подняли на него руки съ камнями, дабы побить его по закону камнями за хуленіе Имени Господина, но снова были удержаны, о. Климентъ, подойдя къ нимъ, спросилъ ихъ: «Вы православные?» по слѣдующей версіи: «Вы христіане?». — «Да, мы православные». «За что же вы меня бить хотите?»— и съ тѣмъ прообразился и записанъ свое видѣніе, которое затѣмъ было найдено при обысѣ его кельи. Итакъ, какъ видно изъ его статы, до сихъ поръ не созналъ мой собратъ того, что подлежитъ отъ «побѣженію камнями» за ту хулу на Имя Господне и за тѣтъ соблазнъ, которые онъ такъ увѣренно распространялъ, расшатывая въ православныхъ вѣру въ то, что Имя Господне неотдѣльно отъ Именемуаго и, будучи въ видѣ обыкновеннымъ человѣческимъ словомъ, содергитъ въ себѣ Самаго Бога и по объективной своей сторонѣ, будучи Божественной Истиной, есть Божій мысленный Сѣть и Истинный Богъ.

Не менѣе удивительное видѣніе было и нашему игумену о. Иерониму. Передъ самыми съвѣтыми выборами на игуменство, когда онъ не имѣлъ совершенно никакихъ шансовъ и даже не былъ избранъ кандидатомъ, онъ увидаль во снѣ покойного игумена архимандрита о. Госифа. Тотъ ему сказалъ: «Береги четвергъ», а затѣмъ подвель его къ окну и показалъ на море и сказалъ: «Смотри», и увидаль о. Иеронимъ черезъ море прямую дорогу, свѣтищую Божественнымъ свѣтломъ. На этомъ видѣніе окончилось. Послѣ этого совершенно неожиданно младшая братія, (такъ самая, которую онъ нынѣ изгналъ) противъ желанія старець потребовала, чтобы поставили кандидатомъ также и о. Иеронима, и онъ былъ выбранъ. Это произошло на четвергъ, и о. Иеронимъ рассказалъ многимъ это удивительное видѣніе, но свѣтлый огненный путь черезъ море былъ до послѣдняго времени для всѣхъ непонятенъ. Но теперь путь этотъ дѣлается понятнымъ. Низложѣніе о. Иеронима, такъ же какъ и избрание его, произошло на четвергъ, 10-го января. Отгнанный же сіяющій Божественнымъ свѣтломъ путь черезъ море есть тотъ славный путь исповѣдниковъ Имени Господня, которымъ они прославили Имя Господне твердостью своего исповѣданія и вѣры во Имя Господне, и тѣмъ сподобились славной участіи быть изгнанными и поношаемыми Имени Ии-

усова ради... Мы съмъ приводимъ это чудное приточное видѣніе нашихъ противниковъ, умалчивая о другихъ, болѣе ясныхъ и чудныхъ знаменіяхъ, коихъ удостоились некоторые имѣславцы. Но мы о послѣдніхъ умалчиваемъ, дабы не давать повода къ оспариванію ихъ или даже къ подозрѣнію въ вымыслѣ.

Обличая неправоту дѣйствій и мыслей имѣборцевъ, я далекъ отъ того, чтобы ненавидѣть ихъ и осуждать ихъ за это. Читатель видѣлъ мое признаніе въ томъ, въ какихъ близкихъ духовныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ до спора я состоялъ съ игуменомъ о. Иеронимомъ. Ему я обязанъ и моимъ іерейскимъ саномъ, ибо противъ моего желанія онт настоялъ на томъ, чтобы я его принялъ. Я его искренно любилъ и уважалъ и пользовался его взаимными уваженіемъ и любовью. Въ прекрасныхъ отношеніяхъ состояла я и съ всесчастнымъ о. Климентомъ. Но на насъ сбылись слова Господни: «не мине, яко придохъ возвраще миръ на землю, но раздѣление»— «и врази человѣку домашніе его». Разность религиозныхъ убѣждений не можетъ не раздѣлять людей.

Однотипны были съ нынѣшнимъ прежде бывшіе споры за доктрины церковные. Сначала торжествовала обыкновенно неправая партія, торжествовала благодаря торжеству рационализма надъ мистицизмомъ и пронскамъ еретиковъ у властей. Такимъ образомъ, во всѣхъ подобныхъ спорахъ та сторона, которая нынѣ признана правой, сначала была признана неправой, и противъ нея нагромождались горы всякой клеветы. Противъ нихъ легко восстановлялся еретиками народъ. Св. Максимъ Исповѣдника, благодаря клеветамъ еретиковъ, такъ возненавидѣла простая, ничего не смыслившая въ доктринахъ чернь, что когда его казнили и поволокли по улицамъ Царьграда, то его трупъ весь растерзали... Оружіемъ истины православныхъ всегда бывала истина, свѣдѣтельствуемая Писаниемъ, Святыми Отцами. Еретики же, не находя равнаго оружія и сознавая малую убѣдительность тѣхъ текстовъ, которые приводили въ свою пользу, искали, съ одной стороны, опоры въ рационализмѣ лжеизмѣнаго разума, а съ другой стороны—старались очернить право ученіе клеветами на исповѣдующихъ истину. Такъ бывало искони, такъ повторилось и сейчасъ. Но Господь нашъ есть Богъ «же миловати и спаси». Онт есть Тотъ, Который о Себѣ сказалъ: «Азъ умерщвлю и жити сотворю»— и посему мы желаемъ и надѣемся, что наше нынѣшнее раздѣленіе возвратится вскорѣ въ единомысленный о Имени Господнемъ союзъ Христовой любви въ славу и честь всесвятаго и до-стопоклоняемаго Имени Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Аминь.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Сочиненія, написанныя авторомъ на
Аѳонѣ, въ защиту почитанія Имени
Божіяго въ 1912—1913 г.

(Апологія Вѣры въ Имя Божіе и во Имя Іисусъ,
какъ изданная отдѣльной книгой, имѣющейся въ про-
дажѣ, здѣсь не помѣщена).

I.

О почитанії Имени Божія.

«Себе искушайте, аще есте въ вѣрѣ».
(2 Кор. 13, 5)

«Ты же Богъ дарова Ему Имя
наче всякаго именіи, да о Имени Иисусовѣ
всѧко колѣно поклонитса». (Еф. 2, 10).

«Испытывайте себя» — взывает апостол къ намъ, — «испытывайте себя, пребываете ли вы въ вѣрѣ?» — То есть разсмотрите внутренно чувства души своей, ощущается ли въ ней живое чувство вѣры въ Бога, или это живое чувство заглохло, и душа хотя и не отреклась отъ вѣры въ Бога, но чувства страха Божія въ себѣ не находится, благодарности не чувствуетъ, любовию не согрѣвается. Испытывайте себя, следите за своимъ состояніемъ сердечнымъ, чтобы не дойти незамѣтно до того ужаснаго состоянія, когда совершенно теряется способность души ощутить какой либо страхъ предъ Именемъ ли Божімъ, предъ страхомъ ли будущихъ мукъ. Испытывайте себя, чтобы не стать «солью обувишай», годной лишь на изверженіе, чтобы не потерять своей живой вѣры, которая, какъ соль, осоляетъ всѣ чувства и мысли сердечныя; блюдите вѣру свою, чтобы она была живой и горячей, а не превратилась въ одно мертвое и хладное знаніе того, что Богъ страшна, и страшно Имя Его, но безъ сердечного ощущенія истинности сего.

Но, увы! — «Егда пришель, обряціи ли вѣру на землї?» говорить Христосъ. Нечувствіе, какъ сыпучій песокъ, засыпаетъ насъ. Нарушаемъ мы заповѣдь Божію непрізываній Имени Господа всуе, творимъ молитвословія и Богослуженія разсѣянно и небрежно. Итакъ, очистимъ прежде всего нашъ умъ и, дабы возродить въ себѣ благоговѣніе, уяснимъ себѣ, что такое составляеть для насъ въ жизни призваніе Имени Божія. «Великія Имена: Пресвятая Троица, Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, призванныя съ живою сердечною вѣрою и благоговѣніемъ, или воображеніемъ въ душѣ, — пишетъ («Мыс-

ли християни», стр. 46) о. Иоанн Кронштадский,—суть Самъ Богъ и визводить въ душу нашу Самого Бога»... «Когда ты въ сердцѣ говоришь, или произносишь вслухъ Имя Божіе, или Пресвятыхъ Троицы, или Господа Саваоѳа, или Господа Иисуса Христа, то въ этомъ Имени ты имѣши все существо Господа; въ немъ Его благость, премудрость безпредѣльна, съѣтъ неприступны, всемогущество, неизѣмненность. Со страхомъ Божіимъ, съ вѣрою и любовью прикасаишъ мыслами и сердцемъ къ этому Имени... Имя Его есть Оно Самъ—Богъ въ трехъ Лицахъ, простое Существо, въ единомъ словѣ изображаемое. Богъ Самъ открылъ Имя Своє ветхозавѣтны людимъ, когда въ гласѣ трубомъ, въ огнѣ и дымѣ возвѣстилъ стъ горы Синайской заповѣди; тамъ въ первой заповѣди законы сказали Онъ о Себѣ: «Азъ есмъ Господь Богъ твой»,—т. е. Имя Мое есть—Господь Богъ; а въ третьей—повелѣлъ воздавать этому Имени Божественную честь и не призываи его всуе. Подобно сему и люди новозавѣтны пришли отъ Господа Иисуса Христа Имя Божіе новое, т. е.: «Святая Троица» и «Сынъ Божій», молятся о Имени семъ и чтутъ Его. О сей заповѣди новозавѣтной—читѣ Имя Господне—свидѣтельствуетъ Иоаннъ Богословъ, говоря: «Сіа есть заповѣдь Его, да вѣруеши во Имя Сына Его Иисуса Христа и любиши другъ друга» (1 посл. 3, 23). «Сіа же писана быша, да вѣруете, яко Иисусъ есть Христосъ Сынъ Божій, и, да вѣрюющи, животъ имате во Имя Его». (Иоанн. 20, 31). «Сіа писахъ вѣрующимъ во Имя Сына Божія, да вѣсте, яко животъ вѣчный имате, и да вѣруете во Имя Сына Божія». (Иоанн. 5, 13).

Эту же тайну Имени Божія раскрываетъ Богословъ и въ первой главѣ своего Евангелия, вслѣдъ за изложеніемъ учения о предѣчномъ рожденіи Бога Слова отъ Отца: «Бѣ Свѣтъ истинный,—пишетъ онъ,—иже просвѣщаетъ всякаго человека, грядущаго въ міръ... Елицы же Его пріяша, даде имъ область чадомъ Божіими быти, вѣрующимъ во Имя Его, иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишаися». Чтобы стать чадомъ Божіими,—учитъ Св. Апостолъ,—необходимо вѣровать во Имя Иисусово, а эта вѣра подается только тѣмъ, кто отъ Бога возродится въ святоомъ крещеніи, при чмъ происхожденіе плотское и мало возрожденію и спасенію не поможетъ. И первое прощеніе, которое положилъ Господь въ молитвѣ: «Отче нашъ», есть именіе прощеніе о томъ, дабы святилось въ насъ Имя Божіе, то есть, чтобы дать намъ Господь вѣру въ Имя Его, ибо чрезъ эту вѣру получаемъ мы право быть чадами Божіими. О Своемъ же собственностѣ Имени—Иисусъ Христосъ Господь свидѣтельствуетъ слѣдующими словами: «Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго дадъ есть, да всякъ вѣруй въ Онъ не погибнеть, но имать животъ вѣчный... Вѣруй въ Онъ не будеть осужденъ, а не вѣруй уже осуждень есть, яко не вѣрова во Имя Единороднаго Сына Божія». (Иоанн. 3, 15—18).

«Аминь, аминь, глаголю вамъ..., аще что просите отъ Отца во Имя Мое, то сотоворю, да прославится Отецъ въ Сынѣ, и, аще чесо просите во Имя Мое, Азъ сотоворю...» (Иоанн. 14, 13).

«Уѣштиль же, Духъ Святый, Его же послѣтъ Отецъ во Имя Мое, Той вы научить всему...» (—25).

«Азъ избралъ васъ... да плодъ принесете... да его же просите отъ Отца во Имя Мое дастъ вамъ... Аще Мене изгнаша и вѣсъ паждуть, аще слово мое соблюдоша и ваше соблюдутъ: но сія вѣсъ творять вамъ за Имя Мое, яко не вѣдѣть пославшаго мя...» (Иоанн. 15—17).

Итакъ, Господь, съ самаго начала Своего общественнаго служенія, училъ вѣровать во Имя Своє, и мы видимъ, что Апостолы Христовы втолгъли это вѣру восприяли. «Возвратиша семдесѧтъ учениковъ—посланыхъ Господомъ на проповѣдь, рассказываетъ евангелистъ,—съ радостю глаголяще: Господи, и бѣси повинуются намъ о Имени Твоемъ» (Лук. 10, 17). Господь же возрадовался душомъ, увидѣвъ такую простоту вѣры въ Него учениковъ Своихъ, и вскинувшись: «Исповѣдуются, Отче, Господи небеси и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открыты еси та младенцемъ: ей, Отче, ико тако бысть благоволеніе предъ Тобою».

По вознесеніи Господнемъ Святые Апостолы, воспріяви вѣсты съ вѣромъ въ Божество Господне и вѣру во Имя Его, начинаютъ свою проповѣдь словами о Имени Христовомъ и первое чудо совершаютъ Именемъ Христовымъ: «Ставь же Петръ (въ день сошествія Святаго Духа), рече: Муже Іудеистъ... сіе есть речеяное пророкомъ Іоаннѣмъ... излію отъ Духа Моего на всяку плоть... и будетъ вѣскъ, иже призоветъ Имя Господне, спасется... Покайтесь и да крестите кійждо вѣсъ во Имя Иисуса Христа во оставление грѣховъ, и примете даръ Святаго Духа...» (Дѣян. 2, 14—21 и дал.).

Первое же чудо испѣленія хромого отъ рожденія было совершено такъ: «Возарь же Петръ нань со Іоанномъ рече: взори на ины... Во Имя Иисуса Христа Назорея востани и ходи...» (Дѣян. 3) Испѣльшему же хромому, притекощи вси людіе ужасни. Видѣвъ же Петръ, отвѣщающи людямъ: мужіе Израильяне, что чудтесь?.. Богъ отцевъ нашихъ прослави отрока Своего Иисуса?.. И о вѣрѣ Имене Его, сего егоже видите и знаете, утверди Имя Его, и вѣра, яже Его ради, даде ему всю цѣлостъ сію предъ вами... Священницы же и воевода церковный и саддукей... возложиша на нихъ руки... Наутрѣ вопрошахъ: кою силу, или комъ именемъ сотовристе сіе вы?—Тогда Петръ, исполнившися Духа Святага, рече имъ: Разумио буди вѣсты вѣмъ и вѣсты людимъ Израильевымъ, яко во Имя Иисуса Христа Назорея... о семъ себѣ стонти предъ вами здравъ... Нѣсть бо иного Имени подъ небессмъ, данного во человѣкѣхъ, о немъ же подобаетъ счастися намъ... Отпущена же бывшиа (Петръ и Іоаннъ), приступа ко своимъ... Они же воздвигша гласъ къ Богу и рекоша: Влад-

лько, Ты, Боже, сотворный небо и землю, и море, и вся, яже въ нихъ, даждь рабомъ Твоимъ со всякимъ дерзновенiemъ глаголати слово Твое... и чудесемъ бытъ Именемъ Святымъ отрока Твоего Иисуса,—«и помолившимся имъ, подвижеся място, идѣже баху сорбани, и исполненіша вси Духа Свята». (Дьяян. 4).

Но не только Апостолы, Сама Матерь Божія с самаго Благовѣщенія проповѣдуетъ о величіи Имени Сына Своего: «Величить душа Моя Господя и возрадовася духъ Мой о Богѣ Спасѣ Моеи... яко сотвори Миъ величіе Сильнѣй и Свято Имя Его».

Пастыри и учителя церковныхъ, пріяня отъ Апостоловъ вѣру во Святото Имени Господа, передали сю вѣру и наамъ. Поэтому, во всѣхъ главнѣйшихъ молитвахъ церковныхъ Имени Божію воздается слава и поклоненіе отнынѣ и до вѣка. Напр., въ молитвахъ свѣтильничихъ на вечернѣ Церкви молится: «Возвесли сердце наше, во еже боятся Имени Твоего Святаго, зае велий еси Ты и твой чудеса; Ты еси Богъ единъ и иѣсть подобенъ Тебѣ, Господи: силенъ въ милости и благъ въ крѣпости, во еже помогати, и угѣщати, и спасати вся уповаюця во Имя Святое Твое». —Здѣсь Имя Божіе отождествляется со Святымъ Богомъ, ибо сначала молимся о томъ, чтобы наамъ бояться Имени Божія Святаго, а потому, продолжая ту же мысль, говоримъ, что просимъ дать наамъ этотъ страхъ Божій ко Имени Его потому, что «Ты велий еси и твой чудеса» и т. д., то есть исчисляемъ свойства Божіи.

Въ третьей свѣтильничной молитвѣ просимъ: «Господи Боже нашъ, помни насъ грѣшныхъ и непотребныхъ рабъ Твоихъ, внѣгда призываю наамъ Имя Твое Святое»...

«Немолчными пѣснами и непрестанными славословленіями отъ Святыхъ Силь воспѣваемый, исполни уста наша хваленія Твоего, еже подати величіе Имени Твоему Святому». (4-ая мол.).

«Еї, Владыко, благихъ подателю, да и на ложахъ нашихъ умилающеся, поминаемъ въ почи Имя Твое Святое»... (7-ая мол.).

На Литургіи, по освященіи Святыхъ Даровъ и послѣ поминовенія, первое прошеніе есть о Имени Господнемъ: «И даий намъ единѣми усты и единѣмы седречемъ славити и воспѣвати пречестное и великоклѣпое Имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, именѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминъ». —Оканчивается же Литургія троекратнымъ возгласомъ: «Буди Имя Господне благословленіо отнынѣ и до вѣка».

Изъ всѣхъ приведенныхъ выражений и мѣстъ Св. Писанія ясно видно, насколько тѣсно Святыя Церкви отождествляютъ Имя Божіе съ самимъ Богомъ. Но, —скажетъ мѣстъ иной читатель:—къ чему же все это говорить? Развѣ я когда либо сомнѣвалася въ Божественности Имени Божія, въ его святости и величинѣ? —На это отвѣщаю: «Блаженъ ты, если не только никогда не сомнѣвался въ Божественности Имени Божія, но и живо ощущалъ, всегда призываю Имя Бо-

жіе, что Оно свято. Если ты же этого сознанія святости и величини Имени Господня въ себѣ не замѣчалъ и не чувствовалъ,—то тебѣ весьма полезно возвратить въ себѣ страхъ Божій и живу вѣру въ Имя Божіе». —Для того же, чтобы тебѣ помочь въ возбужденіи сей живой вѣры, я и изложилъ все, что во священнѣыхъ и богослужебныхъ книгахъ нашихъ касается вопроса о почитаніи Имени Божія.

(Напечатано было съ разр. дух. ценз. изъ журн.
Андр. Ск. «Настоящія и Углубленія Св. вѣры
Христіанской» Апрѣль 1912 г.)

II.

О молитвѣ Иисусовой.

«Блаженъ мужъ, ему же есть Имя Господне упование его и не пріѣзжай въ суеты и неистовѣнія ложнаго» (пс. 39. 5.)

Истина, живая христіанская вѣра, какъ душа съ тѣломъ, всегда соединяется съ пламенной молитвой къ Господу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ живою вѣрою въ силу молитвенаго призываія Имени Божія. Безъ вѣры во Имя Божіе, безъ исповѣданія, что съ Именемъ Божіимъ сопри существуетъ Самъ Богъ, что съ Именемъ Иисусовымъ сопри существуетъ Самъ Иисусъ, обѣꙗвший исполнять всякое прошеніе ради призываемаго Имени Своего,—безъ этой вѣры невозможно стать искуснымъ молитвенникомъ, невозможно привести душу въ сыновнія чувства къ Богу и познать Иисуса, живущаго во Имени Своемъ. О семъ свидѣтельствуетъ Св. Евангелистъ Иоаннъ Богословъ въ самомъ началѣ благовѣстованія своего: «Елицы же пріяня Его, где имъ область чадомъ. Божіимъ быти, вѣрѹющимъ во Имя Его». (Ін. 1, 12). —Не вѣрѹй уже осужденъ есть, яко не вѣровъ во Имя Единороднаго Сына Божія». (Бѣстѣа стъ Никодимомъ Ін. 3, 18). —Въ посланіи же своемъ Апостолъ Иоаннъ Богословъ свидѣтельствуетъ, что вѣра во Имя Иисусово есть «заповѣдь», Самимъ Христомъ данная: «И сія есть заповѣдь Его, да вѣрѹемъ во Имя Сына Его Иисуса Христа и любиши другъ друга». (Ін. 3, 23). —Вѣроуєтъ же Евангелия своего говорить: «Сія же писана быша, да вѣрѹете, яко Иисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій и да вѣрѹюще живоТЬ имате во Имя Его». (Ін. 20, 31). На другихъ же языкахъ поспѣднія слова переведены: «Чрезъ Имя Его». Когда же дани были сказанныи двѣ заповѣди: вѣра во Имя Иисусово и любовь другъ къ другу? —прочтите внимательно бесѣду Христову съ учениками послѣ Тайной вечери и вы увидите, что эти заповѣди обѣѣ были дани именно тогда и о нихъ многократно повторяетъ въ бесѣдѣ Христосъ. О взаимной любви сказано явно: «Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ дру-

га» (Ин. 15, 11).—всльдъ же за симъ говорить: «его же аще просите отъ Отца во Имя Мое, дастъ вами», (—, 16).—И въ продолженіе бѣдъ Своей Господь неоднократно повторяетъ ученикамъ эти даѣ послѣдній Ему заповѣдь: любить другъ друга, пребывать въ Немъ и любви Его, вѣруя во Имя Его и все потребное испрашивая чрезъ Имя Его. Но возвратимся къ первому приведенному тексту. Здѣсь сказано, что «пріявшимъ Его», то-есть, познавшимъ Иисуса Христа и увѣровавшимъ, что онъ есть Господь и Сынъ Божій,—«даѣ областъ чадомъ Божімъ быти»,—далѣе читаемъ: «вѣрующимъ во Имя Его». Къ тому же эта приставка, почему необходимо еще и увѣрять во Имя Его, что бы стать чадомъ Божімъ?—Потому что одной вѣры во Христа недостаточно, чтобы пребывать съ Нимъ во всегдашнемъ молитвенномъ общеніи, ибо изнеможетъ и память и воображеніе, и не возможетъ сосредоточиться умъ, если не придетъ на помощь молитвенное признаніе Имени Божія съ вѣрою въ то, что съ Именемъ—и Самъ Прізываляемый. Итакъ, чтобы укрѣпить нашу увѣренность въ близость Его къ намъ—даль намъ Господь Имя Свое, для всегдашнего молитвенного, умносердечного признанія. Конечно, можно пребывать въ Богѣ памятованіемъ словъ Его, дѣлъ Его, страстей Его и иными способами, но при всемъ этомъ признаніе Имени Господня есть главный способъ, чтобы сопрѣбывать съ Господомъ и ощущать Его въ сердцѣ своемъ. Сколько важно исповѣданіе Имени Божія для человѣка, видно изъ словъ Господа въ Его Первосвященнической молитвѣ: «Явихъ Имя Твоє человѣкомъ».—«Отче Святый, соблюди нѣмъ во Имя Твоє».—И сказахъ имъ Имя Твоє и скажу, да люби, ю же Мя возлюбилъ еси, въ нихъ будеть и Азъ въ нихъ». (Ин. 17; 6, 12, 26).—Не явно ли изъ этихъ словъ, что одной изъ цѣлей воплощенія домостроительства было открыть людямъ Имя Св. Троицы и Имя Иисуса Христа. И опять спрошу вѣсль: почему такъ важно человѣку знать Имя Божіе?—опять отвѣчу: потому, что Имя Божіе не есть одно простое наименование, но въ молитвенномъ признаніи Имени Божія скрыта Божественная благодатная сила. Обратимъ вниманіе на слова Господа изъ послѣдніемъ текстѣ «и скажу».—Онъ уже открылъ Апостоламъ Отца. Себя и Святаго Духа; что же еще обѣщаетъ сказывать?—обѣщаетъ сказывать не только имъ, но и каждому изъ наст., призывающему съ вѣрою Имя Его, обѣщаетъ вселеніемъ Своимъ въ настъ низводить въ сердца настъ Святую Троицу, открывая наши умныя очи для Божественныхъ тайно-созерцаній, именно тѣхъ изъ наст., кого признаетъ достойными сего. Итакъ, слова эти опять подтверждаютъ первый текстъ: «Елици же пріяша Его, даї имъ областъ чадомъ Божімъ быти, вѣрующимъ во Имя Его».

Но, можетъ быть, кто скажетъ, что тексты эти нельзя понимать дословно, что слово «имя» надо понимать въ смыслѣ переносномъ?—Однако изъ апостольской практики ясно, что Св. Апостолы дословно приравнивали заповѣдь о вѣрѣ во Имя Господне. Такъ, когда они возвра-

тились изъ первой проповѣди, то съ восторгомъ сообщили Господу о чудесахъ, совершенныхъ ими чрезъ призваніе Имени Его: «Господи! и бѣзы повинуются намъ о Имени Твоемъ». (Лук. 10, 17). Эти слова показываютъ, что, отправляя на проповѣдь, Господь далъ Апостоламъ заповѣдь цѣлить призваніемъ Имени Своего, хотя объ этомъ прямо и не сказано¹⁾. Несомнѣнно, давъ Апостоламъ заповѣдь исцѣлять болѣющихъ и изгонять бѣсовъ, Христосъ Самъ указалъ имъ и способъ, коимъ это слѣдовало дѣлать. Отсюда понятіе восторга учениковъ, когда они воочию убѣдились, сколь велико Имя ихъ Учителя. По этому же самому Апостолъ Петръ исцѣлилъ хромого у дверей церковныхъ ничѣмъ инымъ, какъ—призваніемъ Имени Иисусова.—«Рече же Петръ: сребра и золата нѣсть у меня, но еже имамъ, се ти даю: во Имя Иисуса Христа Назорея востан и ходи».—Когда же сбѣжался народъ и дивился чуду, то Петръ сказалъ: «Что чудитеся?.. О вѣрѣ Имени Его, сего, егоже видите и знаете, утверди Имя его: и вѣра, яже Его ради, даде ему всю цѣлостъ». (Дѣян. 3, 6—16).—Когда же Петра и Иоанна повлекли на судилище за совершение чуда, то Петръ, исповѣдалъ вѣру во Имя Иисусово слѣдующими словами: «Разумно буди всѣмъ вами и всѣмъ людимъ Израїлевымъ, яко во Имя Иисуса Христа Назорея, Его же вы распяте, Его же Богъ воскреси отъ мертвыхъ, о Семь (т. е. Имени) сей стонть предъ вами здравъ... Нѣсть бо иного Имене подъ небесемъ, даннаго въ человѣчѣхъ, о немъ же подобаетъ счастися». (Дѣян. 4, 10—12).—И Св. Апостолъ Павелъ ясно подтверждаетъ необходимость соединять съ вѣрою во Христа еще и вѣру во Имя Его: «Близъ ти глаголь есть во устѣхъ твоихъ и въ сердцахъ твоемъ»—то есть въ устѣхъ молитва, или молитвенное признаніе Имени—«сирѣчь глаголь вѣры, его же прононѣдѣмъ». (Рм. 10, 8). Что же значить глаголь? значить—слово: но какое?—которое мы проповѣдѣмъ, т. е. Господа Иисуса, воскресшаго изъ мертвыхъ. Поэтому, всльдъ за сими словами и говорится: «Яко аще исповѣди усты своимъ Господу Иисусу и вѣруши въ сердцѣ твоемъ, яко Богъ Того воздвигъ изъ мертвыхъ, спасися» (—9, 10).—Итакъ, необходимо при вѣрѣ въ воплощеніе домостроительство нашего спасенія вѣроватъ и во спасительное Имя Спасителя и призывать Его. Наконецъ, взгляните на Икону Спасителя, на благословляющую руку Спасителя,—не Имя ли Его изображаетъ персты Его? О необходимости благоговѣйной вѣры въ молитвенное признаніе Имени Иисусова ясно говорить также всѣ молитвословія, обряды и установленія церковныя, ибо всюду здѣсь упоминается сладчайшее Имя Христово и всюду возносится хвала и поклоненіе сему Пречестному и Великолѣпному Имени.

Что иное, какъ не вѣра во Имя Божіе, понуждало и побуждастъ

¹⁾ Предъ внесеніемъ Своимъ на небо Господь явно сказалъ ученикамъ: «Знамъ же вѣровавшимъ ся послѣдуютъ; Именемъ Моемъ бѣзы искривленія». (Марк. 16, 17).

Церковь возносить ко Господу следующие молитвенные слова: «Возвесь сердца наши, во еже боатися Имени Твоего Святаго». (Святильничая молитва 1-ая). Иные скажут—«это оборот речи такой?»—Неправда, ибо в употреблении такого оборота речи никакой нужды нетъ; не будь тутъ смысла дословного, было бы сказано иначе, напримѣръ: всели въ сердца наша страхъ Твой Святый. Но въ той молитвѣ мы именно просимъ вселить въ насы радостный страхъ предъ Именемъ Божіимъ или живую вѣру въ него. Эта же, приведенная нами молитва завершается словами: «Нѣсть подобенъ Тебѣ въ бѣзѣхъ Господь, силенъ въ милости и блажъ въ крѣпости, во еже помочати, и уѣшати, и спасати вся уповающая во Имя Святое Твое». Приводимъ еще слова 4-ой святильничайшей молитвы: «Исполніи уста наша хваленія Твоего, еще подати величествіе Имени Твоему Святыму». Или вотъ прошеніе молитвы 7-ой: «Да и на ложахъ нашихъ умилюющеся, поминаемъ въ нощи Имя Твое».—«После благодать Твою въ помощь мнѣ, да прославлю Имя Твое Святое». (Вечерн. мол. Иоанна Златоуст.).—«Благодаримъ Тя... блажившаго во устѣ наша слово хваленія, еже поиздѣланія и призываю Имя Твое Святое». (Мол. 1-я на шестопс.).—«Да спасеніи душою и тѣломъ всегда пребывающе, съ дерзновенiemъ славимъ чудное и благословенное Имя Твое». (4-я) «Благодаримъ Тя, яко поставилъ еси нась въ поклоненіе честнаго Имени Твоего». (6-я) — «Яко благословися и прославися всечестное и великолѣпное Имя Твое». (2-я)—Когда же оканчивается Литургія, то Церковь поетъ трижды: «Буди Имя Господне благословленіо отны и до вѣка!» Неужели и это имѣеть смыслъ переносный? какая въ семъ нужда, когда можно было бы и прямо пѣть, напримѣръ, такъ: Господь Богъ нашъ благословенъ буди отъ нынѣ и до вѣка? Но Церковь, оканчивая Литургію и воспѣвая Имя Божіе, дѣлаетъ такъ потому, что таинство евхаристіи совершилось чрезъ призваніе Имени Божія. Церковь не имѣеть обыкновеній праздно употреблять слова и путать понятія, всегда отличающимъ точностію во всѣхъ своихъ выраженьяхъ.

Итакъ, сами молитвословія Церкви ясно свидѣтельствуютъ о вѣрѣ въ Имя Божіе. Точно также Святые Отцы и столпы церковные многократно свидѣтельствуютъ о семъ въ своихъ писаніяхъ. Предлагаемъ здѣсь и авторитетнѣя слова великаго молитвенника земли русской, отца Иоанна Кронштадтскаго: «Когда ты про себя говоришь или произносишь Имя Божіе, или Господа Саваофа, или Иисуса Христа, то въ этомъ Имени ты имѣешь все существо Господа: въ немъ Его благость безконечная, премудрость безпредѣльная, свѣтъ неиступимъ, всесовѣщущество, неизмѣняемость. Со страхомъ Божіимъ, вѣрою и любовью прикасаешься мыслами и сердцемъ къ этому всезиждущему, всесодержащему, всеуправляющему Имени. Вотъ почему строго запрещаетъ заповѣдь Божія употреблять Имя Божіе всуе, потому что Имя Его есть Онь Самъ—единий Богъ въ трехъ

Лицахъ; простое Существо, въ единомъ словѣ изображающееся и заключающееся и въ то же время незаключаемое, то есть неограничиваемое имъ и ничтъ сущимъ... Великія Имена: Пресвятая Троица, или Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, прозванный за живою сердечною вѣрою и благоговѣніемъ, или воображеніемъ въ душѣ—суть Самъ Богъ и низводять въ душу Самаго Бога въ трехъ Лицахъ» (мысли Християнина, стр. 46).

Въ приведенныхъ словахъ высокочтимый о. Иоаннъ ясно говоритъ о томъ, что существо Божіе лишь отражается въ Именіи Божіемъ, изображается имъ, но отнюдь не объемлетъ, не ограничивается, но не поглощается смыслью именемъ (—«въ единомъ словѣ заключающееся и въ то же время незаключаемое»). Слѣдовательно, лица, упрекающія такихъ молитвенниковъ въ обожествленіи самаго имени, самихъ буквъ, ошибаются. Вспомнимъ иконоборцевъ, укорявшихъ православныхъ, что они поклоняются дереву и краскамъ. Никто изъ нась, благоговѣйно почитающихъ Имя Божіе, не приравниваетъ Имени къ существу Божію. Мы, согласно Церковному ученію, Плоти Христовой и Человѣчества Его не сливаемъ съ Его Божествомъ, но вѣруемъ быть соединеннымъ пестилити, нераздѣльно; Если же почитать имепоклонниками людей говорящихъ, что съ Именемъ Божіемъ присутствуетъ Самъ Богъ, то слѣдуетъ и всю Церковь православную укорить въ монофизитѣзмъ за то, что она, проклявъ монофизитовъ, продолжаетъ всегда говорить: «Христосъ—Богъ», а не говорить въ обычномъ, церковномъ употреблении: «Христосъ—Богочеловѣкъ». Монофизитствуетъ ли Церковь, говоря: «Христосъ—Богъ?»—Отнюдь нѣтъ, ибо не сливаетъ этимъ естествомъ въ Немъ, но только именуетъ по большему въ Немъ. Также точно и относительно Имени Божія. Мы не обожаемъ само имя, но выражаемъ вѣру въ соприсутствованіе съ нимъ Бога. Богъ открылъ Имя свое людямъ, чтобы облегчить имъ молитвенное сношеніе съ Собою. Богъ непостижимъ, иенаслѣдимъ, несъемлемъ умомъ человѣческимъ, ни ангельскимъ. Сколько было бы трудно для человѣка молиться Богу, если бы Самъ Богъ не упростилъ сего до крайности, давъ человѣку для призыва Имѧ Свое? «Призови мя въ день скорби Твоея, и измъ тя, и прослави мя». (Пс. 49, 14). «Близъ ти глаголъ, въ сердцы твоемъ» (Рим. 10, 8).

Подивись же, человѣкъ, чудному домостроительству Божію въ дарованіи намъ такого, всѣмъ доступного средства Богообщенія, въ исповѣданіи Имени Его, и въблагоговѣй предъ Именемъ Божіимъ. Какое дивное по простотѣ даровано Богомъ средство для молитвеннаго соединенія человѣка съ своимъ Творцомъ, для доступа къ Неприступимому! Нѣтъ нужды ни во времени, ни въ мѣстѣ, ни въ особыхъ талантахъ, ни въ искусствѣ, ни въ возрастѣ, ни въ силѣ, ни въ познаніяхъ, ни въ книгахъ; призови лишь съ вѣрою Имя, которое легко можетъ узнать и младенецъ, и вотъ ты можешь обрести

Бога, по мѣрѣ вѣры твоей, чистоты призываія твоего, при руководствѣ церковнаго преданія. Посему-то и при постригѣ монашескому постигаемый даетъ обѣтъ непрестанно молиться молитвою Иисусовою, говоря: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя». Въ знакъ сего онъ получаетъ для ношения на руку четки (см. чинъ постриженія).

Когда св. Игнатій Богоносець предсталъ передъ царемъ Траяномъ, тотъ спросилъ его: «Почему зовутъ тебя Богоносцемъ? Игнатій отвѣчалъ: «Носящий Христа Бога въ сердцѣ своемъ Богоносецъ есть». Траянъ спросилъ: «Развѣ ты носишь Христа въ сердцѣ твоемъ?»—Отвѣчалъ Святой: «Вонстину ношу».—Затѣмъ, по растерзаніи его львами, когда невѣрные увидали, что сердце священно-мученика осталось нетронутымъ, то, вспомнивъ его слова, полюбопытствовали разрѣзать его пополамъ, и что увидѣли?—увидѣли Имя «Иисусъ», золотыми буквами начертанное. (Чет. Мин. 20 Инв.). Аминь.

(Напечатано было съ разр. дух. цен.)

III.

Копія рецензіи иноха Хрисанфа на книгу „На Горахъ Кавказа“ и отзыва архієпископа Антонія, съ возраженіями переписчика.

(Переписано съ №№ «Русскаго Иноха»: 4, 5, 6, 7 и 10 И. Антоніемъ).

Особому вниманію иноковъ.

Года два тому назадъ вышла въ свѣтъ (уже вторымъ изданіемъ) книга пустынножителя Кавказскихъ горъ о. Иларіона, подъ заглавіемъ: «На Горахъ Кавказа». Въ этой книгѣ преимущественно изложено ученіе объ умно-сердечной молитвѣ. Сначала книга, какъ изданная, конечно, съ дозвolenіемъ духовной цензуры, свободно распространялась среди насельниковъ иноческихъ обителей, но по томъ иѣкоторыми старцами, опятьши въ духовной жизни и молитвенномъ дѣланіи, были усмотрѣны въ ней весьма сомнительныя мѣста.

(Неправда, никто изъ опытныхъ молитвенниковъ не осудилъ книги о. Иларіона, возстали же на нее люди, чуждые молитвенного дѣлания. И. А.).

Какъ въ предисловіи, такъ и на протяженіи всего труда своего, авторъ, толкуя иногда слишкомъ свободно тексты священнаго Писания и изречения свв. Отцѣй, приходитъ къ неправильнымъ выводамъ.

И все это ни для чего иного, какъ усиливалась навязать и доказывать читателямъ свою мысль, которая красною нитью тянется чрезъ всю книгу. Мысль эта, или, какъ выражается авторъ, новый имъ обрѣтенный догматъ, заключается въ обоговореніи имени Иисусъ. О. Иларіонъ утверждаетъ, что на этотъ догматъ, доселъ не раскрытымъ въ ученьи Церкви, онъ «наткнулся» (вѣрѣ споткнулся) въ сочиненіяхъ Проесвященнаго Епископа Игнатія Брянчанинова и Отца Иоанна Кронштадтскаго.

(И действительно, у сихъ Отцевъ Церкви и не только у нихъ, но и у всѣхъ Святыхъ древнихъ и новѣйшихъ Отцевъ, ясно выскаживается вѣра въ то, что Имя Божіе и Имя Иисусъ есть—Самъ Богъ, какъ то мы и покажемъ въ нашей Апологіи вѣры; следовательно, сие не есть новый, но древний догматъ, въ который рецензентъ и единомысленники его съ редакціей «Русскаго Иноха» вкупъ—обезвѣрились. И. А.).

Но какъ бы то ни было, на книгу о. Иларіона было обращено вниманіе. О ней заговорили въ иноческихъ кругахъ, особенно среди пустынниковъ, преимущественно занимающихся внутреннимъ дѣланіемъ.

(Не только заговорили, но всѣ подвижники весьма одобрили и нашли ее весьма пригодной для монашества, такъ какъ, въ ней прекрасно объединено все святоотеческое ученіе о молитвѣ Иисусовой, разбросанное въ разныхъ томахъ Добротолюбія. Доказательство этому то, что книга быстро разошлась, двумя изданіями и была приобрѣтена Киевской Лаврой и нынѣ печатается третьимъ изданіемъ. И. А.).

Но мнѣнія о ней скоро раздѣлились. Одни во всемъ согласились съ авторомъ (и чаще всего это было по простотѣ и по преклоненію передъ авторитетомъ печатнаго слова).

(Какая ошибка! Если бы было мѣсто такому авторитету печатнаго слова, то, конечно, прежде всего согласились бы пустынники съ авторитетомъ архієпископа Антонія и редакціи «Русскаго Иноха», но мы видимъ, что они предпочитаютъ претерпѣть изгнаніе и всякія репрессіи, чѣмъ согласиться съ сими авторитетами печатнаго слова и уничтожить Имя Господне. Почему?—потому, конечно, что на самомъ дѣлѣ имѣютъ внутреннее удостовѣреніе, что Имя Иисуса есть Самъ Онъ Богъ Иисусъ Христостъ и что о. Иларіонъ пишетъ о молитвѣ совершенно правильно. И. А.).

Другие, напротивъ, называли ее неправильной, опасною и даже еретическою. Новое ученіе, изложенное въ ней, признавали ни на чёмъ не основанными, плодомъ «маніи», «чарлесты» и самочиннаго мудрованія. Нѣкоторыя обители Аѳона и Россіи, выписавши было

книги о. Иларіоніа, поспішили возвратити изданіе обратно, а въ одній ізвѣстній обителі (въ Россії) для успокоенія умовъ и прекраснія возникшаго среди братій волненія призначили необходимымъ даже скжечъ экземпляры этой книги.

(Интересно знать, какая это известная обитель? На Аeonій возстал противъ книги Русскъ, но въ Россії паче всѣхъ написанійша обитель — Киевская Лавра нашла книгу столь прекрасной, что купила ее у о. Иларіона и печатаетъ 3-мъ изданіемъ. I. A.).

Рассыпая свой трудъ еще въ первомъ изданіи, о. Иларіонъ просялъ сдѣлать о ней отзывы и замѣчанія, обѣщая принять ихъ, къ свѣтлому во второмъ изданіи. Увы, это обѣданіе авторомъ не исполнено. Одинъ Аeonій инохъ, человѣкъ, проводящій внимательную жизнь и весьма начитанный въ святоотеческой литературѣ,

(Но совершенный чуждый, прибавимъ мы, умной молитвѣ. I. A.).

къ тому же получившій въ оно время высшее образованіе, отозвался на предложение о. Иларіона и написалъ рецензію на его книгу. Рецензію разсмотрівали другой Аeonій инохъ,магистръ Богословія, икономъ Казанской Духовной Академіи, и нашелъ ее правильною. Недавно эта же самая рецензія была разсмотрѣна и одобрена еще однімъ лицомъ, авторитетность котораго несомнѣнна, а именно: Высокимъ руководителемъ нашего журнала «Преосвященнѣйшимъ Архиепископомъ Волынскимъ» Антоніемъ. Владыка Антоній призналъ, что рецензію или отзывъ о книгѣ «На Горахъ Кавказа» «Необходимо напечатать въ «Русскомъ Инохѣ», т. е. другими словами Владыко признаетъ отзывъ Аeonія о книгѣ о. Иларіона правильнымъ, а книгу «На Горахъ Кавказа» неправильную и для иночества неполезною. Помѣщая ниже сего, во исполненіе Архипастырской воли, отзывъ или рецензію, одобренную Высокопреосвященнымъ Антоніемъ, мы надѣемся, что всѣ читатели «Русского Иноха», собратія наши по иночеству, отнесутся къ статьѣ съ должнымъ вниманіемъ, прочтутъ рецензію съ особымъ интересомъ, имѣя въ виду пользу души своей, и еще разъ замѣтятъ: сколь опасно иночку мудрствовать высокая, и какъ легко сбиться съ праваго пути, довѣрившись своему собственному мудрованию. Наше иноческое дѣло не бо́гословствовать, а оплакивать грѣхи свои, ради чего мы и оставили мятежный міръ. I. T.

25 января 1912 г.

Рецензія на сочиненіе схимонаха Иларіона, называемое «На Горахъ Кавказа».

Въ предисловій этой книги о. Иларіонъ выставилъ одно только многоглаголаніе и фразерство съ различными извращеніями св. Писания и изреченій свв. Отцѣвъ, дѣлая это съ единственою цѣлью, чтобы

доказать, будто бы въ Иисусовой молитвѣ «въ Имени Иисусъ Самъ Спаситель находится» (стр. 12 внизу).—«Для всякаго вѣрующаго Имя Господа Иисуса Христа есть какъ бы Онь Самъ Всевозможный Спаситель нашъ» (14).—«Поэтому имѣть сіе Имя какъ бы имѣть Самого Сына Божія» (12).

(Дивимся невѣрію рецензента и одобравшаго рецензію архіепископа Антонія! Ужели когда либо, кто либо изъ православныхъ въ этомъ сомнѣвался, что во Имени Божіемъ Самъ Богъ? И это ли призналъ неправильнымъ арх. Антоній?! И это ли литературующее невѣріе одобрилъ первовъзіятель, осудивъ несомнѣнную исконную вѣру православныхъ во Имя Бога и Имя Иисусъ? I. A.).

При этомъ авторъ приводить изреченія свв. Отцѣвъ Каллисты и Игнатія въ главѣ: «Глаголъ сей, имя Иисусъ, мужи, постигши живаго Богообіенія, объемлютъ и лобызаютъ, какъ полное дѣланіе молитвы, будучи исполнены радости, превыше всяко разума» (14).—И къ этому изречению авторъ добавляетъ: «Почему? Конечно потому, что Имя сіе есть для нихъ, какъ бы Самъ Господь Иисусъ Христосъ».

(Но кто же въ этомъ когда сомнѣвался изъ православныхъ? I. A.).

Приведенное же изреченіе свв. Каллиста и Игнатія въ Русскомъ Добротолюбіи выражено такъ: Преуспѣшие и совершенные о Христѣ въ каждомъ изъ возваній въ молитвѣ однімъ: Господи Иисусе; Иисусе Христе; Сыне Божій! или даже, т. е. имѣющее какъ бы *меньшее значение*, представленными названіями и въ молитвѣ только возглашениемъ Иисусе—довольно бывають, объемлю это и лобызаютъ, какъ полное дѣланіе молитвы и чрезъ одно это исполненіемъ бывають неизреченной, всякий умъ, всякое видѣніе и всякое слышаніе превосходящей сладости и радованія.

(Представляемъ судить каждому, кто прочтеть сіе строки и tolkovaniye рецензента, что возглашеніе «Иисусе» есть *меньшее значение* другихъ возглашеній, возможно ли дѣлать такой выводъ изъ приводимаго имъ текста? Не ясно ли, что если душа оставлять прочія возглашенія, то потому, что одно сіе Иисусъ замѣняетъ и включаетъ въ себѣ и всѣ прочія! I. A.).

Но авторъ объ означенныхъ здѣсь другихъ возваніяхъ въ молитвѣ совсѣмъ умолчалъ и выставилъ одно только имя Иисусъ, и ему присвоилъ вышеозначенное высочайшее значеніе.

(Удивительное невѣжество или злонамѣренность рецензента! Все добротолюбіе, все древнійшіе и новѣйшіе Отцы единогласно приписываютъ Имени «Иисусъ» высочайшее зна-

ченіе—проти нашу Апологію—а сей рецензент обвиняє за це о. Іларіона і архієпископъ Антоній выражаетъ свое единомысліе съ симъ! (І. А.).

И изъ приведенного изречения свв. Отцѣвъ видно, что преусѣвшіе въ Іисусову молитву проносящіи въ ней означеніемъ каждымъ возваніемъ бываютъ доволыни и лобызаютъ ихъ, какъ полное дѣланіе молитвы, то есть и говорятъ въ ней всѣ возванія Г. І. Х. С. Б. п. м. и чрезъ это одно возваніе исполняются неизреченной радости. И николько не высказывается въ приведенномъ изречении Каллистъ и Игнатій, что для творящихъ молитву «имя Іисусъ есть какъ бы Самъ Господь Іисусъ Христосъ», какъ выставляетъ это авторъ.

(Какое злонамѣренное умолчание! Проти приводимыи пами въ Апології выдержки изъ сихъ Отцѣвъ и увидишь, что они именно это говорять и предполагаютъ І. А.).

И такое свое убѣжденіе почему же онъ не присваиваетъ и прощать возваніямъ въ молитвѣ Іисусовой,

(Какая клевета! І. А.).

а только одному имени Іисусъ, тогда какъ въ означенномъ изречениіи свв. Отцѣвъ тѣ возванія имѣютъ даже какъ бы болѣе значенія предъ однімъ именемъ: «Іисусъ».—(?)—И дѣйствительно, предъ этимъ именемъ преимущественіе бы слѣдовало давать возванію «Сыне Божій», ибо оное обозначаетъ Божественную Ипостась Спасителя и значится за Нимъ прежде вѣкъ всего сотворенного Богомъ, а имя Іисусъ наречено Сыну Божію напослѣдокъ—при восполнѣніи Его на землѣ.

(Какая ненависть къ Имени Іисусъ! Какое стремленіе унижать сіе Имя и представить Его именемъ менѣе всякаго имени! Какъ діаметрально противоположно относится къ Имени Іисусъ Св. Отцы—смотр. Апологію. І. А.).

Авторъ говорить: достопоклоняемое величие имени Іисусъ и его несравненное превосходство, небесная высота и воинсту Божественное достоинство показано въ словахъ ап. Павла. Что какъ для Сына Божія равенство съ Богомъ Отцемъ не было похищениемъ Божеской чести, то и дарование Ему Имя, еже паче всякаго Имени, да о Имени Іисусовѣ всяко колѣно поклоняется небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ. (Фил. 2, 9).—На основании этихъ словъ авторъ дѣлаетъ заключеніе: здесь, какъ поклоненіе и исповѣданіе, такъ и Имя Его и Самъ Онъ Господь Іисусъ Христосъ—представлено Апостоломъ въ одному совокупному положеніи нераздѣльно. Но такое смыше-
ние Божескаго, человѣческаго и поминальнаго (разумѣя имя Хри-

стово) во единое и нераздѣльное положеніе вовсе не высказывается въ приведенномъ изречениіи Апостола.

(Какое отѣзленіе Имени отъ Бога! Проти Апологію, тамъ приведены разныи толкованія приводимаго текста. І. А.).

По толкованию сп. Феофана Затворника, согласно ученія древнихъ св. Отцѣвъ, изречениіе Ап. Павла: «и дарова Ему паче всякаго Имени» означаетъ слѣдующее: «Сынъ Божій имѣть имя, которое не отошло отъ Него чрезъ восполнѣніе, но и теперь оно пріемляется имъ какъ дарь, яко человѣкомъ». До сего момента, яко Богъ Онъ имѣтъ сіе Имя, но не яко человѣкъ. Теперь даруется оно Ему, яко человѣку. Даруется, ибо человѣчество, даже бывъ воспринято Божествомъ, не можетъ заслужить такое имя, не можетъ дойти до того, чтобы оно принадлежало ему по закону правды. «Имя паче всякаго имени». Какое это имя выше всякаго имени? Вътъ имена, кои суть имена выше всѣхъ имен: Богъ, Троица, Отецъ, Сынъ Божій, Духъ Святый. Вътъ онъ выше всѣхъ именъ и вѣрѣ равночестны. Какое же изъ нихъ даровано Сущему во образѣ Божія и умалившемуся до крестной смерти? Богъ, Сынъ, Сынъ Божій. Такъ именовался Онъ прежде міра и бысть, теперь же это имя переносится и на человѣчество. Въ посланіи къ Евреямъ пишется, что Онъ наслѣдоваль Имя преславѣще паче Ангеловъ. И Апостолъ тотчасъ сказаинъ, что это за имя, говори: «Кому рече отъ Ангель! Сынъ Мой еси Ты. Азъ діаю дірхь Тя? И паки: Азъ буду Ему во Отца и Той будеть Мінъ въ Сына» (Евр. 1, 5).

(Этимъ толкованіе сего текста не исчерпывается; смотри Апологію, тамъ найдешь и другія толкованія сего текста. І. А.).

Итакъ къ имени — Сынъ Божій въ Божественномъ смыслѣ относится изречениіе Ап. Павла, а не къ Его человѣческому имени Іисусъ, какъ авторъ по своему сомнѣнію истолковываетъ оное.

(Ошибается рецензентъ, ибо у другихъ Св. От., какъ то приведено нами въ Апологіи, это относится къ Имени Іисусъ. І. А.).

Относительно же апостольскаго изречениія: «да о Имени Іисусовѣ всякое колѣно поклонится небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ», епископъ Феофанъ говоритъ: «какъ только совершилось превознесеніе въ показанномъ смыслѣ и запечатлѣнно соотвѣтствующимъ именемъ, слѣдствіемъ сего должно было быть Божеское поклоненіе всѣхъ тварей небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, «да поклонится всяко колѣно» Божескимъ поклоненiemъ, ради ипостаснаго соединенія человѣчества съ Божествомъ, въ лицѣ Господа Іисуса Христа».—И изъ сего толкованія апостольскаго изречениія

нисколько не подтверждается означениее примѣненіе къ нему авторомъ о Имени Иисусъ.

(Посмотри другія толкованія изъ Апологіи. I. A.).

На слова Златоуста: «непрестанно пребудь въ имени Господа Иисуса да поглотить сердце Господа и Господи сердце и будуть два единіо», авторъ говоритъ: «видите, какъ Златоуст сливаетъ во едино Имя Господа съ Господомъ и говорить нераздѣльно и совокупно, потому что оно такъ и есть (стр. 16)». Какъ онъ все перетолковываетъ на свой ладъ? (?) Златоуст, говоря объ умной молитвѣ, произнесъ такія слова: «Непрестанно пребудь въ Имени Господа Иисуса» т. е. пребудь въ умной молитвѣ, чрезъ которую въ сердце свое стяжешь Господа Иисуса и тогда будешь таковъ единеніе, что Господь и сердце будуть два единіо». Вѣдь Златоустъ не сказалъ, что тогда имя Иисуса и Самъ Онь и сердце человѣческое будутъ три единіо, а только! Господь и сердце два единіо.

(Какое дикое извращеніе словъ Златоуста! Именно въ словѣ томъ изъ коего приводится себѣ текстъ, Златоустъ учить безпрестанно призывать Имя Иисуса, и общаетъ, что этимъ самымъ призывають и Самъ Иисусъ вселится въ сердце молящагося Именемъ Его, и вотъ этотъ именно текстъ, свидѣтельствующій о совершенной неотдѣльности Имени Божія и Иисусова отъ Бога и отъ Иисуса, рецензентъ съ необычайной дерзостью перетолковываетъ превратъ, якобы для умной молитвы не необходимо призывание Имени Иисусы! I. A.).

Авторъ же вмѣсто сердца человѣческаго поставилъ имя Иисусъ. Такой же онъ дѣлаетъ неправильный выводъ, лишь бы какъ нибудь доказать свою сумудрную мысль о значеніи имени Иисусъ въ обогащающемъ смыслѣ.

(Прочтите Апологію и увидите, что эту, какъ называетъ рецензентъ, сумудрью мысль выражали и Иоаннъ Златоустъ и Афанасій В. Симеонъ Н. В. и новѣйшіе Святые! Такую же лжемудрую мысль, что Имя Божіе и Имя Иисусъ суть слова простые и что Имя Иисусъ есть имя менѣе всякаго имени,—даже Лютеръ, кажется, не выражалъ! I. A.).

У православныхъ писателей не допускается подобныхъ перетолкованій писаний свв. Отцы. Далѣе авторъ въ доказательство своей предвзятой мысли говоритъ: Св. мученики страдали за Имя Христово. Кто изъ нихъ отрицалъ Его Имени, тотъ отрицалъ отъ Самого Христа и былъ чуждъ всего христианства и было богоотступникъ (16). Да развѣ мученики заставляли мучениковъ отрицаться отъ Имени Иисуса, а не отъ вѣры христианской и обратиться въ ихъ языческую вѣру? Очевидно, что эта мысль его неправильна!

(Какое отдаленіе понятія Имени отъ Самого Господа! Какъ не хочеть понять рецензентъ, что Имя Господне отъ Него неотдѣлимо, и что отреченіе отъ Его Имени есть отреченіе отъ Него Самого. I. A.).

Авторъ, между прочимъ, въ предисловіи говорить о таинствѣ Евхаристіи слѣдующее: «вкушая съ вѣрою и благоговѣніемъ сего Святѣшаго Таинства, мы приобщаемъ духомъ Божества Христова, а устами и вкушениемъ Его пречистаго Тѣла и Крови. Но все это вѣрою. Разумѣтъ понятіе здесь мѣста не имѣть» (стр. 13). Какое-то своеобразное опредѣленіе, а не такъ, какъ, на основаніи опредѣленій свв. Отцовъ, сказано въ Православномъ Катехизисѣ, именно: Евхаристія есть Таинство, въ которомъ вѣроупонѣ подъ видомъ хлѣба и вина вкушаютъ Самаго Тѣла и Крови Христовой, для вѣчной жизни.—А не такъ, какъ авторъ своеобразно и несмысленно выражается, что онъ приобщается духомъ Божества Христова.

(Какое нашелъ рецензентъ противорѣчіе катехизису въ сло-вахъ о. Иларіона о приобщенії? Очевидно, что онъ не хочеть допустить то, что требуетъ вѣры и не допускаетъ умствованій: какъ въ вѣрѣ во Св. Таины, такъ и въ вѣрѣ въ присутствіе Гос-подне во Имени Своемъ, которое рецензентъ отрицаєтъ. I. A.).

Въ главѣ 3-й авторъ опять провель свою мысль о высочайшемъ значеніи Имени «Иисусъ». Изъ многихъ выражений по этому предмету приводимъ слѣдующій: «въ имени Иисусовѣ воплощается и чувствуется Самъ Христосъ и ощущеніе Самаго Господа и Его Имени сливается въ тожество, по коему возможно бываєтъ отличить одно отъ другого и что полнота Божественныхъ совершенствъ во Христѣ несомнѣнно обитаетъ и въ Его Имени Иисусъ Христовъ; и что Имя Иисусъ Христа есть Самъ Онь, Господь Богъ», и про-чия подобныя же разглагольствованія.

(Напрасно рецензентъ называетъ это мнѣніе о тѣснѣшемъ единеніи Бога со Именемъ Своимъ разглагольствованіемъ, и какъ ниже онъ называетъ «пантеистизмомъ»,—ибо тоже говорить и св. Отцы, какъ напр. Дмитрій Ростовскій, который Имени Божія приписываетъ даже единосущие и вѣтъ прочія Божественные свойства, конечно не отдално отъ Бога, но по неотдѣльности Имени отъ Бога I. A.).

Итакъ авторъ, номинально, невѣщественное «имя Иисусъ» олице-творяетъ въ живое и самое высочайшее Существо Бога. Такая мысль есть пантегистическая (?) т. е. сливающая Существо Божіе съ чѣмъ либо находящимся вѣтъ Его Существа.

(Позволимъ вопросить, какъ понимаетъ рецензентъ и слова Господни, что—«лаголахъ, якъ Азъ глаголахъ, Духъ суть и Жи-

воть суть?—Не ясно ли дѣло, что всякое слово, исходящее изъ устъ Божіихъ, есть сама Божественная Истина т. е. Самъ Богъ, а равно и Имя Божіе. I. A).

Подобныхъ мыслей, какъ высказалъ о. Иларіонъ не находится ни въ какихъ Писаніяхъ свв. Отцѣвъ, а это есть какое то новое учение фантастическое и исполненное неопределеннности и полной туманности.

(Прибавимъ: для маловѣръя и обезвѣрившихся интеллигентовъ, а для простыхъ вѣрующихъ сердца книги эта не есть новое учение, но исконная ихъ вѣра, полно и ясно выраженная, что и свидѣтельствуетъ распространеніе книги среди дѣлатель умной молитвы. I. A).

Вотъ до какихъ увлечений приводить самомнѣніе! (?) Въ молитвѣ Иисусовой произносимыя имена служатъ посредствующей силой

(Прим. Какая хула! I. A.).

для привлечения къ намъ Господа Иисуса Христа, къ близкому единению съ Нимъ; но никакъ не сами по себѣ эти имена имѣютъ мгущественную силу, а она является отъ Самого Господа, ибо если ихъ въ молитвѣ произносить безъ всякаго чувства и вниманія, то они не производятъ благодатнаго дѣйствія—Богъ ихъ не услышитъ и даже гибнется на такую бездушную молитву.

(Какое извращеніе попытій и отрицаніе у Именіи Божественной силы! Какое отдаленіе Именіи Божія отъ Бога! I. A.).

Молитва подобна вѣрѣ въ Бога, которая можетъ и горы представлять (1 Кор. 13, 2), но только такая, которая соединена съ добрыми дѣлами, а безъ онъхъ она—мертва есть (Иак. 2, 17). Такъ и молитва, только пламенная и усердная доходитъ до Бога и даже можетъ творить чудеса, а иначе оную не слышитъ Господь.

(Итакъ выходитъ, что Божественной силой, какъ полагаетъ авторъ рецензіи, въ чудесахъ бываетъ вѣра и добрыя дѣла, Имена же Божіи лишены Божественной силы! Но спросимъ рецензента, если онъ былъ крещенъ священникомъ во Имя Божіе и безъ пламенныхъ чувствъ священника, то дошла ли такая молитва священника до Бога; и если нѣть, то можетъ онъ и не крещенъ? Ибо чѣмъ же совершаются Божественное Крещеніе, какъ не силой Божественною призываемаго Именіи, какъ то ясно истолковалъ Феофилактъ Болгарскій. См. Апологію. I. A).

Если бы неодушевленные имена въ Иисусовой молитвѣ воплощались въ самую Сущность Божества, то они всегда и вездѣ имѣли бы

живую и дѣйствительную силу: «аще и во адъ сиди, Ты (Богъ) тамо си» (Іс. 138, 8). Однако же эти имена только имѣютъ силу въ молитвѣ, творимой благоговѣйными людьми. Но вопреки этого въ 4-ой главѣ авторъ говоритъ: «если Имя Иисусъ нѣсть Богъ, то почему же этому Именіи принадлежитъ всемогущая сила, которая производить дѣла великия и преславныя, даже независимо святости жизни тѣхъ людей, кои его произносятъ. Это можно видѣть изъ словъ Господа: «мнози рекутъ Мігъ въ день онь: Господи, Господи, не въ Твоє ли Имя пророчествохомъ, и Твоимъ Именемъ бѣсы изгонюхомъ, и Твоимъ Именемъ силы многи сотворюхомъ! И тогда исповѣдъ имъ: школиже знахъ вастъ, отыдите отъ Мене вси, дѣлающіи беззаконія» (Матв. 7, 22, 23).—Въ этихъ словахъ находится новое, имѣющее склону силу непреложной убѣдительности доказательство тому, что въ Именіи Иисусъ Христовомъ присутствуетъ всемогущая сила Божія, а потому, стало быть, сие Имя есть Самъ Богъ» (стр. 17). Въ описанномъ изреченіи Спасителя, по истолкованию оного свв. Отцами, заключается слѣдующій смыслъ: По толкованію Златоуста: «не только толькъ лишился Царствія Небеснаго, который имѣть иѣзу, а о доброй жизни не радѣеть, но и тотъ, кто при вѣрѣ сотворилъ много знаменій, а доброю ничего не сдѣльалъ. Не удивляйся тому, что, сотворивши столько чудесъ, они подверглись наказанію. Вся эта благодать была не что иное, какъ даръ Подавшаго ее, (а не чрезъ дѣйствіе произнесеннаго имени Иисусъ).

(При этихъ словахъ Златоуста рецензентъ считаетъ нужнымъ вставить въ скобкахъ: «а не чрезъ дѣйствіе произнесеннаго имени Иисусъ», забывъ то, что и самое произнесеніе (исповѣданіе) сего Именія есть даръ и совершается дѣйствіемъ Св. Духа, какъ свидѣтельствуетъ Апостолъ. Какое дражко перетолкованіе словъ Златоуста, который именно требовалъ отъ каждого монаха безпрерывной Иисусовой молитвы, и былъ явнымъ исповѣдникомъ неизреченной силы Божественной, присущей Именіи Иисусъ!—Смотри, что онь о семъ говорить въ Апологіи, I. A).

— «А тѣ ничего отъ сея не принесли, почему справедливо и наказывается. Спаситель хотѣлъ примѣромъ этимъ показать, что ни вѣра, ни чудеса ничего не значатъ безъ добродѣтельной жизни. И что удивляться тому, что Господь дары благодати даръ людямъ, убравъ имъ изъ Него, но не имѣющымъ жизни, согласной съ вѣрою. Тогда при начальѣ проповѣди Евангельской нужны были многія доказательства силы Христовой; поэтому и изъ числа недостойныхъ многие получили дары; и Гуда, будучи злымъ, имѣлъ даръ чудотворенія» (Бесѣда на Матв. 26). Другіе отцы оьзъ этомъ пишутъ: не отъ Твоего ли имени (т. е. выставили, что они отъ Христа) пророчествованы, изгоняли бѣсовъ и дѣлали исцѣленія? И, несмотря на

это, Спаситель ихъ назоветъ беззаконниками, когда они явятся на Всемирный Судъ въ концѣ вѣка, и за то собственно, что въ первые вѣка нѣкоторымъ давался даръ чудотворенія по ихъ вѣрѣ во Христа, дабы чресть нихъ другіе принимали вѣру во Христа.

(Удивительное стараніе умолчать о томъ, что Господь требовалъ не только вѣры въ Него, но и во Имя Его, какъ о томъ многократно свидѣтельствовали Апостолы и въ особенности Иоаннъ Богословъ! Ужели возможстъ рецензентъ вычеркнуть изъ Евангелия текстъ, что «даде область чадомъ Божиимъ быти, вѣрющимъ во Имя Его»! (Ин. 1, 12. I. A.).

Но они неблагодарны и нечувствительны были предъ Господомъ, почтывшихъ ихъ такими дарами—чрезъ неисполненіе добродѣтелей. Можеть быть такъ, что адѣль разумѣются сначала обладавшіе чудотворными дарами, а потомъ угасившіе въ Себѣ Духа Святаго, какъ говорить св. ап. Павелъ, «Духа не уашайте, пророчество не уничтожайтъ». (1 Кол. 5, 19, 20).—Итакъ изъ этихъ толкований не видно о примѣненіи означеннѣхъ словъ Господнихъ къ Имени Иисусу въ томъ смыслѣ, какъ выразился о. Иларіонъ, а что нѣкоторые люди, неисполненные святости, производили чудеса только въ самомъ началѣ християнства (а именно во времена апостольскія), а теперь пусть укажетъ о. Иларіонъ кого либо изъ недостойныхъ, производящихъ чудеса. Значитъ, и приведенная имъ мысль объ этомъ совершенно невѣрна.

(Удивительно дерзкое отрицаніе во Имени Иисусовомъ Божественной силы, о которой единогласно свидѣтельствуютъ всѣ Св. Отцы и которыхъ сей начитанный въ святоотеческой литературѣ рецензентъ, какъ его рекомендуетъ редакція «Русскаго Июнка», не могъ не читать. Иоаннъ Златоустъ говоритъ, что Имя Иисусъ чудотворяще, и хотя отъ насъ не требуется пытъ, что бы мы имъ воскрешали мертвыхъ, но требуется, чтобы мы совершили не менѣе чуда: воскрешали бы имъ умершихъ именемъ наше сердце.—см. въ Апології.—Затѣмъ отвергаетъ рецензентъ совершаемость пытъ чудесъ Именемъ Иисусовыемъ!—Но что же есть священное? вѣтвистъ таинствъ иерейми и недостойными, какъ не совершение безпрестанно чудесъ Именемъ Божиимъ и Именемъ Иисусовыемъ?! Даже, когда женщина окреститъ ребенка во Имя Божіе, Таинство дѣтается ради призываляемаго Имени Божія!! Видно, это или забыть высокоЭобразованный рецензентъ, сотрудникъ «Русскаго Июнка», или отвергаетъ проявленіе въ таинствахъ силы Имени Божія вопреки ясно засвидѣтельствованной Господомъ потребности вѣры во Имя Его. I. A.).

Но нѣкоторые церковные учителя объясняютъ, что въ вышеупомянутомъ изреченіи Христовомъ (Мо. 7, 22, 23). Онь говорить о Лжеапрокахъ, какъ предъ тѣмъ въ ст. 15 сказали: «Верегитеся Лжеапророкъ, которые приходять къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные» и, продолжая рѣчь, учить узнавать таковыхъ по плодамъ дѣянія ихъ и, наконецъ, объясняютъ, какова будеть участъ ихъ въ день Страшнаго Суда. Легко понять, что Лжеапророки, творя заклинанія и чудеса, только прикрывались именемъ Христовыемъ, чтобы увлечь за собой неопытныхъ, а дѣйствовали силою сатаны, знаменіи и чудесами ложными (2 Сол. 2, 9), какъ будеть дѣйствовать и Антихристъ. Въ другомъ мѣстѣ того же Евангелия Христосъ говорить о такихъ чудотворцахъ: «Востанутъ Лжехристы и Лжеапророки и дадутъ великия знаменія и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ». (—24, 24).

(Совершенно ложное толкованіе: никогда ни одинъ лжеапророкъ не творилъ знаменій ни крестомъ, ни Именемъ Иисусовыемъ. И Антихристъ постараѣтъ окончательно изѣть изъ употребленія и Имя Иисуса и Крестъ. Вспомните, что сказали Господь Апостоламъ, пожаловавшимъ Ему, что нѣкто творить чудеса Именемъ Его и не ходить за нами! Вспомните дѣтей первохвощенника Скевы. Удивительная орфографія рецензента: «Лжеапророки» пишетъ съ большой буквы, а имя всюду съ малой, хотя бы Божию Имени подобало бы возводить большую честь, особенно когда оно одно. I. A.)

Для обогащающихъ имя Иисусъ изъ значенія словъ Спасителя: мноzi рекуть Миѣ въ день отъ (на Страшномъ Судѣ): Господи, Господи, не вѣтъ Твои ли имъ пророчествахомъ и Твоимъ именемъ бѣсы изгониХомъ, и Твоимъ именемъ мнои силы сотворихомъ. И тогда исповѣдъ имъ: яко николиже знахъ вѣсъ, отыдите отъ Мене дѣлающіе беззаконіе! (Мо. 7, 22, 23), можно сопоставить въ третьей фразѣ слѣдующій логический выводъ: они на Страшномъ Судѣ Всемирному Судї Богу скажутъ согласно вышеупомянутыхъ словъ автора: Господи, мы имъ Твои возвеличили до Божества, либо Ты въ немъ вошлилъ и потому оно есть Самъ Богъ; имъ мы восхищались и умилълись, какъ Божествомъ и при молитвѣ склонъ къ нему одному (т. е. имені) весь умъ и сердце возводили и отъ него только ожидали получить для себя небесныхъ блага, творенье чудесъ и спасенія! Тогда Спаситель скажетъ имъ: все высказанное вами вы отосили только къ Моею Имени, а не ко Миѣ Самому, значитъ, вы не знали Меня, а знали только Имя Мое, — то и я вѣсъ не знаю. Отыдите отъ Меня дѣлающіе беззаконіе!

(Какое мерзкое глумленіе! I. A.).

По умствованию автора: такъ какъ произнесенное, хотя и много-грызинъмъ человѣкъ, имя Иисусъ избавляєтъ людей отъ болѣз-ней, то значить есть Самъ Богъ! Такое умствование автора состав-ляетъ абсурдъ—нелѣность.

(Опомнитесь! Посмотрите въ Апологіи—какъ Святые име-нутъ Имя Божіе Самимъ Богомъ. Конечно Имя Божіе есть Самъ Богъ, но конечно Имя Божіе не есть Богъ отдалено отъ Сущаго Бога, но есть Самъ Богъ по неотдалности Бога отъ Имени Его I. A.).

Для о. Иларіона, въ изреченіяхъ св. Писанія, гдѣ упоминается о имени Христовомъ, непостижимо, что сверхъественныя дѣла совершаютъ Самы Богъ Господь Иисусъ Христосъ Свою невидимою Божественною силуо, а съ произношеніемъ при этомъ Его имени, Онъ являетъ видимо, что Имъ Самимъ это сдѣлано и Онъ Самъ говор-ритъ: Азъ о Духъ Божій изгоню бесы (Мо. 12, 28), т. е. всемогущ-ственною Божественною силуо и властю, а не то, чтобы собственно однинъ призывають Имени Его и съ присвоеніемъ оному Боже-ственной силы.

(Какое противное Святымъ Отц. толкование! Какое отри-цаніе присущей Имени Божіему Божественной силы, о которой ясно свидѣтельствуютъ и Златоустъ и Афанасій В. и др.! Ка-кое отдаленіе Имени Божія отъ Бога! Гдѣ онъ нашелъ такое толкованіе? I. A.).

Изъ Евангелія видно, что Спаситель, при совершенніи чудесъ надъ недужными требовалъ отъ нихъ вѣры въ Себя, какъ въ Сына Божія. Такъ слѣпородженный спросилъ онъ: «Ты вѣруешь ли въ Сына Божія?» и что Онъ Самъ Божественною Своему силуо, а не именемъ твориъ чудеса, говори: «Вѣруете ли, яко могу сіе сотворити?»—вопро-шаютъ Онъ двухъ слѣпцовъ (Мо. 9, 28). «Что хощешъ да ти сотворю?»—вопро-шаютъ Онъ слѣпца. «Онъ же рече: Господи да прозрю! Прозри—отвѣчаетъ Господь, —вѣра Твоя спасе тя» (Лк. 18, 41, 42).

(Дикое кривотолкованіе! Ужели для Господа надо было Его Имя, дабы творить чудеса, разъ Онъ Самъ былъ съ плотью! Не ясно ли дѣло, что Имя дано Имъ вмѣсто Самого Себя! Ка-кая тенденція рецензента выставлять Божественной и перво-степенной силой вѣры, а силу Имени Божія ставить на послѣдний планъ? I. A.).

Въ вѣтхозавѣтное время Сынъ Божій, не носившій имени Иисусъ, твориъ чудеса Свою всемогущую Божественную силуо (?), а въ новозавѣтное время Онъ, по умствованію о. Иларіона, творить чу-деса совмѣстно со своею Божественною силуо еще и усвоеннымъ Себѣ Именемъ «Иисусъ».

(Какое кривотолкованіе и имаборственное отрицаніе за-Именемъ Иисусъ Божественной силы, о которой столь явно сви-дѣтельствуютъ Св. Отцы! I. A.).

Къ какому же заключенію сіе умствование приводить? Къ тому, что въ новозавѣтное время, значить, уже не достаточна была Боже-ственная сила Сына Божія для твореніи чудес, а требовалась для этого и сила отъ произнесенія при этомъ Его Имени Иисусъ, а въ пѣкоторыхъ листахъ, означенной книги о. Иларіономъ приписы-вается непосредственно одному только имени «Иисусъ» твореніе чудесъ, а чрезъ это выходить такая нелѣность, что Сынъ Божій Свою власть для сего дѣла передаётъ имени «Иисусъ».

(Какое клеветливое глумленіе! I. A.).

Авторъ въ доказательство означенного обоготворенія имени Иисусъ

(Не клевещи, рецензентъ! О. Иларіонъ не обоготворяетъ самаго Имени «Иисусъ», но исповѣдуется, что оно неотдѣлимо отъ Господа Иисуса и есть Самъ Онъ Иисусъ; ты же отдаляешь Имя Иисусъ отъ Господа и потому тебѣ кажется, что и другие также понимаютъ его I. A.).

приводить „еще пѣколько изречений изъ св. Писаній, но также иль неправильномъ истолкованіи ихъ смысла и собственно потому, что при этомъ онъ руководится однинъ только своимъ мнѣніемъ, а не согласно вѣрного пошиманія ихъ и толкованія обѣихъ свя. Отцѣвъ по внушенію Св. Духа.

(Какая клевета! Именно о. Иларіонъ излагаетъ Свято-теческое ученіе о молитвѣ Иисусовой, основанное на вѣрѣ во Имя Иисусово, тогда какъ рецензентъ опровергаетъ сіе глав-ное основаніе молитвы Иисусовой и саму непрестанную мо-литву Иисусову, заключающуюся въ призываціи непрестан-ною Имени Господни I. A.).

Самъ Господь Иисусъ Христосъ упоминаетъ въ Евангеліи о зна-ченіи имени Своего, напр.: «аминь глаголю вамъ, аще что просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ» (Ін.. 16, 23). Это же зна-ченіе по богохувновенному истолкованію величайшаго церковнаго учителя, св. Кирилла Александрийскаго (предсѣдательствовавшаго на Третьемъ Вселенскомъ Соборѣ, на коемъ постановлено о вели-чайшемъ догматѣ—двухъ естествахъ во Христѣ, почти исключительно сдѣланы на основаніи его ученія, и имъ же премудро истолковано Евангеліе отъ Иоанна), есть слѣдующее. «Спаситель, поощряя уче-никовъ (иъ означенномъ изречении) къ прощанію себѣ духовныхъ даровъ, а вмѣстѣ и сообщая уѣбриность, что прощенія ихъ не оста-нутся безъ удовлетворенія, присоединеніемъ слова «Аминь» укрѣ-плять вѣру въ то, что если о чёмъ пожелаютъ приступить съпросъ-

бою, будуть получать оть Отца, при чём Самъ Онь, очевидно, является Посредникомъ и Соподателемъ со Отцемъ.

(Си слова очевидно относятся не къ Имени, а къ тому, почему дважды говорить Господь: «Аминь, аминь!» И. А.).

Это и означает выражение «во Имя Мое», ибо мы приступаемъ къ Богу и Отцу неизначе, какъ черезъ Сына. Чрезъ Него вѣдь доступъ имѣмъ въ единомъ Духѣ ко Отцу, по написанному (Евр. 2, 18). Поэтому и говорить: «И есмь дверь... Я путь, нико не приходить ко Отцу, какъ только черезъ Меня (Ин. 10, 7, 14, 6).

(Удивительное лукавство рецензента! Почему же онъ пропустилъ слова:—«Азъ есмь Истина?..—Конечно потому, что они невыгодны ему, ибо и Имя Божіе и Имя Иисусъ есть Божественная истина и слѣдовательно подтверждаютъ то, что и Имя Божіе есть Самъ Богъ. И. А.).

Дѣйствительно, поскольку Онь есть Сынъ и Богъ, Онь велитъ со Отцемъ, даруетъ сиятымъ благо и оказывается Соподателемъ благословенія на насть. А поскольку Онь называется Посредникомъ, Первосвященникомъ и Ходатаемъ, Онь приносить Отцу молитвы за насть, ибо Онь есть дерзновеніе всѣхъ насть ко Отцу. Итакъ во имя Спасителя нашего Христа должно совершать молитвы, ибо въ такомъ случаѣ Отецъ Небесный благосклонно ихъ будетъ принимать и просящимъ Его подавать блага, дабы мы радовались при получении». (Богосл. Вѣсти. 1909 г. Іюль—Августъ, Св. Кириллъ Алекс. толкованіе на Еван. отъ Иоанн.).

(Да постыдится же рецензентъ приводить тексты себѣ же на голову! Не ясно ли видится изъ этихъ словъ, что Господь—чѣмъ Онь именуется,—тѣль Онь и есть. Именуется Посредникомъ, именуется Ходатай—и есть Ходатай; именуется Иисусъ—и есть Спасъ міра, и Имя Его есть Самъ Онь Соподатель со Отцемъ, почему и повельствуетъ просить во Имя Свое. И. А.).

И слова Спасителя въ Евангелии «цице что просите во Имя Мое, то соворю» (Ин. 14, 14), толь же св. Кириллъ толкуетъ, что Спаситель «весьма благосклонно будетъ принимать молитвы отъ Своихъ послѣдователей и стъ полной готовности давать то, что они пожелаютъ получить, очевидно, дары духовные и достойныхъ Божественной щедрости. И не какъ служитель человѣкобоя другого кого либо, или какъ помощникъ чужого милосердія, говоритъ Онь, но какъ имѣющій во власти все со Отцемъ, и Самъ будучи Тѣмъ, чрезъ Кого все, какъ отъ насть къ Богу, такъ и къ намъ отъ Него (1 Кор. 8, 6)» (Богосл. Вѣст. 1808 г. Іюнь).

(Но что же значить изъ сихъ словъ Святаго? Значить ли, что Святый отрицаетъ то, что Имя Господне есть Самъ Онь со Отцемъ и Духомъ? И. А.).

Изъ этого толкованія ясно видно, что вышеозначенное изреченіе: «что просите отъ Отца во Имя Мое» означаетъ моленія наше къ Отцу чрезъ посредство Иисуса Христа, и Самъ Онь, какъ Единосущій со Отцемъ, исполнять наши прошения и подада насть Свои блага; о чёмъ видно изъ многихъ изречений во св. Писаніи. Напр. Ап. Петръ сказали одному хромому нищему «бó имѧ Иисуса Христа Назорея возстани и ходи» (Дѣян. 3, 6), т. с. что исцѣлилъ его Самъ Спаситель, а не призывающее Апостоломъ имя Его.

(Какое дерзкое отверженіе прямого смысла ясно засвидѣтельствованныхъ словъ, Апостоломъ сказанныхъ: «О вѣрѣ Имени Его, сего, его же видите и знаете утверди Имя Его» (Дн. 3, 16). Какое имѣорическое отрицаніе за Именемъ Божіймъ Божественной силы И. А.).

Спаситель сказалъ Апостоламъ: «и будете ненавидимы всѣми именами Мого ради, претерпѣтъ же до конца, той спасеніе будетъ» (Ме. 10, 13). Епископъ Михаиль говорить согласно толкованію блаженнаго Феофилакта, что это изреченіе означаетъ: ненавидимы будете всѣми за имя Мое, за то, что проповѣдуете Меня и исповѣдуете вѣру въ Меня. Претерпѣтъ же до конца, т. е. оставшійся твердымъ въ вѣрѣ и исповѣданіи—спасется» (Еп. Михаиль тол. на Ев. 191).

(Но чуже нашель рецензентъ въ текстѣ семь противного словамъ о. Иларіона? Ужели не знать рецензентъ того, что сей же св. Феофилактъ ясно говорить, что Имя Иисуса, равно и Имени Отца и Сына и Святаго Духа, и есть—Богъ? смотри нашу Апологію. И. А.).

Чтобы постигнуть вѣрою текстъ св. Писанія, должно вникнуть въ глубокій смыслъ его, а не на однихъ словахъ его основываться поверхности и выбирать изъ нихъ въ отдельности соотвѣтствующія понятіямъ тѣхъ, комъ толкуютъ св. Писаніе по предвзятымъ своимъ ложнымъ мыслямъ, какъ это дѣлаютъ сектанты. Ап. Павелъ говоритъ: «Наши жизнъ и судьба со Христомъ въ Бозѣ». (Кол. 3, 3). Поэтому намъ должно стремиться всѣми чувствами и помышленіями къ Господу Иисусу Христу, непрестанно прибегать къ Нему съ молитвою, во всемъ предавать себя волѣ Его, и отъ Него единаго искать себѣ спасенія. Въ такомъ смыслѣ свв. Отцы составили многія молитвы, въ коихъ все относится къ Самому Господу Иисусу, какъ Жи-ному Подателю намъ блага, а не къ имени Его.

(Итакъ, очевидно рецензентъ почитаетъ и Имя Божіе и вся-
ко слово Божіе словомъ мертвымъ, а не живымъ, вопреки
ясному свидѣтельству Господа, что слова Его—Духъ суть и
животъ суть—т. е. Онь Самъ Богъ Слово I. А.).

И въ церковныхъ службахъ постоянно произносится возвеличе-
ніе и прославленіе Самого Господа и Ему отъ настъ поклоненіе, а не
имени Его.

(Какая ложь! Именно въ церковныхъ службахъ воздается неотдѣлимое поклоненіе Имени Божію, которое, ясно пока-
зываютъ сколь Имя Божіе неотдѣлимо отъ Бога и сколь
достопоклоняемо Имя Иисусъ, наче всякаго Имени. Вспомни
Акаѳистъ Сладчайшему Иисусу. I. А.).

Да при твореніи умносердечной молитвы въ умѣ и сердцѣ нашемъ
представляются и объясняются только имена Христовы, въ ней на-
ходящіеся, а не Самъ Отецъ съ Своими безпредѣльными, высохайшими
свойствами, о чемъ и свв. Отцы это высказываютъ. Такъ блаженный
Каллистъ патріархъ говоритъ: «Умъ во время молитвы дѣйствитель-
ной трезвено углубляется въ сердце и ничему внимать не мож-
етъ кроме Бога. Все внутренне его изрекасти Богу давидскими
гласами: «Прильне душа моя къ Тебѣ» (пс. 62, 9) (Рус. Добр. т. 5,
ст. 457). Св. Антоний Лѣстничникъ говоритъ: «Иисусова память да со-
единяется съ дыханіемъ твоямъ и тогда познаешь пользу безмолвія
(слова 27, 61)». Св. Василій Вел. говоритъ: «Молитва добра та есть,
которая дѣйствительно вѣдрѣеть въ душу помышленіе о Богѣ».—
Такъ же Филаретъ митрополитъ Московскій говоритъ: «Чтобъ до-
стигнуть общенія и блаженнаго соединенія съ Богомъ, для этого
нужно устремлять къ Нему свой умъ, волю и сердце, въ чемъ соб-
ственно и состоять существо молитвы».—Св. Исаакъ Сиринъ говор-
ить: «Кто желаетъ видѣть Господа внутри себя, да напряжется
всесуально очистить сердце свое непрестаннымъ памятованіемъ о
Богѣ, и тако во сѣтѣности ума своего всякий часъ будеть онъ зреТЬ
Господа». (Сл. 8, 53).

(Какое извращеніе святоотеческаго ученія о молитвѣ Иису-
совѣ! Не ясное ли дѣло, что и памятованіе и вѣдрѣніе мысли
о Богѣ возможно лишь при непрестанномъ умномъ призы-
ваніи Имени Его? Рецензентъ же отвергаетъ значеніе призы-
ванія Имени Иисусова и минтъ доказать, что Святые учатъ
только памятовать о Богѣ безъ призыва Имени Его, и что
въ этомъ заключается умная молитва! Прочтите въ Апологіи
краткое изложеніе святоотеческаго ученія о молитвѣ Иису-
совѣ I. А.).

Св. Григорій Синаитъ говорить: «При твореніи Иисусовой мо-
литвы должно имѣть во умѣ память Божію» (Добр. т. 5, 247).

(О, лукавый рецензентъ! Прочти въ Апологіи, что говорить
Григорій Синаитъ объ Иисусовой молитвѣ, что она есть—Самъ
Богъ и, слѣдовательно, и Имя Иисуса есть Самъ Богъ! I. А.).

Пр. Каллистъ и Игнатій говорить: «При твореніи умносердечной
молитвы Иисусовой умъ долженъ быть никакой другою памятіи не
занять, какъ призывають Господа нашего Иисуса Христа» (тамъ же
365).—И въ другомъ мѣстѣ они говорятъ: «Должно пребывать въ
молитвѣ, т. е. въ памятованіи Господа Иисуса Христа непрестанномъ,
безъ всякой какой либо мысли и воображенія». (396).

(О лукавый рецензентъ, не ясно ли свидѣтельствуютъ въ
Добротелюбіи, которое оitz приводить, сіи Св. Отцы, что сіе
именно и достигается чрезъ непрестанное призывають Имени
Иисусова, что извращаетъ рецензента и учитъ молиться одною
памятію безъ призывають Имени Иисуса! I. А.).

«А произносимыя слова: Господа Иисуса Христа Сыне Божій не-
вѣщественно безгласно воспростирають умъ къ Самому Господу
Иисусу Христу» (398 и 391). И сіе послѣднее изреченіе ясно показы-
ваетъ, что имена, произносимыя въ молитвѣ Иисусовой, суть посред-
ствующія ума и сердца нашего къ Самому Господу Иисусу Христу и о
Немъ только должно имѣть въ памяти, при твореніи молитвы, и у
Него Единаго просить милости, и какую при этомъ получаемъ по-
мощь, то отъ Самого Господа, но никакъ не отъ произносимаго Его
имени.

(Какое отдѣленіе Имени отъ Господа! Этого раздѣленія ни-
когда не дѣлали Св. Отцы I. А.).

И по сей только посредствующей причинѣ эти имена достойны
соответственного ихъ значенія, возвеличенія и прославленія ихъ,
ибо какъ только кто произноситъ ихъ въ молитвѣ, то и вспоминается
Спаситель; и тогда весь умъ и сердце у молящаго обращаются къ
Нему, а не то чтобы останавливаться только на одномъ имени Его.

(Какое извращеніе того, что говорить о. Иларіонъ. Какое
невѣріе въ Бога Слово! Какое непрізнаніе жизненности и
духовности всѣхъ Именъ Божіихъ! I. А.).

И сіи имена для настъ прелюбезны и сладчайши, ибо при благо-
говѣйномъ произнесеніи ихъ въ молитвѣ получаемъ сердечное уми-
ление и благодатную помощь отъ Господа. И устное произнесеніе
имени Господа Иисуса Христа устрашаетъ демоновъ. И это имя, бу-
дучи свято само по себѣ, освящаетъ наши уста и все настъ окру-
жающее.

(Какое лицемерие говорить это послѣ всего того, что было выше сказано во отмѣтіи Божественной силы во Именіи Иисусъ Христовомъ! И. А.).

А чтобы, по мнѣнію о. Иларіона, обоготоврять эти имена, то это большое заблужденіе.

(Поймы же, рецензентъ, что не обоготоврени идеть рѣчъ, а о неотдѣлности Имени Божія отъ Бога и о присутствіи Бога во Именіи Своемъ! И. А.).

Подобно и въ человѣческому сознаніи поминаемъ о какомъ либо любимомъ человѣкѣ, то въ умѣ нашемъ представляется самъ онъ въ своемъ образѣ и со своими достоинствами, а не въ одномъ только своемъ имени; имя же его только напоминаетъ намъ, что именно онъ, а не иной какой, и вовсе не за имя его мы его любимъ, а за достоинство, или же за близкое родство съ нимъ.—Въ сей рецензіи о томъ, что немыслимо обоготоврять имя Иисусъ, приведены доказательства на основаніи св. Писанія, съ истолкованіемъ онаго свв. Отцами и съ приведеніемъ собственныхъ ихъ изречений; противъ нихъ, какъ непрекаемыхъ истинъ, не могутъ быть приводимы доводы о испрѣятіи ихъ къ исполнению.

(Гдѣ же эти доказательства и толкованія Св. Отцевъ? И. А.).

А чтобы сіе исполнить, то должно все сказанное о имени Иисусъ въ означенному неправильному смыслѣ изъ разбираемой книги совершенно исключить; а иначе эти мѣста будутъ служить для православныхъ христианъ при чтеніи сей книги не на пользу, а на соблазнъ и осужденіе автора о. Иларіона.—Въ 5-ой главѣ авторъ приводитъ бесѣду помянутаго старца подвижника въ слѣдующихъ словахъ: «Водвореніе молитвы есть изобильное излияніе благолатнаго состоянія и радость о Богѣ Спасителѣ своемъ. Выраженіемъ сего состоянія служить непрекращаемость внутренней молитвы, когда она уже не ограничивается чѣмъ-либо вѣнчаниемъ и производить неизримое дѣйствіе въ глубинѣ духа, безъ словъ и поклоновъ, безъ всякаго образа, вида и размышленія. И это отъ пренесенного соединенія сердца съ Господомъ, когда Господь Иисусъ Христосъ творить на насъ обитель Свою, ощущительно и дѣйственно весятъ въ сердце, и слышится Его Божественное присутствіе ясно и осязательно, что называется, по словамъ свв. Отцѣвъ, живое Богообщеніе. И тогда Христосъ Богъ, икона Испупитель и Спаситель наше, инсходитъ въ человѣка Своими благодатными дарами, соединяется съ нимъ Своими Божественными силами, яже къ животу и благочестію (2 Пет. 1, 3), и какъ бы творить въ немъ для Себя постоянную обитель (Ин. 19, 23), такъ что человѣкъ становится храмомъ Духа Божія (1 Кор. 3, 6), церковью Бога жива (2 Кор. 6, 16). Въ Богѣ пребы-

ваетъ и Богъ въ немъ пребываетъ (Ин. 4, 16) и не къ тому себѣ живеть, но живеть въ немъ Богъ (Гал. 3, 20), Христосъ есть тогда въ человѣкѣ, еже хотѣти и дѣлать (Фил. 2, 3).—Изъ этихъ правильно высказанныхъ изречений ясно видно о дѣйствіи въ молитвѣ Иисусовой Самаго Господа Иисуса Христа, а не имени Его, о коемъ здѣсь даже не упоминается; а вся благодатная сила въ молитвѣ сей происходитъ отъ Самаго Спасителя. Онъ проявляется въ человѣкѣ Свои дары и соединяется съ нимъ, какъ обѣ этому высказано и въ сей нашей рецензіи на неправильное мѣнье автора, приссыпающаго эту Божественную силу и дѣйствіе Имени Иисуса. Значить, приведенные изречения изъ бесѣды старца подвижника совершенно опровергаютъ такое мѣнье о. Иларіона, который безъ всякаго опроверженія ихъ и даже съ высокой похвалою и восхищеніемъ о нихъ, помѣстилъ оныя въ своемъ сочиненіи вслѣдъ за означеннымъ своимъ неправильнымъ уѣзженіемъ о значеніи въ молитвѣ имени Иисусъ. Это что-то пенорально!

(Увы, не это ненормально, но ненормально такое имѣборственное отрицаніе Божественной силы и молитвенного дѣйствія Имени Иисуса человѣкомъ, начитаннымъ въ Добротолюбіи и проповѣднѣмъ столько лѣть въ монашествѣ! Не ясно ли для каждого, что въ приведенныхъ словахъ старца говорится о совершенныхъ степеняхъ молитвы, но которыхъ достигаются чѣмъ же пѣнимы, какъ не притрудныи и долгими призывають Имени Иисусова? И кто же когда изъ безмолвниковъ и дѣлвателей умной молитвы воздеталь когда на сію совершенную степень безъ пользованія Именемъ Иисусовымъ, Божественная сила непрестанного призываютеро котораго при содѣйствіи и прочихъ необходимыхъ условій подвижничества и возносила подвижника на совершенный степени! И какъ не хочеть понять авторъ рецензіи, что неотдѣльна сила Имени Господня отъ Него Самаго, и когда мы говоримъ о силѣ Имени Иисусу, то это есть не иная какъ Божественная сила, но сила Самаго Иисуса Христа! И. А.).

Въ 26 главѣ о. Иларіонъ, какъ и прежде объяснено было, выказываетъ, что «имени Христову присуща Божественная власть сила и свойства, какъ Ему Самому. Всемогущему Богу» (110—внизу).

(Это не только о. Иларіонъ, но и Св. Тихонъ и другіе говорятъ. И. А.).

Но это не въ такой степени, особенно «свойства», какъ уже выше изложено въ рецензіи. И обѣ этомъ же оны говорить на стр. 113 (внизу) и на стр. 114 (внизу), что имя Господа Иисуса Христа есть «Самъ Онъ, со всѣми своими божественными свойствами, качествами и совершенствами, утверждаясь въ этомъ не на соображеніяхъ разумъ, но на чувствахъ сердца, проникнутаго Христовою благодатию».

(Напрасно негодуешь рецензент на это исповѣданіе Иларіона: это не его слова, а слова Св. Отцевъ и новѣйшаго благогодатнаго молитвенника о. Иоанна Кронштадтскаго. Смотри. Апологію. Не признавая сихъ словъ, рецензентъ не признаетъ авторитета Св. Отецъ и о. Иоанна Кронштадтскаго и Еп. Игнатия Брянчанинова, которые сіе высказывали. И. А.).

Насколько эта мысль врѣзлась въ сердечное убѣжденіе о. Иларіона, что онъ многократно повторяетъ ее въ своемъ сочиненіи.

(Прежніе духовные писатели не имѣли нужды говорить о немъ, но вотъ наступило время, когда христиане начинаютъ обезвѣриваться въ Имѧ Божіе, что ярко свидѣтельствуетъ рецензентъ своей рецензіей, почему и явилась потреба напомнить усиленно вѣрующимъ сіе основаніе вѣры. Впрочемъ, простой народъ, истинно вѣрующій, отнюдь не сомнѣвается пока въ томъ, что Имѧ Божіе есть Самъ Богъ. Спроси любого хорошаго простого монаха! И. А.).

И вслѣдъ за приведеннымъ своимъ мѣнѣніемъ, для подтвержденія онаго, о. Иларіонъ приводитъ многія изреченія изъ св. Писанія, но въ нихъ ничего не говорится о имени Христовомъ, а говорится о Самомъ Существѣ Его. Напр. Пророкъ Исаія «созерцаль славу Сына Божія», но о. Иларіонъ по собственному измѣншенію всѣ эти тексты приписываетъ—имени Христову,—по соприсутствію въ ономъ Самого Сына Божія: «И какъ во плоти Христа, по слову Апостола (Кол. 2, 9), существенно обитала вся полнота Божества, такъ и въ имени Его Святотъ пребываетъ та же полнота Божества неизмѣнно» (ст. 118). И сіе изреченіе Апостола о. Иларіонъ привелъ неправильно, ибо оно значитъ: «кто въ томъ живетъ всякое исполненіе Божества тѣлеснъ». И не толькъ смыслъ заключается въ этихъ словахъ, какой придалъ имъ о. Иларіонъ. И даѣтъ въ концѣ 26 главы онъ приводитъ мысль о значеніи имени Иисусъ въ такомъ же своеумномъ смыслѣ (?) и съ неправильнымъ примѣненіемъ къ оному выставленныхъ имъ многихъ изреченій св. Писанія и свв. Отцевъ. А по изложеніи оныхъ о. Иларіонъ, вопреки этого своего мнѣнія, говоритъ о себѣ: «Существо молитвы заключается не въ словахъ, а въ томъ, чтобы сердечно чувство души соединить съ Господомъ, Источникомъ вѣчной жизни. Нужно только знать, что прежде всего необходимо намъ соединиться своимъ внутреннимъ существомъ, или душою своею непрѣменно съ Сыномъ Божіимъ, Спасителемъ нашимъ; Онъ, какъ Испукатель нашъ, то чрезъ Него только мы можемъ имѣть доступъ къ Отцу Небесному. Потому и молитва наша должна быть къ Нему (121)». Но можно ли въ этомъ правильномъ заключеніи о. Иларіона видѣть хотя слѣдъ того, что онъ во многихъ мѣстахъ объясняетъ объ обоготвореніи имени Иисусъ?

(Въ томъ то и дѣло, что о. Иларіонъ не обоготворяетъ Имени Иисусъ, какъ клевещеть на него рецензентъ, но исповѣдуется неотдѣлимостью его отъ Господа, что оно есть Самъ Господъ Иисусъ, присущий во Имени своемъ. И. А.).

Затѣмъ на слѣдующемъ стр. 122 онъ приводить изъ извѣстной душеполезной книги «Невидимая брань» слѣдующія слова: «Молитва названа Иисусовою потому, что обращается къ Господу Иисусу и есть по составу своему словесная, какъ и всякая другая молитва». И это выставленное имъ опредѣленіе служить также не къ удостовѣренію означеннаго выше неправильнаго мѣнѣнія о. Иларіона, а къ опроверженію онаго. Здѣсь изъ опредѣленія: «молитва Иисусова по составу своему есть словесная», можно ли заключить, что упоминаемое въ пей имя Иисусъ есть Самъ (живой) Богъ?

(Опять передергиваетъ рецензентъ Изъ этихъ словъ—нельзя, но ужеле онъ не читалъ другихъ мѣстъ Игнатія Брянчанинова, гдѣ это прямо сказано и доказано? Смотри Апологію. И. А.).

Величайший истолкователь о молитвѣ св. Исаакъ Сиринъ говоритъ: «Воздыханія, колѣнопреклоненія и сердечныя прошени (въ томъ числѣ и прошени о помилованіи насть, въ молитвѣ Иисусовой) и сладчайше вошли и всѣ виды молитвъ имѣютъ предѣломъ чистую молитву и до нея только имѣютъ возможность простираться. А по чистой молитвѣ умъ превыше молитвы бываетъ и въ нѣкоторо видѣніи, въ духовномъ восторгѣ и въ непостижимыхъ вещахъ, которымъ превыше мѣра смертныхъ, и все земное умоляетъ предъ ними и при этомъ молитва прекращается отъ движения и не молитвою молятся, ибо тогда превыше молитвы, находясь въ восхищеніи и таинственномъ плѣнѣніи, по слову Апостола Павла: «Аще въ тѣлѣ не вѣмъ, аще ли кромѣ тѣла, не вѣмъ, Богъ вѣсть» (2 Кор. 12, 2). И будетъ ли уже молитва въ томъ, кто столько плѣненъ и не сознаетъ самъ себя, и не можетъ совершать движенія мысли, въ чёмъ бы хотѣлось, но онладѣвается въ эту часть плѣнившо его силою и не чувствуетъ, гдѣ путеводится ею? Тогда онъ погружается мыслию въ единомъ Богѣ и сердце наполнено его бываетъ Богомъ и оттого уразумѣвается онъ непостижимое.—Ибо Духъ Святый дѣйствуетъ въ немъ, такъ что внимательностью молитви лишается движенія, и умъ поражается и потозащается изумленіемъ и забываетъ о вождѣніи собственного своего прошнія, и въ глубокое упеніе погружаются движенія его, и бываетъ онъ не въ мѣрѣ семъ. И тогда не будетъ тамъ различія между душею и тѣломъ, ни памятованія о чёмъ либо, какъ сказали божественный и великий Григорій: «Молитва есть чистота ума, которая одна, при изумленіи человѣка, удѣляется отъ св. Троицы». (Выбран. изречен. изъ 21 слова). Изъ этихъ приведенныхъ изреченій

ній видно, что достигшіе чистой молитвы исполняются небесными чувствами въ полномъ восхищениі и созерцанії, и все это отъ единаго Господа предвосхищаются.—Изъ сего ясно усмотрѣти, что достигшіе чистой молитвы руководятся одною только силою изъ сущности Самого Бога, а при такой молитвѣ имя Иисусъ пребываетъ безъ дѣйствія и даже о семь имени въ этомъ состояніи человѣка вовсе не упоминается.

(Невѣро. Вышеприведенная степень чистой молитвы есть паническая, которой и не всѣ Святые сподоблялись, а менѣе совершенныи она и совсѣмъ недоступна. Но есть и другія степени чистой молитвы, какъ свидѣтельствуетъ Доброт., которымъ состоятъ въ томъ, что призываются единое Имя «Иисусъ»—см. Апология. I. A.).

Поэтому можно ли приписывать этому имени при совершеніи молитвы обоготворяющее значеніе, сливать оно съ Божествомъ и давать ему значеніе равносильное Самому Богу (!?), а чрезъ это выходить, что въ одномъ лицѣ Сына Божія высказываются два Бога: одно самое Существо Его, а другое, нареченное Ему при воплощеніи на землѣ имя Иисусъ.

(Похоже на это мудрствовалъ Варлаамъ Калабрійскій I. A.).

И можно ли сливать это человѣческое имя съ Божествомъ, когда самое человѣческое восприятие Сыномъ Божіимъ, нельзя сливать съ Его Божескимъ естествомъ и оно только соединяется въ одномъ Его Лицѣ, а кто сливаетъ ихъ, то это, по заключенію Вселенского Собора, составляетъ страшную ересь. Тѣмъ болѣе, имя Иисусъ, относящееся къ человѣческому естеству Богочеловѣка,

(Слышите! Какъ рецензентъ относитъ Имя Иисусъ къ человѣчеству Иисуса, не есть ли это раздѣленіе Его на два Лица? И откуда она взялась, что о. Иларіонъ сливаетъ звуки и письмена Имени Божія съ Божествомъ Его?! I. A.).

нельзя сливать съ Божескимъ естествомъ Его. Свойственное и подобающее одной только Божественной природѣ усвоить не избѣжной природы—это верхъ безумія и нечестія (?!)!—О. Иларіонъ въ вышеозначенномъ смыслѣ обоготворяетъ имя Иисусъ

(Клевета: не въ вышеозначенномъ рецензентомъ смыслѣ и не обоготворяетъ I. A.).

и представляеть обѣ этомъ читателямъ, какъ постигнутое имъ.—Это новшество, ибо никто изъ свв. Отцевъ и Учителей Церкви, со временемъ апостольскихъ и до сего времени не приводилъ такого ученія.

(Неправда, не новшество. Прочти Апологію и увидишь тѣ же изречения и у другихъ Отцевъ Церкви).

И своимъ этимъ суемудрьмъ новшествомъ волпустъ и завлекаетъ некоторыхъ другихъ малодушныхъ иноковъ, не свѣдущихъ въ пониманіи высокихъ христіанскихъ догматовъ и истинъ.

(Неправда. Книга о. Иларіона только открыла многихъ сердца помышлений о вѣрѣ во Имя Божіе и вызвала наружу скрытое неѣtre рецензента, чѣмъ и возмутила, т. е. сія хульная рецензія рецензента, духъ православныхъ иноковъ уничиженіемъ Имени Иисусъ и отнятіемъ отъ него Божественной силы и пр. I. A.).

Означенный инокъ о. Иларіонъ имя Иисусъ сливаєть съ Существомъ Божественнымъ,

(Какая клевета! I. A.).

а между тѣмъ величайшѣ въ мірѣ Богословы обѣ этомъ существѣ высказали слѣдующее опредѣленіе. Св. Діонісій Ареопагитъ говоритъ: «Не можно Бога излагать или умомъ постигнуть.. Нѣть для Него ни слова, ни имени, ниже названія... (тайнства Богословія. гл. 5).

(Но откуда же взялъ рецензентъ, что о. Иларіонъ говоритъ, что сущность Божія есть имя?!?! Не ясно ли онъ всходу повторяетъ, что Богъ лишь присутствуетъ во Имени Своемъ, и разве значить это, что онъ называется самую сущность Бога—Именемъ?! I. A.)—

И св. Григорій Богословъ говоритъ: «Богъ есть Свѣтъ крайній, несказанный, ни умомъ непостижимый, ни словомъ изрекаемый». Въ виду такого опредѣленія о Богѣ, не есть ли крайняя дерзость сливать съ Божествомъ имя Иисусъ, относящееся къ человѣческому естеству Богочеловѣка (!?)?

(Слышите, новое повтореніе того же приписыванія Имени Иисусъ только къ человѣчеству Господа! Вообще, и устро, и письмено рецензентъ и послѣдователи его постоянно упираются на то, что Имя Иисусъ дано лишь при зачатіи и есть посему Имя менѣе всякаго имени! I. A.)

Какое ненормальное душевное и умственное состояніе у о. Иларіона можно уразумѣть изъ рассказанного въ его книгѣ слѣдующаго слуха съ нимъ.—«Въ одно время онъ, сидя на складѣ, съ высоты увидѣль внизу много волковъ, ревущихъ съ голода. «Увидѣвъ сіе, говорить онъ,—я пришелъ въ умиліе и ощущилъ къ нимъ въ сердцѣ свою великую жалость. Конечно, подумалъ я въ сердцѣ свое, зѣви син просить отъ Создателя пищи себѣ. Пойду, сказалъ я самъ

себѣ, и отдашь свое многогрѣшное тѣло на сѣбѣдѣніе, поне мало насытить свои голодныя утробы. Но когда спускался я по крутизне косогора, то наткнулся на лежащаго подъ каменемъ медвѣда, который, испугавшись, отѣбѣлъ нѣсколько, потому сталъ и смотрѣть на меня кроткимъ взоромъ, какъ будто бы не совсѣма мнѣходить къ волкамъ, — я послушалъ сего лютаго звѣра и возвратился назадъ (30 гл. 137). — Выходитъ изъ сего, что неразумный дикий звѣръ оказался благороднѣйшій о. Иларіона, человѣка одареннаго разумомъ. Прочитавъ обѣтъ этого событіи, вскинъ въ недоумѣніе придетъ отъ такого намѣренія о. Иларіона. Онь, конечно, въ этомъ дѣйствіи полагалъ проявить свое самопожертвованіе въ пользу волка и въ этомъ полагалъ совершить подвигъ, угодный Богу, но на самомъ дѣлѣ она предавала себя на самоубійство, что составляетъ страшный грѣхъ.

Инокъ Хрисанѣй.

(Напрасно глумится рецензентъ, не будучи знакомъ съ борьбою всякихъ помысловъ у пустынниковъ въ пустынѣ! Это есть лишь откровенное исповѣданіе одного подобного случая прелестной діяловской браны и душевнаго состоянія, когда пустынникъ почти готовъ быть поддаться сему помыслу. Мало ли случалось, когда это врату удастся и онь заставляетъ пустынниковъ повиноваться этимъ помысламъ и бросаться въ пропасти, пытаться идти по морю, какъ по суху! Это лишь должно послужить предостереженіемъ подвижникамъ отъ такихъ помысловъ, которые предстоятъ и имъ, вѣроятно, испытать въ пустынѣ, а отнюдь не поощреніемъ къ тому, чтобы и они отдавали себя на сѣбѣдѣніе волкамъ. И. А.)

Еще о книѣ Схим. Иларіона «На Горахъ Кавказа».

(Съ примѣчаніями Епосхимонаха Антонія). (Русскій Инокъ № 10).

Кавказскій пустынникъ о. Иларіонъ, въ отвѣтъ на рецензію его книги «На горахъ Кавказа», написалъ свою отповѣдь. Въ виду того, что рецензія была разсмотрѣаема и одобрена Его Высокопреосвященствомъ, Архиепископомъ Антоніемъ Волынскимъ, Высококімъ руководителемъ нашего журнала, редакціи «Русскаго Инока» означенную отповѣдь о. Иларіона, также представила на благоусмотрѣніе Владимира Архиепископа. Его Высокопреосвященство изволилъ написать такой отзывъ:

Защита автора во всехъ неосновательна: онъ пишетъ о пользѣ Инсусовой молитвы, но это не касается его обожанія имени Инсусъ.

(Какое печальное единомысліе у архиеп. Антонія съ покровительствуемымъ имъ рецензентомъ! Читаль ли арх. Антоній

самую книгу о. Иларіона? Не удовольствовался ли онъ по множеству запятій прочтениемъ только рецензіи инока Хрисанѣза? Неужели же и Арх. Антоній не понимаетъ разницы между обожаніемъ имени и неотдѣленіемъ имени отъ Бога?!

И. А.).

Пишеть о святости именъ Божіихъ, но это говорить противъ исключительной силы имени Инсусъ, а усваиваетъ различными именамиъ тріединаго Бога, Спасителя, Богородицы и Святыхъ.

(Итакъ, и для арх. Антонія чуждото чувство преимущественной любви Святыхъ Божіихъ къ Имени Инсусъ, — смотри Апологію и слова Св. Тихона Задонскаго, Симеона Н. Б. и друг. Очевидно и въ архиеп. Антоніи есть тенденція почитать Имя Инсусъ за Имя меньшее всякаго имени! И. А.).

Самое имя Инсусъ не есть Богъ, ибо Инсусомъ именовались и И. Навинъ, и Инсусъ Сынъ Сирахова, и Первосвящ. Инсусъ Сынъ Іоседекъ. Неужели они тоже боги?

(О, какая страшная хула! Ужели не вѣдѣтъ архиепископъ Антоній, что говорится о сихъ именахъ въ Катехизисѣ? Пусть прочтеть въ Апологіи, тамъ приведено. Ужели не читаль, что пишетъ Симеонъ Н. Богосл., что, когда эти имена прилагаются къ человѣку, то они суть слова человѣческія, текучія и пусты, а когда къ Богу, то они суть Самъ Богъ Сынъ и Жи-вый! И. А.).

Сообщеніе автора о томъ, что многіе, прочитавъ критику на его книгу, перестали творить Инсусову молитву, либо вымысль, потому что сою молитвой занимались люди и не раздѣлявшіе сущѣрій автора,

(О, архиепископъ Антоній! Ужели дерзаете вы называть сущѣріями: Иоанна Златоуста, Симеона Н. Богослова, Тихона Задонскаго, Феофилакта Болгарскаго, Григорія Синаита, Иоанна Лѣтвичиника, Димитрія Ростовскаго, Иоанна Кронштадтскаго, Игнатія Брянчанинова? Опомнитесь, вѣдь вы про-повѣдуете Имяборство и Новоаріянство И. А.)

либо весьма отрадное, — если сю молитву перестали творить тѣ, кто соединялъ съ ней нелѣное сущѣріе и, слѣдовательно, творилъ молитву, будучи въ прелести.

(Неправильная отговорка. Волитниу сие новое имяборческое учение имѣть въ кориѣ убить дѣланіе молитвы Инсусовой, ибо ужели станеть кто труждаться призываѣть безпрестанно то имя, которое будетъ предполагать пустынъ иничегонезначающій? Ужели возможно съ пользою заниматься мо-

литвою Иисусовою, если не върить, что въ призывающемся Именем—Самъ призывающий Господь Иисусъ!—И вотъ эту то иерархію архиепископъ именуетъ суетѣрьемъ!! И. А.).

Скорблю о томъ, что изъ-за этой книги произошло на св. Аeonъ великое смиреніе и скоры, выражавшіяся въ рѣзкой браніи послѣдователей о. Иларіона противъ о. И. Алексѣя и другихъ.

(Неправда. Волненіе произошло не изъ-за книги о. Иларіона, которая была почти всѣми съ любовью принята, а вслѣдствіе хульной рецензіи Хрисанфа, которая возмутила Аeonів еще будучи въ рукописи и до крайности изумила православныхъ, когда появилась на страницахъ «Руск. Июк.». Рѣзкой браніи противъ Алексѣя не было, но его только называли еретикомъ, за то, что онъ высказывалъ тѣ уничтожительныя о Имени Иисусовомъ мысли, которые нынѣ печально высказываются арх. Антоній, и съ ними не желали служить. Онъ же, вліяя на итога, преслѣдовалъ скитянъ и, благодаря сему, они бывали изгоями изъ скита и подвергаемы наказаніемъ И. А.).

Это никого не радуетъ кромѣ діавола, воспользовавшагося высокомѣтъ малоуважающимъ богословію автора и исполнившаго его послѣдователей такимъ гнѣвомъ.

(Не гнѣвомъ, а негодованіемъ. Прочтите въ 2-мъ томѣ. Иоанна Златоуста о статуяхъ его сорѣтъ: «Осиящать десницу заупинѣнемъ хулащаго еретика». Но и заупинѣй и браніи не было; были лишь обличенійскитиями ереси имѣборствующихъ съ текстами святоотеческими въ рукахъ, и наоборотъ репрессіи и хуленія сторонниковъ о. Алексѣя противъ имаславцевъ. Имя Иисусъ писали на бумажкѣ и топтали, и рвали!! Итакъ, на какой же сторонѣ гнѣвъ, а на какой перенесеніе гоненій? И. А.).

Изъ этого гнѣва познайте, братіе, что дѣло сіе не отъ Бога: гнѣвъ мужа правды Божіей не творить, но является плодомъ страсти и прелести. Господь да оградитъ насъ отъ козней врага.

(Господь да оградитъ бѣдствующую Церковь отъ отравы имѣборствомъ! Переписывалъ и сдѣльялъ примѣчанія къ симъ статьямъ Епросхимонахъ Антоній (Булатовичъ).)

³) Авторомъ было составлено еще такое же краткое сочиненіе (т.-е. копія и выражений) противъ мѣйнѣй, высказанныхъ арх. Антоніемъ Волынскимъ въ № 15 «Руск. Июк.», где послѣдній приравниваетъ Божественное почитаніе Имени Господня къ хлыстовству и говоритъ, что это будетъ только на руку хлыстамъ, которые назовутъ, какого-нибудь лукаваго и чувственного мужика Иисусомъ, а бабу Богородицею, а потому будутъ сваливаться со сълышаниемъ грѣхомъ. Авторъ рѣзко вораждалъ на эти несправедливыя пареканія. Къ сожалѣнію, это сочиненіе затерялось.

IV.
Величить душа Моя Господа и возрадовася духъ Мой о Бозѣ, Спасъ Моемъ.

(Лук. 1, 46).

Кого же величаетъ Владычина сими словами и Кого именуетъ? Именуетъ Она Имя Сына Своего и Бога, носимаго Ею во Чревѣ, величая Его вкупѣ и нераздѣльно со Отцемъ и Духомъ. Почему же не возглашаетъ Она, напримѣръ, такъ: «величить душа Моя Господа и возрадовася духъ Мой о Мессии, или о Христѣ Помазанникѣ, или о Сынѣ Божіемъ, или о Иисусѣ Моемъ», но говоритъ: «о Бозѣ, Спасъ Моемъ». Это Она говорить потому именно, что смыслъ имени Иисусъ и означаетъ «Богъ—Спасъ». Это Она говорить потому, что Архангелъ благовѣстилъ Ей зачатіе Бога и Спаса и, повѣтъ, наречи Его Иисусомъ, тутъ же истолковавъ, что сіе Имя и значить «Богъ—Спасъ». Остановимся на сіемъ Имени Иисусъ, чтобы показать, что оно не есть простое, малозначащее человѣческое имя, но что оно есть воинстину истинное именование Бога Спасителя, именующее собою Сына и Слово воплощеніе, не только по человѣчество, но и по Божеству Его.

Невзраченная Премудрость Богъ—«безъязычная и тайная премудрости Своей»—явиль и въ Имени Иисусъ, которое отъ Предиѣчного Собѣта измыслилъ Отецъ Своему Сыну. Духъ же Святый многообразно и всесторонне, но таинственно и приточно открылъ его отъ лѣтъ древнимъ людямъ чрезъ пророковъ; какъ, напримѣръ, во именахъ: «Эммануилъ» или «Съ нами Богъ», «Агнецъ Божій».

По общепринятому толкованию имени Иисусъ означаетъ Спаситель; многіе и въ древности и нынѣ именуютъ на Востокѣ Иисусами, спасителями, но все бывши и нынѣшніе Иисусы не суть и не были истинными спасителями, ибо для того, чтобы воинстину оправдать имя свое Иисусъ—Спаситель, надо было воинстину именоваться и быть также и Богомъ, ибо кто отъ человекаъ возможъ бы быть истиннымъ Иисусомъ—Искупителемъ, самъ грѣшнѣй сый?—«Кто есть человѣкъ, иже поживеть и не узрить смерти, избавить душу свою изъ рукъ адовыхъ?» (Пс. 88, 49). «Братъ не избавить, избавить ли человѣкъ? Не дастъ Богу измѣни за ся и цѣну избавленія души своей!» (Пс. 48, 8,9). Итакъ, ясно дѣло, что и по обыкновенному толкованию имени Иисусъ—Спаситель, имъ подразумѣвалось также и имя—Богъ, и что говорить Исаіомъ: «Обаче Богъ избавитъ душу мою изъ рукъ адовыхъ, егда пріемлетъ мя» (—16).

О томъ, что воинстину Имя Иисусъ по смыслу тождественно Имени «Сынъ Бога Живаго»—свидѣтельствуетъ Самъ Господь наше Иисусъ Христосъ, какъ то писано у евангелиста Матея: «Кого Мя глагол-

лють человѣцы быти...?»—вопросилъ Господь у Апостоловъ. Тѣ же отвѣчали: «Ови убо Іоанна Крестителя, ини же Илію, другіе же Іеремію, или единаго отъ пророкъ. Глагола имъ Іисусъ: вы же кого глаголете быти? Отвѣчавъ же Симонъ Петръ рече: Ты еси Христъ Сынъ Бога Живаго... Тогда запрети Іисусъ ученикомъ Своимъ, да никому же рекутъ, яко сей есть Іисусъ Христосъ» (Мо. 16: 18—21). Итакъ по ясно ли слѣдуетъ изъ сего мѣста Евангелія, что исповѣданіе Петрово: «Христосъ Сынъ Бога Живаго» тождественно словамъ: «Іисусъ Христосъ», ибо если въ обоихъ изреченіяхъ выпустить слово—«Христосъ», то окажется, что по словамъ Самого Господа Его Имя — «Іисусъ» — равнозначуще изреченію Петрову — «Сынъ Бога Живаго». Хотя и звали Господа Іисусомъ, но не вѣдали, что Онъ есть истинный Іисусъ, т. е. не простой человѣкъ, а Сынъ Бога Живаго; и вотъ, когда Петръ исповѣдалъ тайну сіо открыто, то Господь запретилъ открывать сіо тайну людямъ, что Онъ есть истинный Іисусъ, т. е. Сынъ Бога Живаго.

Но посмотрите, какъ тождественно съ симъ толкованіемъ Имени Іисусъ толкуется оное и Архангел Гавриилъ Дѣвѣ Маріи и Йосифу: Возвѣстивъ Дѣву Маріи о имѣющемъ зачатія Сынѣ, онъ тутъ же возвѣстялъ Ей и предѣльно пронареченое въ Предвѣчномъ Совѣтѣ Имѧ Его, ибо такъ повѣдѣлъ ему Богъ, чтобы онъ возвѣстилъ и зачатіе Сына и Великое Имѧ Его, и толкованіе сего Имени. Поэтому Архангелъ и сказалъ: «И нареченіи Имѧ Ему Іисусъ. Сей будеть Велілъ, и Сынъ Вышняго наречется» и т. д. (Лк. 1, 32). То-естъ: назовешь Спасителемъ,—но какимъ спасителемъ? Который есть Богъ, ибо и люди то всѣ, которыхъ Онъ спасетъ суть—*Его*, «Иже спасетъ люди Свои» (срв. Мат. 1, 22). Итакъ, теперь ясно, почему восклинула Дѣва Марія и отвѣтъ на привѣтствіе Елизаветы: «Величить душа Моя Господи и возрадовася духъ Мой о Бозѣ, Спасѣ Моеемъ» (Лук. 1, 46). Господомъ Богомъ и Спасомъ Она называла не иного кого, но Іисуса, во чревѣ носимаго, ибо сіе и есть истинное Имѧ Его. Но почему же не восклинула Дѣва: «и возрадовася духъ Мой о Іисусѣ Моеемъ»,—коль скоро смысль имени Іисусъ равнозначуща? Не восклинула таки, ибо сіе Имя Іисусъ была еще тайна для людей, которой подобало открыться современемъ, но для Богоматері сія тайна была уже открыта, вотъ почему Она и присовокупила и восклинула: «И Свято Имѧ Его!» (—1,49).—Какое Имя? Имя Іисусъ, которымъ Онъ въ тайѣ пронаречевъ.

Эту тайну и открыла Богородица словами: «яко Свято Имѧ Его». Но вотъ иные появлялись иные лѣткомъсленные люди, говорящіе, что самое Имя Іисусъ есть одно лишь пустое слово и само по себѣ ничего не значить. Такіе люди глубоко прельщаются «че вѣдуще Писанія, ии силы Божіей» (Мо. 22, 29). Вотъ为什么要说“огородица словами”呢？因为“огородица словами”是直接引用了圣母马利亚的话，而“и ии силы Божіей”是间接引用或评论。这样写更显得权威和真实。

только именуется, но дѣйствительно производитъ то въ насъ, какъ научилъ насъ опыто тому наученнымъ. Хотя и о нась говорится многое подобное (т. е. и людей именуютъ и благими, и премудрыми, и Іисусами), но о нась говорится, какъ о ходиль, а о Немъ, какъ о Бозѣ..., слова человѣческия текучи и пусты. Слово же Божіе (т. е. Имена, коими именуемъ Бога) — есть живое и дѣйственное. Равныя земь и истина Божія (т. е. то, что выражается именами Божиими или словами, выражающими какое-либо свойство Божіе) есть наче ума и смысла человѣческаго.—Богъ непреложный, сми и живицъ» (Сим. Нов. Бог. т. II, стр. 107—108)¹⁾.

Вотъ эту то тайну и возвѣстилъ намъ Іоаннъ Богословъ: «И сія есть заповѣдь Его, да вѣруемъ во Имя Сына Его Іисуса Христа и любимъ другъ друга» (І Ин. 3, 23). «Елици же Его пріяша, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти, вѣрющими во Имя Его» (Ін. 1, 12). «Не вѣруй уже осуждены есть; яко не вѣрова во Имя Единороднаго Сына Божія» (Ін. 3, 18). Эта заповѣдь благоговѣть предъ Именемъ Іисусовомъ и просить во Имя Іисусово, дана было Савімъ Господомъ Іисусомъ Христомъ въ прощальной бесѣдѣ съ учениками, когда Онъ сказалъ такъ: «Аминь, аминь, глаголю вамъ, яко елика аще чесо просите отъ Отца во Имя Мое, то соторвю» (Ін. 14, 13). «Его же аще хотеши просите, и будетъ вамъ... Его же, аще просите отъ Отца во Имя Мое, дастъ вамъ» (—15, 16, 8). «Аминь, аминь, глаголю вамъ, елика аще чесо просите отъ Отца во Имя Мое, дастъ вамъ... просите и примите» (—16, 23). Этю повторителью заповѣдью Господь во-первыхъ установилъ дѣйственность и непреложность совершаемыхъ Таинствъ, во-вторыхъ, заповѣдалъ просить все потребное ради Имени Его и, наконецъ, дать этимъ намъ какъ бы нѣкое Божественное наслѣдіе—Имя Свое, вмѣсто Самого Себя, чтобы мы всегда, призываю Его молитвой сердечной, имѣли бы изъ сердцѣ своею со Именемъ Его и Его Самого, Который не отѣдѣлимъ присущъ Имени Своему и, чтобы, такимъ образомъ, во исполненіи заповѣди Его «непрестанно молитесь» (1 Сол. 5, 17), мы, призываю Имя Его,—сими защищались, очищались, спасались, укрѣплялись, уѣщались, ибо «иѣсть иного Имени подъ небесами, данаго въ человѣкѣхъ, о немъ же подобаетъ счастися» (Дѣян. 10, 12). Аминь.

Итакъ, возлюбленные братіи и сестры во Христѣ,—«отъ стражи утренія до почи, отъ стражи утренія, да уловаетъ Израиль на Господна!» (Пс. 129, 5). Братія, Израиль—это вы всѣ православные! Да

¹⁾ Здесь слѣда си. Симеона И. Б. приведены по-русскому переводу, значительно измѣненному, въ греческомъ же подлиннику они еще категоричнѣе подтверждаютъ вышеизложенную мысль о Божествѣ Имени Божиихъ: «Слова человѣческия текучи и пусты, слово же Божіе живо, непреложно и дѣйственное — Богъ Истинный. Равныя земь и истина Божія» (Богословское Слово 62 е по греч.).

уповает на Господа,—значить, да исповѣдуетъ свою вѣру и надежду на Господа, да молится каждый христіанинъ безпрестанно, всегда и нездѣ, работаетъ ли, отдыхаетъ ли, сидитъ ли, идетъ ли—да произносить всегда изъ сердца своего Имя Иисусово и творить молитву Иисусову: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!—вѣру и не сомнѣвайся въ томъ, что со Именемъ Его и Онь Самъ не отдѣлимъ пребываешь въ сердцѣ, которое благоговѣйно призываешь Имя Его. Сие Имя есть залогъ спасенія нашего! Сие Имя есть то сокровище, о которомъ сказала Петъ хромому, когда тотъ попросилъ у него милостыни: «Сребра и золота нѣть у мене, но еже имамъ, сие ти даю: во Имя Иисуса Христа Назореа возстаніи и ходи» (Дн. 3, 6). Братья, дорожите этимъ безцѣннымъ сокровищемъ и не оставляйте его втуне!

(Было напечатано отдѣльнымъ листкомъ съ разрѣшениемъ Духовнаго Цензура).

V.

Копія съ акта о исповѣданіи вѣры во Имя Господа Иисуса Христа.

(Съ выраженіями по нему И. Антонія).

Тысяча девятьсотъ двѣнадцатаго года, Августа 20-го дня, мы, соправившіяся, старшая братія у нашего Отца Игумена¹⁾, настоятеля Священоархимандрита Мисаила, подъ его предсѣдательствомъ, для разсмотрѣнія возникшихъ споровъ въ нашей обители по поводу почитанія Имени Господа нашего Иисуса Христа, и пришли къ общему нашему согласію выразить нашу вѣру и исповѣданіе по этому вопросу въ слѣдующихъ словахъ:

Мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что Господь нашъ Иисусъ Христъ есть истинный Богъ—какъ выражено въ ученихъ Святыхъ Отецъ на Вселенскомъ Соборѣ въ Символѣ Вѣры, послѣ исповѣданія Перваго Лица Пресвятыя Троицы—Бога Отца—мы вѣруемъ во Единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божія, Единороднаго, Иже отъ Отца рожденаго прежде всѣхъ вѣкъ, Свѣта отъ Свѣта, Бога Истинна отъ Бога Истинна, Рожденна, Несотворенна, Единосущна Отцу, Име же вся быща. Насъ ради человѣка и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ, и восплотившагося отъ Духа Святыя и Маріи Дѣвы, и почеловѣчившагося. Распятаго же за насъ при Понтийскомъ Пилатѣ, и, страдавши, и погребенія, и воскресшаго въ третій день по Писаніемъ. И воспредна на небеса, и сѣдиша одесную Отца, и паки грядуща со славою судить живыми и мертвими, Его же Царствію не будетъ конца... (и прочее сего до конца). Такъ вѣруемъ

и мы сами и такъ заповѣдаемъ вѣровать и вѣсьмъ братіямъ нашей Св. Обители по сему Символу Вѣры и учению Православной нашей Матери Восточной Вселенской Церкви, не прибавляя и не убавляя, но вѣровать, что Господь нашъ Иисусъ Христъ есть истинный Богъ въ двухъ естествахъ неслитно, иераздѣльно, неизмѣнно, иеразлучно соединенныхъ.

(Весь этотъ членъ вѣры относится до неоспоримой вѣры во Второе Лице Пресвятыя Троицы, о чёмъ пререканія нѣть. Споръ же идеть о томъ—подобаетъ ли вѣровать во Имя Божіе и во Имя Господа нашего Иисуса Христа, по заповѣдіи Господней и въ свидѣтельству Апостола (1 Ин. 3, 23 и 1 Ин. 1, 12). И. А.).

Поэтому, когда произносимъ Его Пресвятое и Божественное Имя, т. е. Иисусъ Христъ, то представляемъ себѣ невидимое присутствіе Самаго Господа, и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Второе Лице Пресвятыя Троицы,

(Итакъ, этимъ исповѣданіемъ вѣры выражается вѣра только въ благодатное соединеніе Господа Иисуса Христа со Именемъ Своимъ, подобно благодатному соединенію и присутствію Господню на Св. Иконахъ. Но это невѣро, ибо слово Божіе есть Самъ Богъ по реченому: «Глаголы же Азъ глаголахъ вами, Духъ Суть и Животъ Суть», (Ин. 6, 63), про Св. Иконы же ингдѣ не говорится, что они суть Духъ и Животъ, т. е. Богъ; Имя же Божіе есть Самъ Богъ, какъ слово Божіе, ибо Самъ Богъ изрекъ Его наимъ. И. А.).

не отдѣляя Его Имени отъ Его Существа и не сливая.

(Нераздѣлніе несліяніе можетъ быть глаголено о тварной Плоти Христовой Во Имени же Христовомъ мы имѣмъ тварную, такъ сказать, болочку, т. е. звуки и буквы, которыми мы выражаемъ Истину. Сии звуки и буквы на каждомъ языке разны, и въ вѣчность они не передѣдуть, и не суть что-либо единое съ Господомъ Иисусомъ Христо мъ, почему когда мы, говоря о Имени, имѣмъ въ виду тварное слово человѣческое, коямъ выражается идея о Богѣ и о Христѣ, то умѣсто говорить о присутствіи Божіемъ во Имени Своемъ, когда же мы имѣмъ въ виду самое Имя, то оно есть сама Истина, есть Самъ Богъ, какъ Господь сказалъ о Себѣ: «Азъ есмь... Истина». (Ил. 14, 6). И. А.).

О Немъ же, по Апостолу, подобаетъ намъ спастись, *но честиво вѣрить Ему, и поклоняться Ему Самому Господу Богу.*

Въ сей вѣрѣ и исповѣданіи нашемъ молимъ и просимъ Господа нашего Иисуса Христа сохранить насть до конца нашей жизни, и получить вѣчную жизнь на небеси представительствомъ Пресв.

¹⁾ Пантелеимоновскаго монастыря.

Преблагослов. Владычицы нашей Богородицы, Его Матери, Приснодевы Марии и ходат. Св: Сл. В.-М. Пантелеимона Небесного Покровителя Свяще. Обители нашей Амвона.

(Итакъ, изъ этихъ словъ исповѣданія почитанія Именіи Господа Иисуса Христа, какъ сказано въ заголовкѣ, выходить, что собравшіе, обсудивъ, рѣшили, что почитать Именіи Господа Иисуса, и чествовать, и поклоняться ему, т. е. сему Именіи не подобаетъ, а только спасатся симъ Именемъ, но поклоняться же только Одному Богу, но отнюдь не Именіи. Итакъ, чѣмъ же это выходитъ, какъ не отдѣленіе Именіи отъ Господа? Этакого исповѣданія мы отнюдь не пріемлемъ. Если мы исповѣдѣемъ неотдѣльность Именіи Божія отъ Бога, то мы исповѣдѣемъ то, что оно есть Самъ Богъ, ибо есть Истина о Тріипостасной Истинѣ, слѣдовательно, тождественно воздаемъ честь, хвалу и поклоненіе, какъ Богу, такъ и Именіи Его, не отдѣляя того отъ другого. Итакъ, по подобию Варлаамовой ереси, что сущность Божія есть Богъ, а свойства и энергія Божія не есть Богъ, такъ и въ семъ случаѣ выходить по словамъ сего исповѣданія, что Богъ есть Богъ, а Имя Его не есть Богъ. Но сіе подпадаетъ подъ проклятие, о коемъ говорится: «Анаема тѣмъ, кому думаютъ, что одному только Существу Божію свойственно Имя Бога, а не энергія».—Поэтому слова сего исповѣданія слѣдуетъ исправить и добавить къ нимъ и измѣнить такъ: «Почему, поелику Имя Божіе и Имя Господа Иисуса Христа есть Самъ Богъ, то Святая Церковь, какъ то видно изъ всего Богослуженія, не дѣлаетъ различія въ возданії чести, и славы, и поклоненія, какъ Богу, такъ и Именіи Его, ибо все сіе нераздѣльно относится къ Самому Существу Божію». И. А.).

Второй вариантъ того же.

Тысяча девятьсотъ двѣнадцатаго года, Августа 20-го дня, мы, собравшіеся, старшая братія, у нашего О. Игумена, Настоятеля Священноархимандрита Мисаила, подъ его предѣдательствомъ, для разсмотрѣнія возникшихъ споровъ въ нашей Обители по поводу почитанія Именіи Господа нашего Иисуса Христа, и пришли къ общему нашему согласію выразить нашу вѣру и исповѣданіе по этому вопросу въ слѣдующихъ словахъ;

Мы вѣруемъ и исповѣдѣемъ, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ есть истинный Богъ—какъ выражено въ ученіи Святыхъ Отецъ на Вселенскомъ Соборѣ въ Символѣ Вѣры, послѣ исповѣданія Перваго Лица Пресвятаго Троицы—Бога Отца—мы вѣруемъ «во единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божія, Единороднаго, Иже отъ Отца рожденаго прежде всѣхъ иѣз., Свѣта отъ Свѣта, Бога Истинна отъ Бога Истинна, Рожденна, Несотворенна, Единосущна Отцу. Имъ

же вся быша. Иась ради человѣкъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ иѣсбесъ, и воплотившагося отъ Духа Святыи и Маріи Дѣвы, и вочекъ ловѣчіася. Распято же за ны при Понтийскомъ Пилатѣ, и страдавши, и погребена, и воскресшаго въ третій день по Писаніемъ. И восшедшаго на небеса, и сѣдящаго одесную Отца, и паки грядущаго со словомъ судитъ живыми и мертвыми. Его же царствіе не будетъ конца»... (и прочее сего до конца). Такъ вѣруемъ и мы сами и такъ заповѣдѣмъ вѣровать и вѣсьмъ братіямъ нашей Св. Обители по сему Символу и ученію Православной нашей Матери, Восточной Вселенской Церкви, не прибавляя и не убавляя, но вѣровать, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ есть истинный Богъ въ двухъ естествахъ, неслитно, нераздѣльно, неизмѣнно, неразлучно соединенныхъ. Поэтому, когда произносимъ Его Пресвятое и Божественное Имя, т. е. Иисусъ Христосъ, то представляемъ себѣ невидимое присутствіе Самаго Господа, и Бога, и Спаса нашего Иисуса Христа, Второе Лице Пресвятаго Троицы.

(Мы не согласны вѣровать только въ благодатное присутствіе Господа во Именіи Своемъ. Благодатно присущъ Господь и Иконѣ Своей, но во Именіи Его мы имѣемъ больше того. Имя Божіе есть Самъ Богъ Сынъ и Живый, по реченному Господомъ: «Глаголы, яже Азъ глаголахъ вами, Духъ суть и Животъ суть» (Ін. 6, 63).—Также и Св. Симеонъ Нов. Богословъ говоритъ о Именахъ Божіихъ: «Слова человѣческой текучи и пусты, слово же Божіе (т. е. слова, коими мы называемъ Бога)—живое и дѣйственное. Равнымъ образомъ и истина Божія (т. е. истина о Богѣ, глаголемая Именами Божіими)—есть паче ума и слова человѣческаго,—Богъ непреложный Сынъ и Живый» (Сим. Н. Б. Ч. 2, 108). Конечно, мы не называемъ Богомъ буквы и звуки, коими пишется или выговаривается Имя Божіе, ио самое слово истинное о Богѣ и есть—Самъ Богъ. И. А.).

Не отдѣляя Его Именіи отъ Существа Его и не сливая.

(Съ этимъ и мы согласны, ибо свойства Божіи и энергию Его нельзя ни разъединить, ни сливать съ сущностью Его. Но, хотя свойства Божіи именуемы Именами Божіими и не суть сущность Божія, но сущность Божія отъ свойствъ неотдѣльна, почему, какъ свойствамъ Божіимъ, такъ энергіи Его присуще Имя Богъ, какъ то и опредѣлено Церковью: «Анаема тѣмъ, кому думаютъ, что одному только существу Божію свойственно Имя Бога, а не энергія».

Итакъ, мы вѣруемъ, что Имя Божіе и Имя Господа Иисуса Христа, которые всѣ выражаютъ по смыслу своему истину о Богѣ, вѣруемъ, что они суть Самъ Богъ, по реченному: «Азъ съмъ Истина» (Ін. 14, 6). И. А.).

О немъ же подобаетъ намъ спастись (т. е. о Имени Иисусъ, по чествовать Его (т. е. только Самого Бога) и поклоняться Ему Самому Господу Богу.

На эти слова мы отнюдь не соглашаемся, ибо что же иное ими говорится, какъ не то, что Именемъ Иисусовыимъ спасаться должно, но покланяться Ему не должно, а только Самому Богу? Эти слова и суть ересь и раздѣленіе Имени Божія отъ Бога: ибо Церковь не дѣлаетъ различія въ томъ—покланяться ли Богу, или Имени Его, ибо всякое поклоненіе безразлично по неотдѣлимости Имени Божія отъ Бога пріемлется Самимъ Существомъ Божіимъ. Такъ, напр., въ молитвѣ іерейской на шестопсалміи говорится: «Благодаримъ Ти... вложившаго во уста наша слово хваленія, еже покланятися и призывати Имя Твоє Святое». (1-ая мол.)—«Благодаримъ Тя... яко поставилъ еси (насъ) въ поклоненіе честнаго Имени Твоего». (6-ая) «Благо есть исповѣдатися Господеви, пѣти Имени Твоему, Вышній». (на утр.) Итакъ, что же иное этими словами рѣшили на Соборѣ Старыхъ, какъ не то, что Божеское поклоненіе подобаетъ воздаватъ только одному Существу Божію, а не свойствамъ Его, именуемымъ Именами? Что же это есть иное, какъ не отдѣленіе Имени Божія отъ Бога? Итакъ, такое ученіе тождественно съ ученіемъ Варлаама, которое Церковь прокляла слѣдующими словами: «Анаема тѣмъ, комъ думаютъ, что одному только Существу Божію свойственно Имя Бога, а не энергія».—Посему въ словахъ Акта, что «О немъ же подобаетъ спастись, по чествовать и поклоняться Ему Самому Господу Богу»,—слово «но» отвергаетъ собою поклоненіе Имени и выражаетъ, что поклоняться и чествовать подобаетъ только одному Богу, а не Имени Его, и такимъ образомъ этимъ словомъ «но» вводится отдѣленіе Имени отъ Самого Бога, на что мы отнюдь не соизволяемъ, но если угодно Собору, чтобы установить единомыслие съ нами, то слово «но» слѣдуетъ замѣнить словомъ «и», и замѣнить сей членъ исповѣданія слѣдующимъ: «О Немъ же подобаетъ спастись, и Его же подобаетъ и чествовать, и поклоняться, какъ Самому Господу Богу». И. А.).

Въ сей вѣрѣ и исповѣданіи нашемъ молимъ и просимъ Господа нашего Иисуса Христа сохранить насъ до конца нашей жизни, и получить вѣчную жизнь на небеси. Представительство Пресвятой и Преблагословленной Владычицы нашей Богородицы, Его Матери, Приснодѣвы Маріи и ходатайствомъ Святаго Славнаго Великомученика и Цѣлителя Пантелеимона, небеснаго Покровителя Священней Обители нашей. Аминь.

Новое бѣссловіе имяборцевъ.

Въ 17 номерѣ «Русскаго Ионка» появились новое хуленіе Хрисанфа и новая клевета мон. Каллиника. Послѣднему мы уже имѣли случай отвѣтить на письмо его, еще тогда, когда оно появилось въ рукописи и показали ему, какъ онъ ошибается, возводя на исповѣдниковъ Имени Господня ту клевету, будто мы и о. Иларіонъ говоримъ, что Имя Божіе есть существо Божіе. Существо Божіе никто не опредѣляетъ, ибо оно непостижимо, но какъ мы знаемъ, что во Святыхъ Тайнахъ мы имѣемъ все Существо Божіе, хотя, какое это Существо, мы не въ силахъ постичь, такъ и во Имени мы исповѣдаемъ Самого Бога, но что такое есть Существо Его, мы не опредѣляемъ. Такъ же и о. Иларіонъ не думаетъ говорить, что Существо Божіе есть имя, но только, что Богъ присутствуетъ во Имени Своемъ.

Конечно, мы не винимъ о. Каллиника, ибо онъ не знаетъ столь хорошо по русски, чтобы рѣшиться на критику книги, предполагающей, что тутъ дѣйствовала иная другая личность, которая такъ перетолковала Каллинику смыслъ словъ о. Иларіона. Впрочемъ, пока эта личность не обнаруживаетъ себя явно, то и намъ нѣть нужды обнаруживать ее.

Итакъ, обратимся къ обзору статьи иона Хрисанфа. Вызвана эта статья появленіемъ въ апрѣльской книжкѣ журнала Андреевскаго Скита моей статьи: «О почитаніи Имени Божія». Въ этой статьѣ проводилась мысль о необходимости православнымъ съ особымъ вниманіемъ относиться къ соблюденію того, что заповѣдано намъ зею заповѣдою о благоговѣніи и страхѣ предъ Именемъ Божіимъ и приводились изрѣстныя слова о. Иоанна Кронштадтскаго, что Имя Божіе есть Самъ Богъ, почему и надо весьма бояться употребленія Имени Его всуе. Какъ видите, никакихъ полемическихъ и догматическихъ вопросовъ не было въ статьѣ затронуто, но для имяборца и это нестерпимо слышать, когда говорить о почитаніи Имени Божія какъ Самого Бога, почему иною Хрисанѣвъ въ богооборномъ и имяборномъ «Русскомъ Ионкѣ» не преминулъ дать свой гласъ.

Начинаетъ Хрисанѣвъ статью съ того, что говоритъ, что слова о. Иоанна Кронштадтскаго, что Имена Божія... «суть Самъ Богъ и низводятъ въ душу Самого Бога»..., что «въ Имени ты имѣешь все существо Господа»...—надо понимать не буквально, духовно. Съ этимъ мы вполнѣ согласны, ибо никто изъ насъ и не думаетъ называть Богомъ буквы. Но оказывается ии. Хрисанѣвъ въ дальнѣйшихъ своихъ словахъ и духовномъ пониманіе того что Имя Божіе есть Самъ Богъ отвергаетъ и объясняетъ эти слова батюшки о. Иоанна Кронштадтскаго тѣмъ, что у него де-умъ былъ не богословскій, вотъ по-

чему ему, какъ и многимъ другимъ, и казалось, что когда молишься и призываешь Имя Господа Иисуса, и получаешь умиленіе, то это отъ имени призывающаго происходит!—Слышиште, какая нелѣница! Когда ѿшь что-либо вкусишь, ужели ошибаешься и будешь думать, что посредствующая ложка такъ вкусна?! Такъ выходитъ и по богословскому, а вѣрѣ и по бѣссловскому уму ии. Хрисановъ, что Имя Господне не есть Самъ Господь, неотдѣлимъ отъ Своего Имени, какъ вѣрѣмъ мы и вся Церковь, а есть только какъ бы ложка посредствующая, которой подается въ ротъ кушаніе! И молиться иною Хрисаневъ учить такъ: взять ложку съ кушаніемъ—т. е. призвать Бога по Имени, а потому ложку вонзть изъ рта, —т. е. потому Имя Божіе хотѣ забудь! Но Святые Отцы не такъ учили: Лѣстничникъ учить заключать умъ въ слова молитвы Иисусовой, а слова сей молитвы суть Имя Его: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, слѣдовательно, это самое Имя и есть, по неотдѣлимости отъ Бога и Господа, то сладчайшее кушаніе, о которомъ Св. Григорій Синанть говорить, что молитва есть Самъ Богъ. Такъ же въ Святой Церкви весьма часто называется въ пѣснопѣніяхъ и Св. Отцы въ твореніяхъ Имя Иисусъ—сладчайший, конечно потому, что въ немъ Самъ Сладчайший Иисусъ, и Имя Его есть Онь Самъ, почему такъ и сладко оно для любящихъ Иисуса, а конечно не буки суть сладки.

Богословствуя, а вѣрѣ бѣссловствуя дальше, иною Хрисановъ доходитъ до того, что не признается того, что говорить о. Иоаннъ Кронштадтскій, что въ Имени мы имѣмъ все Существо Господа, онъ и вѣдѣющіе Божіе отвергаютъ. Онь говоритъ: «Во всемъ сущемъ Господь пребываетъ не по существу». Такъ что же, значитъ, Существо Божіе ограничено какимъ-либо мѣстомъ, подобно, напр., солнцу и испускаетъ всюду только благодатные лучи? Но это совершенное бѣссловіе. Богъ вездѣсущъ всѣмъ Существомъ Своимъ, все проходить все наполняетъ Собою, но только это Существо пребываетъ невидимымъ и неощущимымъ для твари, и непріобщаемымъ твари, пріобщаема же есть—дѣятельность и благодать, какъ говорятъ ниже и иною Хрисаневъ, но это разѣ исключаетъ пребываніе вездѣсущаго Бога вездѣ, а слѣдовательно во Имени Своемъ, также?

Затѣмъ ии. Хрисаневъ грозить намъ анаемой за то, что мы якобы сливаемъ и не различаемъ Сущности Божества отъ благодатнаго дѣятія Его, но на самомъ дѣлѣ въ нась и тѣни нѣтъ чего-либо подобнаго, но вѣтъ ии. Хрисаневъ воинисту самъ подпалъ подъ анаему:

1) «Анаема тѣмъ, кто приимаетъ, что всякая физическая возможность и энергія Божества есть созданіе». (Ана. З-я противъ Варлаама см. Житіе Св. Григорія, Син. 107)—Имя Божіе и Имя Господне не суть идеи тварныя, измышленыи человѣкомъ самимъ отъ себя, но суть истины Богооткровенныя, суть слово Божіе, ради котораго Сынъ воинистъ и на землю пришелъ, чтобы повѣдать людимъ Имя Свое и Имя Святой Троицы. Также и Имя Господи—гово-

Сый, не человѣкъ самъ отъ себя нарѣкъ, но Богъ открылъ Моисею—сначала у горящей купины, а потомъ въ полнотѣ смысла его на горѣ Синайской. Почему Моисей и называетъ: «Боговидѣцъ»; Моисей просилъ Бога явиться ему, но Богъ не явился очамъ Его, но вмѣсто Себя произнесъ въ слухъ Моисея Свое Имя, тѣмъ ясно свидѣтельствуя, что Имя Его и есть Онь Самъ. Итакъ: если всякая дѣятельность Божія есть Самъ Богъ, то, очевидно, и всякое слово, которое глаголаль Богъ—и чрезъ Сына, и Духомъ Святымъ чрезъ пророковъ и Апостоловъ, есть тоже Самъ Богъ, а кто мудрѣстуетъ о словахъ, напр., Писанія, что они суть слова обыкновенной человѣческой мудрости, облагодатствованной только Богомъ, то толькъ подпадаетъ подъ клятву вышесказанной анаемы. Также точно и толькъ, кто во Именахъ Божихъ и въ Имени Иисусѣ видитъ лишь простыя собственныя имена, а не Богооткровенныя Истины, толькъ подпадаетъ подъ клятву сей анаемѣ, какъ то и происходитъ съ ии. Хрисанеомъ.

2) «Анаема тѣмъ, кто думаетъ, что только одному Существу Божію свойственно Имя Бога, а не энергія». (Б-я анаема противъ Варлаама).—Варлаамъ говорилъ нѣкогда, что называть благодатный свѣтъ сердечный, котораго иногда сподобляются созерцатели,—«Богомъ» есть страшная хула. Такъ онь говорилъ, что называть свѣтъ Фаворскій Богомъ, тоже хула. Но Церкви опредѣлила, что всякое дѣятіе Божіе есть Богъ, т. е. неотдѣлимъ отъ Существа Божія, хотя и отлично отъ самой сущности. Итакъ свѣтъ на Фаворѣ именуется—Богъ, также и гласъ стъ неба на Фаворѣ—есть Богъ. Но что же проглаголаль гласъ Отчій съ неба на Фаворѣ, какъ не имя Сына?—«Ты еси Сынъ Мой возлюбленныи».—Итакъ, слѣдовательно, ии. Хрисаневъ, который не признаетъ возможнымъ называть Имя Божіе—Богомъ, отвергаетъ этимъ самимъ то, что Имя Божіе есть Истина Богооткровенна и дѣятіе премудрости и истины Божества, очевидно, подпадаетъ и подъ эту анаему.

Затѣмъ ии. Хрисаневъ возражаетъ и старается доказать ту мысль, что тексты Св. Писанія о Имени Божіемъ и Иисусовомъ не подобаетъ понимать въ прямомъ смыслѣ, а только въ переносномъ, въ доказательство чemu и приводятъ нѣкоторыя толкованія Св. Отцевъ. На это мы отвѣтимъ слѣдующе: всякий текстъ Св. Писанія, кроме тѣхъ, кои, или неудонопонятны, или приточны,—всякий текстъ Св. Писанія, а тѣмъ нача Св. Евангелия, мы должны понимать дословно. Толкованія же, которыя Святые Отцы даютъ текстамъ, отнюдь не отвергаютъ прямаго ихъ пониманія, но только развиваютъ и распространяютъ мысль текста. Кто же, отвергая прямой смыслъ текста, какъ ии. Хрисаневъ, и принимая лишь косвенный, ищетъ на это косвенному толкованію доказательство тому, что прямое пониманіе слова Божія не слѣдуетъ, толькъ есть такой же отмѣнѣ истины, какъ напр., Кальвинъ и реформаты, которые, напр.

прямой смысл слов: «сіє єсть Тѣло Мое» и «сія єсть Кровь Моя», — отмечают, и принимают только слова: «сіє творите въ Мое воспоминаніи». Такъ нѣкогда и діавол узять въ раю Адама не принять дословно словъ Божіихъ, что смертію умрете, если отъ запретнаго плода съѣдите... Св. Іоаннъ Златоустъ по этому поводу толкуя значение словъ Ап. Павла, что Апостолы пришли апостольской благодати: «въ послушаніи вѣры о Имені Его», — говорить: «Не сказалъ Павелъ для изслѣдований доказательства, но — въ послушаніе. Мы посланы, говорить онъ, не умозаключенія составлять, но передать то, что намъ вѣрбенно. Когда Господь возвѣститъ что-нибудь, то слушатели не должны перетолковывать слова Его и съ любопытствомъ изслѣдовати, но обязаны только принять ихъ. И Апостолы были посланы для того, чтобы передать то, что слышали, ничего не прибавляя отъ себя, чтобы и мы наконецъ уѣбралася?». Чему же уѣбралася? О Имені Его; мы не должны изслѣдовати сущности Его, но вѣровать во Имя Его, такъ какъ *оно творило и чудеса*. «Во Имя Иисуса Христа», говоритъ Петръ, — возстани и ходи» Дн. 3, 6 (г. 9, 49) — Но вотъ Хрисанѣтъ это именно и отмечаетъ, что Имя Господне творило чудеса, но отдаляетъ Имя Господне совершенно отъ Господа и утверждаетъ, что въ текстахъ евангельскихъ, какъ напр., «Да святится Имя Твое», «Именемъ Моимъ бѣсъ изгнанъ», и «бѣси повинуются намъ о Имені Твоемъ», «во Имя Иисуса Христа Назорея возстани и ходи»... — Имя Господне совершенно не при чемъ, а только было какъ бы возвѣщающимъ о Самомъ Господѣ, чудеса же сотворены Божественною силой Самого Господа! Это бѣссловіе монахъ Хрисанѣтъ дерзаетъ даже подтверждать толкованія Св. Отцѣвъ, перетолковывая ихъ неправильно, и дерзаетъ даже приводить въ доказательство своего бѣссловія и Св. Феодорита, и Св. Кирилла Иерусалимскаго! Показываемъ же, какъ на самомъ дѣлѣ понимали и какъ вѣровали во Имя Божіе сіи Св. Отцы:

Св. Кириллъ Иерусалимскій, приводимый ин. Хрисанѣемъ въ доказательство, что Имя Господне якобы не обладаетъ Божественной силой, но есть лишь посредствующая сила, говоритъ, толкуя молитву Господню: «Имя Божіе по естеству свято, хотя говоримъ, или не говоримъ, сіе». Также точно выражается онъ и о Самомъ Господѣ Иисусѣ Христѣ «Дѣйствительно. Онъ единъ Свѧтъ, Свѧтъ по естеству». (Твореніе изд. 1893: 298, 300) Видите, какъ отождествляется Св. Кириллъ Имя Божіе и Самого Бога: и Имя Господне и Самъ Богъ суть Свѧты по естеству.

Св. Феофилактъ, пытаясь, почему одно и тоже есть быть крещеннымъ во Имя Иисуса Христа или во Имя Отца и Сына и Св. Духа, говоритъ: «Имя Иисуса — есть Богъ, равно какъ Имя Отца и Сына и Свѧтаго Духа». (Твор. 66) — Св. Афанасій Вел., говоритъ: «Хотя и невозможно намъ понять, что такое Божія сущность, однако мы,

слыша слова — «Отецъ», «Богъ», «Вседержитель», — понимаемъ, что сінь означается не что иное, но самая сущность сущаго». (Ч. 4, 558) — Также и Св. Григорій Нисский говоритъ, что всѣ имена Божіи, которыми мы именуемъ Его, равнѣ именуютъ неименуемую сущность сущаго, почему: «когда скажутъ одно имѧ, которое либо (Божіе), этимъ самымъ одинаково произносится весь списокъ Именъ». (Ч. 2, стр. 412). Также и Св. Симеонъ Н. Бог. говоритъ: «Одно и то же Имя или свойство созерцается въ каждомъ Лицѣ и во всѣхъ трехъ. Такъ, напр., если назовешь (Бога) Свѣтъ, то и каждое Лице есть Свѣтъ». (Ч. 2, 73). — И въ другомъ мѣстѣ говоритъ: «И не только именуется (напр Свѣтъ), но и дѣйствительно производить то въ настъ (т. е. просвѣщаетъ души соотвѣтственно имени именемуому)... Слова человѣческія текучи и пусты (т. е. имена, которыми мы называемъ иногда Бога какъ напр., отецъ и сынъ, а иногда и людей Иисусами и Христами), слово же Божіе есть живое и дѣйственное. (т. е. всякая Богооткровенная истина о Богѣ, а также всякое Имя Божіе). Равнымъ образомъ и Истина Божія (т. е. та истина о Богѣ, по которой мы именуемъ Бога), есть паче ума и слова человѣческаго, — Богъ непреложный сій и живый» (тамъ же 107, 108) — О Божественности Имені Божія Св. Кириллъ Иерусалимскій говоритъ: «Для настъ даже трудно слышать Имя Его», (Твор. 76)

Св. Тихонъ Задонскій говоритъ: «Великое Имя Божіе заключаетъ въ себѣ Божественныя Его свойства, никакой твари не сообщаемыя, но Ему Единому свойственные, какъ то: единосущие и присносущие, всемогущество, благость, премудрость, нездѣсущие, всевѣдѣніе, правду, святость, истину, духовное существо и пр.» (Т. 3, кн. 2, 63—65) — Сіи собственныя свойства открываютъ намъ Духъ Святый въ словѣ Своемъ». — (тамъ же) — Итакъ, по учению ин. Хрисанѣа, всѣ эти Богословы, вѣроятно, не имѣли богословскаго ума, что называли и Имя Божіе Самимъ Богомъ, но ошиблись, приспивъ то ощущеніе, которое получали отъ Самого Бога — произносимому ими Имені Его!

Далѣ ин. Хрисанѣтъ совершенно отмечаетъ чудотворность Имені Господня и даже приводить въ доказательство неправильно понимаемые имъ тексты. Приведемъ же ясныя свидѣтельства Св. Отцѣвъ, который показываетъ намъ, что въ чудесахъ Имя Божіе, какъ неотдѣлимое отъ Бога, — оно исповѣдуется Святыми чудотворцами: Св. Афанасій Вел., толкуя ст. 1 пс. 53-го — «Боже, во Имя Твое, спаси мя и въ сильѣ Твоей суди мнъ», говоритъ: «Просить счасти не иными чѣмъ, но Именемъ Своимъ, поелку призываю Имя Твое, то сильмы Именемъ даруй мнѣ спасеніе». — Толкуя ст. 12 пс. 88, говоритъ: «О Имені Его возвращаются (т. е. Иисусовомъ), потому что Его Именемъ Его силою творили они все, что ни сотворено ими дивнаго». (Ч. 4, 206, 328).

Св. Феофилактъ говоритъ о семъ, такъ: «Довольно будетъ вамъ про-

изнести Имя Мое, чтобы желаемое получить отъ Отца. Итакъ, здѣсь показываетъ онъ силу Своего Имени, такъ какъ Его не будуть видѣть и не будутъ просить, а только назовутъ Имъ, и Онъ будетъ творить такія дѣла». (397)—Въ троцаряхъ канона на 30 Июня поется: «Апостолы исцѣленія творяще, Владыко, Твоимъ Именемъ. Наги и прости во языки послать еси Твой ученикъ: Вмѣсто оружія Твое Имя носяще Святое» (пѣсн. 1, 3). Вспомнимъ, наконецъ, что собранные вмѣстѣ Апостолы, когда возвратились къ нимъ Петру и Иоанну и повѣдали о прещеніяхъ іудейскихъ, помолились Богу пламенной молитвой, о чемъ же?—«Даждь... знаменіемъ и чудесемъ бывать, Именемъ Святыхъ Отрока Твоего Иисуса». (Дн. 4, 30). Вспомнимъ первую проповѣдь Петрову, когда онъ объявлялъ вслухъ Иерусалиму, что: «Всякъ, иже аще призоветъ Имя Господне, снастется». (Дн. 2, 21)—Но знаетъ ли до какого безумія въ своемъ бѣссловіи доходить ни. Хрисанѣ?—Онъ говорить, что во всѣхъ этихъ выраженіяхъ самое Имя Иисусъ не подразумѣвается. Итакъ, выходитъ по его бѣсловію даже то, что Имя Иисусъ, не есть Имя Иисуса Христа!!! Апостолы просятъ чудесамъ бывать Именемъ Иисуса, Петръ возставилъ хромото Именемъ Иисуса Христа и пр. безчисленныя чудеса Именемъ Иисуса содѣлялись. Лѣстничникъ говорить, что сильнѣе Имени Иисуса нѣть оружія на бѣсовъ ни на землѣ, ни на небѣ, но Иночъ Хрисанѣ иенавидитъ Имя Иисуса и не признаетъ Его!!! Ко всему этому ни. Хрисанѣ присовокупляетъ и ту хулу, что раздѣляетъ Единаго Христа на два лица, ибо имя «Иисусъ» относить къ человѣческому естеству Богочеловѣка. Но гдѣ раздѣленіе именъ, тамъ необходимо и раздѣленіе лицъ; гдѣ же нѣть раздѣленія лицъ, тамъ не можетъ быть и раздѣленія именъ. Такъ, напр., назови Государя Николая Александровича, хоть Самодержцемъ Всероссійскимъ, хоть Царемъ Казанскимъ, все тотъ же одинъ именоваться будетъ Государь. А у Хрисанѣ выходить, что если Господа именовать будешь Иисусомъ, то будешь именовати Иисуса человѣка!

Имя Иисусъ есть полнѣшее Богооткровенійшее Имя. Имя Иисусъ выражаетъ по немъ смыслу величія Имени: Господь, Сынъ Вышнаго, Спаситель людей Своихъ. Но какъ видно, этого великаго значенія Имени «Иисусъ» не признаетъ ни. Хрисанѣ, какъ не признаетъ его и архиепископъ Антоній, который выразилъ, что Имя Иисусъ равнинично именемъ Иисуса Сирахова, Навина, Госседена и другихъ, какъ выражали и здѣсь на Аѳонѣ нѣкоторые хулители, посыпали, глумясь, исповѣдующихъ Имя Иисусово поклоняться нѣкому монаху Иисусу, живущему на Капсалѣ и лежавшему, какъ говорить, въ больницѣ Пантелеимоновскаго монастыря. Но противъ такого хуления явно гласить катехизистъ: «Вон: Чесо ради они, иже прежде рождества Христова въ ветхомъ завѣтѣ три мужіе названы быша Иисусами. Отв.: Того ради, еже они суть образъ и подобіе Иисуса Истиннаго... уподобляются—Избавителю, а не изба-

вители, толкуется же «Иисусъ» —«Богъ избавить», зане тѣмъ самыи Именемъ довольно разумѣти даши, яко невозможно бѣ никому же отъ нихъ избавляти, точію единому Самому Богу... Сие есть Имя Иисусъ, ему же поклоняется и припадаетъ всяко колѣно: небесныхъ, земныхъ и пресиподихъ. Сие есть Имя Иисусъ, его же, аще кто призыває безъ сомнѣнія духомъ и истину, спасеніе будеть. Сие есть Имя Иисусъ, его же подобаетъ всѣмъ вѣрнымъ присне имѣти въ сердцѣхъ и во устѣхъ, во всѣхъ дѣлѣхъ своихъ, по Апостолу Павлу глаголющу, аще что творите, словомъ или дѣломъ, вси во Имя Господа Иисуса Христа творите, благодаря Бога и Отца о немъ. Тѣмъ Божественнѣмъ Именемъ избавленіе прѣятъ и вся враги наши противни побѣдити». (Кат. изд. 1874 г. лис. 4).—Слышице имѣборцы! Слышице исповѣданіе православное Имени Иисуса Христа?! Видите, какъ ваше мерзкое, бѣсовское учениѣ противно учению Св. Церкви! Но вотъ еще хула, которую подобаетъ обличить: Имя Иисусъ имѣборцы почитаютъ меньшимъ, паче всякаго имени потому, что, яко бы, оно наречено лишь при воплощенії!—Прочтите у пророка Эздры въ 3 кн. гл. 7. «Откроется Сынъ Мой Иисусъ... и умретъ Сынъ Мой Христосъ». (ст. 29).—Слышице вы, милицы, что Имя Иисусъ Господь получило только при зачатіи, сколько сотъ лѣтъ до зачатія Своего Оно уже именуется Духомъ Святымъ—Иисусомъ Христомъ, ибо не отъ зачатія, но отъ Предвѣчнаго Собѣта принадлежитъ Ему Имя Иисусъ, котоrое Онь Самъ и изрѣкъ Себѣ.

Иночъ Хрисанѣ приписываетъ намъ, будто мы во Имени Божиемъ видимъ какую-то самобытную силу,—это клевета и ложь: мы не особаго Бога во Имени Божиемъ вѣруемъ, но Того же Самаго Единаго Бога, нераздѣльного отъ свойствъ и дѣлѣствій, и Именъ Своихъ. Поэтому не допускаемъ именовать Имя Божіе ни силой самобытной, ни силой посредствующей. Вѣруемъ же, что Таинства силой Имени Божія совершаются, т. е. Самимъ Богомъ, присущими Имени Своему, какъ то засвидѣтельствовано Св. Кирилломъ Терп.: «Заклинательный слей при крещеніи призывають Бога (т. е. Имени Его) и молитвою пріобрѣтастъ такую силу, что изгоняетъ всѣ невидимыя силы лукаваго».—«Св. Миро сіе по призваніи (т. е. Имени Божія) не простое ую, но дарование Христа и Духа Святаго, отъ присутствія Божества Его (ради призванія Имени) содѣявшеся дѣлѣственіемъ».—«Хлѣбъ и вино Евхаристіи, до свят. призываю (т. е. Имени Божія) до стопоклоняемой Троицы, были простымъ хлѣбомъ, а, по совершеніи призываю, хлѣбъ дѣлается Тѣломъ Христовымъ, а вино Кровію». (Твор. 286, 290, 284). Итакъ, пока довольно лами сказано, кто хочетъ найти еще большее доказательство, пусть потрудится прочитать Апологію нашу. Ии. Хрисанѣ заканчиваетъ статью свою сравненiemъ нась съ буквѣдами фарисеями, со сравнеиъ падастъ на него самого, ибо онъ также иенавидитъ Имя Иисусово, какъ фарисен и Архіереи, затѣвшиe Апостоламъ даже именовать Имя Иисусъ.

Къ обличенію имѣборцевъ.

Разборъ статьи: «Письмо съ Кавказа», помещенной въ № 19-мъ «Русскаго Инона».

Имѣборная кампания «Русскаго Инона» противъ Имени Господня и каменометание въ о. Иларіона все еще продолжается. Прежніе хулители: архіепископъ Антоній, инонки Хрисанѳ и Динасій—замолкли, но вотъ выступаетъ на страницахъ 19-го номера «Рус. Ин.» новый аѳонскій ратникъ. Спрятавшись за псевдонимъ, онъ дерзаетъ, подобно Крыловскому ослу, копытомъ клеветы и хуления лягать престарѣлого подвижника—льва кавказской пустыни! Не трудно угадать, кто этотъ новый ратникъ, ибо на Аѳонѣ имѣборцы, пишущіе въ журналахъ,—наперечетъ; не трудно также доказать, что никакого письма сей писатель съ Кавказа не получалъ, цо сфабриковалъ оное самъ въ своей келіи. Что монахъ Климентъ¹⁾ никакого письма подобного съ Кавказа не получалъ, то этому доказательство то, что на Кавказѣ имѣборцы пустынниковъ нѣтъ, но всѣ единодушно исповѣдуютъ Имя Господне; во-вторыхъ, въ письмѣ перепутаны два подвижника: о. Иларіонъ никакого смѣшанаго скита не устраивалъ съ черничками и съ послушниками, но такой скитъ устроенъ иѣхімъ другимъ подвижникомъ, который руководилъ и женской обителью, и иѣхімскими своими послушниками; очевидно, что кавказецъ не могъ бы сѣдѣть такой ошибки, какую сѣдѣлъ монахъ Климентъ, собравшій сѣдѣнія о Кавказѣ отъ одного себѣжившаго изъ своего монастыря настоятеля, гостившаго здесь на Аѳонѣ. Итакъ, выбравъ самую скрытную маску, авторъ пытается очернить великаго подвижника нашихъ дней, клевеща на него, какъ на пьяницу и на женолюбца. Но знаете ли откуда сіе укореніе о. Иларіона въ нетрезвой жизни?—на Кавказѣ пустынники совершенно никакого вина не имѣютъ, престарѣлому же и ослабѣвшему тѣлесными силами и въ последніе времена сильно болѣвшему подвижнику, много лѣтъ не знающему даже и чая, нынѣ иѣхіоторые почитатели съ трудомъ доставляютъ иѣхімско бутылочки вина, которое онъ пьетъ весьма умѣренно, и это ли дасть поводъ укорять его въ нетрезвой жизни? Что, если бы онъ пилъ столько вина, сколько каждый обыкновенный монахъ выпиваетъ на Аѳонѣ въ монастыряхъ?—тогда бы онъ навѣрное прослылъ у монаховъ Клиmenta горькими пьяницей! Черничекъ около о. Иларіона тоже никакихъ нѣтъ. Кавказская пустыня простирается отъ Каспійскаго до Чёрнаго моря и отъ Кубанской области до персидской границы, и на этомъ пространствѣ, дѣйствительно, иѣхіоторыхъ мѣстахъ скрываются пустынницы, но вблизи о. Ила-

ріона изъ многія десятки верстъ ни одной пустынницы нѣтъ. Затѣмъ мон. Климентъ называется о. Иларіонъ «выскочкой»! Желаль бы я каждому быть такимъ выскочкой: около полувѣка сей «выскочка» монашествовалъ, всѣми силами вѣзыскивая соединиться и обрѣсти въ себѣ Христа, несъ много лѣтъ послушникомъ и безропотно въ монастырѣ, наконецъ, двадцать лѣтъ скрывался и подвизался, бѣдствуя въ пустынѣ и воистину обрѣль Христа, и нынѣ на концѣ днѣй рѣшился сообщить благодатные плоды своего молитвенаго опыта собратьямъ и соподвижникамъ во Христѣ! Тебѣ ли, жалкій, скытъ, новопостриженный монахъ, не изѣдавший даже слѣда подвига, не познавший даже тѣніи умной молитвы, тебѣ ли, жалисій о. Климентъ, называть сего старца, который тебѣ въ дѣды годится, а архіепископу Антонію, навѣрно, во отны—«выскочкой»! Подумай, не надаетъ ли сей камень тебѣ же на голову!

Затѣмъ о. Климентъ полагаетъ, что о. Иларіонъ проповѣдуется, говоря, что Имя Божіе есть—Самъ Богъ,—новое учение, а онъ, о. Климентъ,—пребываетъ въ отеческой вѣрѣ, но вѣръ въ то, что Имя Божіе есть Самъ Богъ. Разберемъ же насколько вѣръ называть о. К. учение о. Иларіона новымъ, и насколько онъ вѣръ считать себя приналежащимъ къ православной церкви. Определимъ же, во-первыхъ, понятие: Имя Божіе—Самъ Богъ: не значить это ни то, что буквы и звуки мы обоготворяемъ, не значить это ни то, что мы неименуему сущность Божества именуемъ и опредѣляемъ, и говоримъ, что сущность существа Божія есть имя; но значить это словесное дѣйствіе Божества, которое неотдѣлимъ отъ существа Божія, и именуется и есть по догматамъ церковнымъ—Богъ. «Анасема тѣмъ, кто принимаетъ, что Богъ не имѣтъ физической энергии, а только одно существо». «Анасема тѣмъ, кто думаетъ, что только одному существу Божію свойственно Имя Бога, а не энергія» (см. Житіе Св. Григорія Синаита стр. 107 постановленіе противъ Варлаама). Всѣкое слово Ипостаснаго Слова есть дѣйствіе, или энергія Слова, и есть слово неотдѣлимое отъ Изрѣкшаго его, и, слѣдовательно, неотдѣлимое пребываетъ каждое слово Господне отъ Тринитаснаго Бога, и поэтому, хотя каждое такое слово не есть сама сущность Сущаго, но есть словесное дѣйствіе Его и, слѣдовательно, по учению православной Церкви, есть и именуется Богъ; и анасема, отмѣтающимъ сіе! Итакъ, вотъ до какой анасемы довело о. К. его мненіе православное учение. Избави, Боже, всякаго отъ такого православія! Но изъ чего же заключило о. К., что онъ, отмѣтай вѣру во Имя Божіе, какъ въ Самого Бога, пребываетъ въ православіи?—изъ того, что у Св. Иоанна Дамаскіна опредѣленію не высказано о семъ предмѣтѣ, а также не вполнѣ опредѣлено высказано о семъ и въ новѣйшихъ катехизисахъ! Но исчерпывается ли учение православной Церкви книжкой Иоанна Дамаскіна и Катехизисомъ? Не вправѣ ли оказаться, напр., ученикъ младшихъ классовъ отмѣтать существование

¹⁾ О. Климентъ отрицаєтъ принадлежность статьи его перу.

тригонометрія на томъ основаніи, что въ его учебникѣ ариѳметики ничего про нее не сказано! Предыдущий ратникъ имѧборцевъ, ин. Хрисанѣвъ, отметилъ то, что Имя Божіе есть Самъ Богъ на томъ основаніи, что на тѣхъ страницахъ Св. Отцѣвъ, которыя онъ приводилъ про это не было сказано, но мы привели ему слова тѣхъ же Св. Отцѣвъ, написанныя на другихъ страницахъ тѣхъ же цитируемыхъ имъ книгъ, где было опредѣлено сказано, какъ, напр., ѡѳофилактомъ Болгарскимъ и Кирilloмъ Іерусалимскимъ, что Имя Божіе есть Самъ Богъ; иныѣ же о. Климентъ совсѣмъ отмѣтаетъ всѣхъ другихъ Отцѣвъ, у коихъ писано о томъ, что Имя Божіе есть Самъ Богъ, и указываетъ лишь на одного Иоанна Дамаскіна, у коего опредѣленно не сказано о семъ! Слабое и недѣйствительное доказательство! Итакъ, если о. К. минтъ доказать, что ученіе о Именіи Божіемъ, что оно есть Самъ Богъ,—есть ученіе—«новое», то ему придется уничтожить тѣ места въ книгахъ Иоанна Златоуста, Симеона Богослова и другихъ, въ коихъ прямо сказано, что Имя Божіе есть: «Богъ», есть «Самъ Богъ сый и живый», и пр., или совсѣмъ признать упомянутыхъ авторовъ неправославными! Если же этого сдѣлать мошахъ К. не въ силахъ, то придется ему самому сознаться, что онъ вналъ въ неправославную ересь вмѣстъ съ арх. Антоніемъ Волинськимъ и вмѣстъ съ ин. Хрисанѣвомъ и другими учеными, но ошибающимися имѧборцами. Затѣмъ м. К. говорить, что «имя не есть предметъ, или существо, но наименование». Воистину, обыкновенныи человѣческія имена не суть духовныхъ существъ, но отвлеченные наименованія, но Имя Божіе не есть безжизненное повѣтіе, но есть духовное существо, т. е. слово живое и дѣйствіе, неотдѣлимое отъ Святой Троицы. Посмотрите, что говорить Св. Тихонъ Задонскій объ Именіи Божіемъ: «Слava бо Именіи Божія вѣчна, бесконечна и неизмѣняема есть, какъ и Самъ Богъ, того ради ни умалится, ни умножится въ себѣ не можетъ. Великое Имя Божіе заключаетъ въ Себѣ Божественныи Его свойства, никакой твари не сообщаемыи, но Ему единому собственныи, какъ-то: единосущие, присносущие, всемогущество, бласть, премудрость, всезѣщущіе, всевѣдущіе, правду, святоту, истину, духовное существо (слышите о. К.) и пр... Сіи собственные свойства открываютъ намъ Духъ Святыи въ словѣ своемъ». (Т. 3 кн. 2, 64—65) Св. Тихонъ прославился уже нестѣльствіемъ и признаніемъ православной Церковью, какъ Святой, и, слѣдовательно, если вы, о. К., не довѣряете отцу Иоанну Кронштадтскому, который многократно повторялъ, что Имя Божіе есть Самъ Богъ, ибо о. Иоаннъ еще не признанъ Церковью какъ Святой, то вы должны вѣрить признанному Святыму, или самого себя счастье отпавшимъ отъ Церкви. Затѣмъ о. К. говорить, что онъ—любить произносить святѣшее Имя Іисусово, но не считается себя обязаннымъ вѣрѣть въ то, что оно и есть Самъ Онь Спаситель.—Жалко намъ бѣдного о. К., что онъ всуе труждається, ибо какая ему польза призывать Имя Господне и не вѣрить, что во Именіи

Его онъ имѣть и Его всего Самого! Затѣмъ онъ говорить, что, будто, для православнаго достаточно вѣровать въ Божество Самого Спасителя и нѣтъ нужды къ тому вѣрѣть еще во Имя Его, и что, будто, въ Писаніи обѣтъ этого нигдѣ не сказано, что требуется вѣра во Имя Божіе, какъ въ Самого Бога. Итакъ, этимъ отрицаніемъ о. К. отмѣтаетъ ясно выраженную заповѣдь Господню—вѣровать во Имя Его, о чёмъ ясно свидѣтельствуетъ Иоаннъ Богословъ неоднократно. Прочтите Дѣянія Апостольскія: съ чего начинаетъ Св. Апостоль Петръ свою проповѣдь, какъ не съ проповѣди о воскресеніи Господа изъ мертвыхъ и, во-вторыхъ, съ проповѣди о вѣрѣ во Имя Іисуса Христа. Вторично предъ людьми въ Церкви, по исцѣленіи хромого, Апостолъ таки проповѣдуетъ вѣру во Іисуса Христа вѣру во Имя Его, которое есть Имя, паче всякихъ Именій, которое всяки, иже аще призоветъ, спасетъ; также и предъ синедриономъ проповѣдуетъ Ап. Петръ и о Іисусѣ Христѣ, и о Именіи Его. Также и Филиппъ проповѣдувалъ «о Царствѣ Божіи и о Именіи Іисуса Христовѣ» (Дн. 8, 12). Также и Павелъ сначала боролся противъ проповѣди «о Именіи Іисуса Христовѣ», (Дн. 26, 9) а потому самъ проповѣдувалъ сіе Имя и исповѣдувалъ, что о Именіи Іисусовѣ всяко колѣно поклоняется. Вы минте, что сіе не слѣдуетъ понимать дословно, но ошибаетесь. Въ древности величайшимъ Именемъ почтальось Имя, откровенное Богомъ Моисею на Синаѣ, но пророкъ Йоиль предсказалъ о нѣкоесть новомъ Именіи, которое «всякъ, иже аще призоветъ, спасется».—Вѣть это—новое Имя и есть Іисусъ, какъ то исповѣдали и Павелъ, и Петръ, и Апостолы, проповѣдуя Христа, проповѣдували совмѣстно и о Именіи Его. Но что же проповѣдували?—проповѣдували, что призваніе спасительнаго Именіи Іисуса Христа, или вмѣстъ съ Нимъ Именіи Святой Троицы, сильне есть очищать крещающагося отъ всякаго прародительского и собственнаго содѣяннаго грѣха. Но кто же въ сіялахъ прощать грѣхи, какъ не Самъ Богъ? Слѣдовательно, тотъ, кто, увѣровавъ, рѣшился погрузиться въ воду съ призваніемъ надъ собою Именіи Іисуса Христосъ, во что же онъ вѣровалъ, какъ не въ то самое, что призываюше Имя и есть Онъ Самъ Іисусъ Христосъ, воскресшій изъ мертвыхъ. Нынѣ Именіи Іисуса Христа при погруженіи въ купель не признается, но Имя Отца и Сына и Св. Духа; но образно признается Имя Іисуса Христа, во-первыхъ, крестнымъ знаменіемъ съ именословнымъ перстосложениемъ при освященіи воды и, во-вторыхъ, троекратнымъ погруженіемъ въ воду, замѣняющими призываюше Именіи Іисуса Христа, ибо сіе троекратное погруженіе и есть образное призываюше Именіи Іисусова, ибо означаетъ Его тридневное погребеніе. Что наше толкованіе не есть проповѣдное, то подтвердить Св. Симеонъ Н. Богословъ и Св. ѡѳофилактъ Болгарскій, какъ мы показывали въ предыдущихъ нашихъ сочиненіяхъ, что Имя Іисуса Христа, равно, какъ и Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа—есть Богъ, почему и дѣлается крещеніе. Символъ Вѣры не

есть ли начертаніе Имені Божії? Итакъ, почему же въ концѣ прибавлено: «исповѣдую едину крещеніе по оставлениіе грѣховъ?»—не ясно ли дѣло, что потому, что исповѣдую вѣру въ Бога и, именуя Его определенными изъ Символа именованіями, мы должны вѣѣтъ съ тѣмъ вѣровать и въ то, что Имя Святой Троицы сильно есть очищать насть отъ грѣховъ въ купеліи крещенія. Вѣданіо о. Иларіона арх. Антоній и младенцы его лжуще поносять и рекутъ всяль золь глаголь вскіми именами: и «самомнікомъ», и «находящимъ въ прелесті», и «выскочкой», и самомнительнымъ «писакой», «невѣжей», пустившимъ въ богословіе, но, что можетъ быть болѣе самомнительнымъ, какъ сіе писаніе невѣжественнаго монаха, дерзающаго отмѣтать основную заповѣдь о вѣрѣ во Имя Господне, и воображать себя стоящимъ на камѣтъ православія! Подъ статьей надпись: «Свѣтъ Христовъ просыпаетъ всѣхъ!» Что такое есть Свѣтъ Христовъ?—Это есть словесное дѣйствіе Его, т. е. и слова Его ученичества, и Имена, откровенныя Имъ. Свѣтъ Христовъ отдѣлимъ ли отъ Христа? Нѣтъ! Свѣтъ Христовъ есть Богъ, или не Богъ?—Богъ, хотя и не самая сущность, но дѣйствіе отъ Существа неотдѣлимое. Итакъ, что же есть Имя Иисусово, какъ не Богъ!

VIII.

Отвѣтъ на открытое письмо архимандрита Иеронима.

Въ открытомъ письмѣ ко мнѣ архимандритъ Иеронимъ, игуменъ Андреевскаго скита на Афонѣ, убѣждаетъ меня «примириться съ церковью», съ которой я, по его странному мнѣнію, нахожусь въ ссорѣ изъ-за того, что прельстился якобы ученичествомъ Именіи Божіемъ, что оно есть Самъ Богъ, «самомніка» о. Иларіона, и перестать развращать моими сочиненіями Св. Гору Аѳонскую! Итакъ, во-первыхъ, отвѣчу, что я съ Церковью въ ссорѣ не нахожусь, ибо мои сочиненія одобрены многими подвижниками и въ Россіи многими богословами, о чьемъ я имѣю въ удостовѣреніе письма ихъ; сочиненія мои посланы мною и въ Св. Синодъ и Св. Патріарху и ни оттуда, ни отсюда я укора за нихъ не получаю; два моихъ сочиненія о Именіи Господнемъ подъ заглавіемъ: «О молитвѣ Иисусовой» и «Величить душа Моя Господа», изъ которыхъ проводится та же мысль, что Имя Божіе есть Самъ Богъ, одобрены и напечатаны съ дозволеніемъ духовной цензуры; статья «О почитаніи Именіи Божія» напечатана была съ благословеніемъ о. Иеронима и редактирована была редакторомъ его журнала! Итакъ, вѣрою, не мнѣ, но о. Иерониму нужда настоитъ примириться съ Церковью и со всемъ своею братію, возмущающеюся его имѣборными выходками. Напрасно также думаетъ о. Иеронимъ,

что я потому исповѣдую Имя Божіе Самъмъ Богомъ, что прельстился ученичествомъ самомніка о. Иларіона; если вы называете это учение прельщеніемъ, то знайте, что прелестью этого я прельстился не иными кѣмъ, но Св. Писаніемъ, Св. Евангеліемъ, псалтирию, словами Св. Златоуста, Св. Феофилакта Болгарск., Св. Симеона Нов. Богослова, Св. Афанасія Вел., Св. Григорія Синаита, Св. Кирилла Ерусалимскаго, св. Григорія Паламы: Св. Григорія Нисскаго, Св. Паисія Величковскаго, Св. Тихона Задонскаго, Св. Димитрія Ростовскаго, и наконецъ, о. Іоанна Кронштадтскаго и другихъ многоихъ. Этихъ Святыхъ Отцевъ слова я и привожу въ моихъ сочиненіяхъ, о коихъ вы изволите говорить, что ими я развращаю Святую Гору. Отвѣчу Вамъ на это словами Пророка Иліи: «Не развращаю азъ Израїла, но развѣ ты, и домъ отца твоего». (З. Цар. 18, 18). Вы вслѣдъ за архіепископомъ Антоніемъ повторяете несторианскіе хулы на Имя Господне, которыми и крестились, и рукоположились, и во Имя которое постриглись, и ради Именіи Котораго безмѣрное число разъ прощены бывали, и ради Именіи Котораго Тѣла, и Крови Господнихъ вкушали,—сіе спасительное Имя вы приравняли къ обыкновенному твариному имени члѣвѣческому и отрицаєте то, что оно не отдѣлимо соединено съ Богомъ, и, что въ немъ Самъ Богъ, и оно есть Богъ, какъ словесное дѣйствіе Божества! Вы называете себя монмъ доброжелателемъ и призываеете къ примиренію съ Церковью! Всесчастійшій Отче, вникните внимательно въ самого себя и въ слова Писанія и Св. Отець, которая свидѣтельствуютъ о Именіи Божіемъ и познайте свою ошибку, что вы «вшали въ разбойники» мысленные и впали въ ересь, и находитесь подъ анаемой той клятвы, которую Церковь прокляла Вардаама!

Что же касается до примиренія съ кѣмъ бы то ни было, то я лично ни съ кѣмъ не въ ссорѣ, если же кто считаетъ себѣ обижденіемъ рѣзкостю моихъ обычныхъ, то смѣреніо прошу простить меня, но «ревность дому Божіаго сиѣть Мя». Убѣдитесь, Отче, хулы на Бога и не отмѣтайте заповѣдь Господней: вѣровать во Имя Его. Простите. Бывшее Ваше духовное чадо.

Иеросхимонахъ Антоній.

3 ноября 1912 г.

IX.

Открытое письмо къ инокамъ Россійскихъ обителей.

Возлюбленные во Христѣ отцы и братія! Подобно тому, какъ въ древности, такъ и нынѣ попустилъ Господь Богъ возникнуть новой небывалой ересь. Зародилась сія ересь на Афонѣ изъ устъ иѣзукаго инока Хрисанфа, который осмѣялся похуить Имя Господа Иисуса, какъ не имѣющее Божественнаго до-

стоинства и Божественной силы, а распространителемъ сей ереси явился архієпископъ Антоній Волынський, который, одобравъ всѣ хуленія Хрисанфа, присовокупилъ къ нимъ и свои, что Имя Иисусъ не есть Богъ, что Имя Иисусъ равно именамъ разныхъ другихъ Иисусовъ, что вѣрить во Имя Иисусово, какъ въ Самого Бога есть хлестовница. Эти хуленія начатились съ благословенія арх. Антонія въ «Русскомъ Ионкѣ» за сей годъ и весьма многихъ повредили. Также повредили они и многихъ на Святой Горѣ. Но Богъ подвигъ искунѣйшихъ и ревностийшихъ на защиту Его Имени и, слава Богу, истина уже начинаетъ торжествовать, и хулители посыплены. Скорбя о томъ, что эти хуленія, читаемыя российскими иноками и инокинями, должны оказаться страшнымъ свой вредъ для многихъ, ибо «Русский Ионкъ» во всѣхъ монастыряхъ получается, мы, всѣ Аѳонскіе иноки разныхъ монастырей и келій, ревнующие о Божественной чести Имени Господа Иисуса напечатали иѣкоторы разъясненія и догматическая опредѣленія и послыаемъ ихъ вѣтъ. Кромѣ того, нами собраны изъ Святыхъ Отцѣвъ неопровергнутыя тексты в доказательства, что Имя Божіе и Имя Иисусъ есть воистину Самъ Богъ, какъ то свидѣтельствовали и Св. Іоаннъ Златоустъ и Св. Афанасій Вел., и Св. Симеонъ Н. Богословъ, и Св. Тихонъ Задонскій, и приснопамятный о. Іоаннъ Кронштадтскій. Редактируется учеными Богословами. Кто изъ васъ пожелаетъ опусть имѣть, пусть пришлетъ открытику, или письмо измѣнъ, и мы вышлемъ наложеннымъ платежемъ. Адр. нашъ: Аѳонъ. Келія Благовѣщенія Парфенія. Егерсхиомаху Антонію. (Воззваніе это съ приложеніемъ листка «Величить Душа Моя Господа» брошюрокъ: «О Молитвѣ Иисусовой и Истинѣ о Истинѣ», было разослано во всѣ монастыри въ концѣ Декабря 1912 г.).

X.

Разборъ жалобы, поданной архимандритомъ Иеронимомъ и его сторонниками на архимандрита Давида и всю братію Андреевского скита.

Высокопреподобнѣйшимъ отцамъ священнаго царскаго ставропигіального монастыря, что на Аѳонѣ.

Св. Гора Аѳонъ, 11 Января, 1913 г.

Братія Ватопедскаго Русскаго скита Святаго Апостола Андрея Первозванного.

Жалоба на архимандрита Давида и его единомышленниковъ. Живущий на покой въ нашемъ скиту, бывшій настоятель Кобьевского, въ Россіи на Кавказѣ, монастыря, архимандритъ Давидъ, подъ вліяніемъ книги «На Горахъ Кавказа», впалъ въ богохульную ересь.

(Эта жалоба была подана въ монастырь Ватопедъ съ 70 братскими подписями, одновременно съ тѣмъ, когда съ нашей стороны былъ представленъ листъ съ подписями 302 прочей братіи, съмѣнившей о. Иеронима и избравшей о. Давида).

Умышленно умолчано, что Арх. Давидъ есть единственный иныхъ ктиторъ скита.

О. Давидъ всей книги даже еще не прочиталъ. I. A.).

Ересь его состоится въ томъ, что онъ упорно утверждаетъ, что самое имя Второй Ипостаси Пресвятаго Троицы Сына Божія «Иисусъ» есть Самъ Богъ по существу.

(Въ этихъ словахъ жалобы, будто мы утверждаемъ Божество — «самого» имени, понимаемаго въ смыслѣ буквъ и звуковъ, — заключается завѣдомая и глупая клевета. Клименту и Иерониму прекрасно известно, что признавая Имя Господне (въ принадлежности его Господу) — Святымъ по естеству, — мы всегда поясняли, что это относится лишь къ той Божественной Истинѣ, которая Именемъ Господнимъ выражается, а не къ самому тварному сочетанію звуковъ, какъ то подразумѣвается въ жалобѣ, и какъ то и поняли греки. I. A.).

Что къ сему то имени Иисусъ и должно обращаться какъ, къ Самому Живому Богу.

(Извращеніе нашихъ словъ, ибо мы не учимъ видѣть во Имени Иисусъ какую либо самосущую силу, къ которой можно было бы обращаться отдельно отъ Бога, но учимъ вѣровать, что, призыва Господа, мы имѣемъ и Его Самого во Имени Своемъ во устахъ нашихъ и въ сердцахъ нашихъ, по словамъ Ап. Павла... I. A.).

Ибо по его архимандрита Давида учению и его единомышленниковъ это *самое* имя Иисусъ есть Самъ Богъ, что оно неотдѣлимо отъ Святѣйшаго Божіаго Существа, что оно съ Существомъ Божиимъ, съ Самиимъ Богомъ — едино.

(Опять клевета. Однако должны знать и имѣборцы, что Истинна Божія, свойства и дѣйствія Божія неотдѣлимы отъ Бога. I. A.).

Архим. Давидъ не только самъ косятъ въ этой ерсіи, но съ ревностию фанатика учить ей братію скита и уже многихъ увлекъ въ сіе богохульное учение.

(Ложь, ибо арх. Давидъ жилъ почти въ затворѣ и имѣлъ общеніе весьма мало съ кѣмъ. I. A.).

Несмотря на то, что безсмысличество и богохульство этого учения уже доказаны въ Бозѣ почившемъ Вселенскимъ Патріархомъ Кирилломъ грамотою отъ 12 Сентября 1912 г. за № 8522-мъ и Антониѣмъ, архиепископомъ Волынскимъ, статьею въ «Русскомъ Июле» 1912 г. № 10, как прилагаются при семъ,

(Из этого видно, что единственная опора имаборцевъ есть арх. Антоній, и этимъ вполнѣ подтверждается основательность жалобы нашей на то, что именно архиепископъ Антоній статьями своими зажегъ пожаръ имаборства на Аeonѣ.

Патріаршая грамота не можетъ быть формально признанной обязательной, ибо не пришла обычнымъ, законнымъ путемъ черезъ Протатъ, и кромѣ того въ подлинникѣ никому показана не была, и не подписана самимъ Патріархомъ. И. А.).

Архим. Давидъ, несмотря на помянутую грамоту Святѣшаго Патріарха, которая запрещаетъ чтеніе названной книги: «На Горахъ Кавказа», продолжаетъ совѣтывать всѣмъ читать эту книгу, какъ богоугодную и душеполезную. Такъ какъ архимандритъ Давидъ человѣкъ почти совсѣмъ безграмотный, то для успѣха въ пропагандѣ ереси восквальяетъ сочиненія своего единомышленника іеросхимонаха о. Антонія Булатовича, изъ коихъ излагается ученіе этой ереси, и совѣтуетъ читать ихъ, какъ истинное ученіе Церкви. Таковое дѣяніе архимандрита и распространяемой имъ ереси мы не можемъ терпѣть; но его единомышленники, сего Января, 9-го дня, самочинно, безъ разрѣшения правящаго собора старецъ скита,

(Хоть безъ разрѣшенія, ибо такового получить было невозможно, но при участіи половины соборныхъ старцевъ скита. И. А.).

Учниили незаконное сборище, оклеветали на немъ нашего Высокочтимаго, Достолюбезнаго, Высокопреподобнѣшаго отца архимандрита, вполнѣ православного дикея скита Иеронима въ неслыханной досѣрѣ ереси «имаборства», послѣ сего приступили къ выбору нового дикея, а 10 Января выбрали сего архимандрита Давида, насилино привлекаю всѣхъ братій къ выбору и подписи, запугивая ихъ разнаго рода наказаніями, преимущественно изгнаніемъ изъ скита, вслѣдствія чего многіе по своему малодушію подписались противъ своей совѣсти.

(Всѣ эти факты извращены, а послѣднія слова совсѣмъ неѣрны, доказательствомъ чего служить то, что при подписываніи братіей листа о смынѣ о. Иеронима присутствовали сами Ватопедскія власти, которыхъ о. Иеронимъ призывалъ для своей защиты, и которые нарочно приходили въ соборъ, где происходила подпись, чтобы провѣрить, нѣть ли какихъ насилий. И. А.).

Подъ вліяніемъ этихъ запугиваний многіе подписались, сами не зная къ чему подписывались, ибо содержаніе бумаги не всѣмъ было извѣстно. Достовѣрность сего можетъ установить слѣдствіе. Выше сказано было, что дѣяній архимандрита Давида и распространяемой имъ ереси мы не можемъ терпѣть, ибо богохульное ученіе послѣднѣй можетъ заразить не только весь скитъ, но и окрестность его, а посему находимъ необходимымъ архимандрита Давида удалить изъ скита, а если возможно, то и съ Аeonомъ, вымѣстъ съ его единомышленниками, въ чмъ смиренѣшіе и всеусердїшіе просимъ васъ, Высокопреподобнѣшіе Отцы, ради славы Божией и вѣчнаго спасенія душъ нашихъ, не откажитесь удовлетворить сию нашу сердечную просьбу, за что Господь Богъ нашъ вознаградитъ васъ Свою милостью въ сей и въ будущій вѣкъ. Вашихъ Высокопреподобнѣйшихъ послушники: (следуютъ подписи).

(Какъ разъ, наоборотъ, ибо заголовокъ подписи всѣмъ быть въ соборѣ громогласно прочитанъ, и наоборотъ, подъ приводимую здѣсь жалобу о. Иеронимъ и его единомышленники привлекали подписываться обманнѣмъ образомъ, скрывая содержаніе сей жалобы, что тоже можетъ выяснить слѣдствіе. Въ этой послѣдней просьбѣ прекрасно выражалась общая тенденція имаборцевъ, душить всякими законными и незаконными способомъ единомышленниковъ съ ними, направливая даже противъ настъ грековъ. И. А.).

XI.

Истина о Истинѣ къ предотвращенію имаборства¹⁾.

«Настави мя на истину Твою и научи мя, ико ты еси БОГЪ СЛАСЬ мои... Ради Именія Твоего, Господи, и очисти грѣхъ мой.»—(Пс. 24:5, 11).

Бесѣда икона Досифея съ старцемъ Амвросіємъ о новой имаборской ереси.

Однажды, бесѣдуя съ однимъ изъ старѣйшихъ нашихъ духовниковъ (55 лѣтъ прожившемъ на Аeonѣ) о современныхъ нашихъ Аeonскихъ нестроспіяхъ и разногласіяхъ относительно Имени «Іисусъ» и весьма скборя о томъ, что столь великий и уничтожительный мифъ о Имени Іисусовомъ и хуления на оное не только высказываются открыто начальствующими, и духовниками, и высокообразованными

¹⁾ Напечатано было отдельной брошюркой; въ ней «Бесѣда икона Досифея» принадлежитъ перу самого о. Досифея и есть точный и удостовѣренный пересказъ того, что съ нимъ произошло, и что онъ слышалъ отъ старца Амвросія.

монахами, но даже печатаются въ духовныхъ журналахъ, какъ то, напр., было въ «Русскомъ Ипокъ», гдѣ архиепископъ Антоній лично, на всю Россію возвѣстѣлъ, что Иисусъ постольку же не есть Богъ, поскольку и имена многихъ другихъ Иисусовъ (№ 10 1912 г.).—Итакъ, весьма скорбя о сихъ небывалыхъ хуленияхъ, я вопросилъ старца: «Отецъ мой, что же дѣлать мнѣ? Молчать ли, или изобличить хулиговъ Имени Божія? Но они суть власти имущие въ вашей обители и на меня тогда обрушатся разныя бѣды и гоненія?»—«Надо узнать волю Божію, и, узнавъ ее, действовать согласно ей», отвѣтилъ мнѣ духовникъ,—тогда совѣсть твоя мирна будетъ, чтобы съ тобой изъ этого не случилось!—«А какъ мнѣ узнать волю Божію?»—говорю я.—«Писано есть: вопроси отца твоего и возвѣстить тебѣ, старцы твои и рекутъ тебѣ» (Втор. 32, 7).—«Но, которого же отца вопроситъ мнѣ, который воинству могъ бы мнѣ открыть волю Божію?»—вопросилъ я.—«Въ Зографѣ есть великий старецъ, о. Амвросій, онъ одаренъ великою благодатию и даже пѣкогда только что умершаго и исчѣвшаго приобщиться воскресилъ и приобщилъ, онъ имѣть даръ прозорливства и есть воинсту старецъ благодатный, и ты можешь несомнѣнно вѣрить, что уста его будуть отъ воли Божіихъ устами. Давай помолимся и ступай къ нему, и какъ скажетъ, такъ и сотвори!»—Этотъ совѣтъ принялъ мнѣ весьма по душѣ, и такъ мы сѣдѣли, и на утро я пошелъ въ Зографѣ. Когда я поступалъ къ старцу, то оказалось, что онъ отдалъхъ, но клеймикъ почему то не поѣснился немедленно его разбудить, я же стоялъ въ дверяхъ. Пробудившись и еще не видя меня, но только вставая съ ложка и усаживаясь на стулъ, стольній старецъ говорилъ какъ бы про себя, но громко: «Надо читать Дѣянія Апостола Павла и подражать ему»

(Не хотѣлъ ли этимъ сказать старецъ, что надо подражать ревности Павловой въ подвигахъ за славу Имени Господня, о которой повѣствуется въ Дѣяніяхъ?).

Когда старецъ сѣлъ, то я подошелъ и поклонился ему до земли, онъ же, благословляя, снова произнесъ тѣ же слова: «Надо читать Дѣянія Апостола Павла и подражать ему!». Послѣ этого, посадивъ меня, онъ снова, какъ бы самъ про себя, промолвилъ: «Надо непрестанно молиться (т. е. молитвой Иисусовой). Безъ молитвы спастись нельзя. Надо непрестанно молиться. Невозможно спастись безъ непрестанной молитвы. Надо читать поученія Св. Отеца и провѣрять себя по немъ, а напиначе надо читать Дѣянія Апостола Павла—читать и подражать!». Эти слова онъ повторялъ нѣсколько разъ и, наконецъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «Что имѣшь ко мнѣ? Я почти глухъ и слѣпъ и ничего помочь вамъ не могу—старь уже!». Я передалъ ему письмо отъ моего духовника и письменное изложеніе причинъ моего прихода въ виду глухоты его и трудности бесѣдованія съ нимъ, но онъ отказался читать по причинѣ слѣповатости своей, тогда я сказалъ

ему, крича на ухо слѣдующее: «Великое у насть въ обители происходит смущеніе: іѣкій іер. А., а съ нимъ игуменъ, и намѣстникъ, и духовникъ О. А. и многое другое, говорятъ, что Имя Господа нашего Иисуса Христа, т. е. слово «Иисусъ»—есть лишь простое обыкновенное собственное имя человѣческое; не «Духъ и Жизнь», какъ говорить Господь, о словахъ Своихъ, но отвлеченное. Говорятъ, что не этимъ Именемъ творились чудеса, но называютъ его «Посредствующей силой». Говорятъ, что засвидѣтельствованные въ Писаніяхъ чудеса не силой Вожественной Имени Божія творились, но силою вѣры. Говорятъ, что Имя Господне призывающее въ молитвѣ служить лишь, какъ посредствующими сила, и само по себѣ не есть спасительно и на него уповать не подобаетъ, но, напротивъ того, есть величайшее, моль, беззаконіе надѣяться на Имя Господа Иисуса и обожать Его».—Старецъ крайне изумился и въ великому страхѣ сталъ креститься и говорить: «Отъ вѣка еще не бывали такие еретики! Имя Иисусъ такъ неразрывно съ Богомъ, что можно сказать, что Имя Иисусъ есть Самъ Богъ, ибо какъ можно отдѣлить имя отъ существа?—это невозможно. Имя Иисусъ есть истинный Богъ; невозможно спастись безъ Имени Иисуса. О еретикахъ же сихъ есть писано, что въ послѣднее время будуть еретики хуже первыхъ; эти то и суть тѣ страшные еретики, комъ сладчайшее и спасительное Имя Иисусъ опровергаютъ, то есть уничижаютъ, аки простое человѣческое и немощное, беззаконіе! Сие то есть страшная хула на Бога, ибо самъ Господь повелѣлъ почтить и все отъ него просить, ради страшного спасительного Имени Его Иисусъ». И Св. Апостолъ Петъръ сказалъ, что смыть только Именемъ подобаетъ намъ спастись!—Тогда я сказалъ ему: «Отче святый! Въ Апокалипсисѣ въ гл. 13, ст. 6 сказано: «И отверзъ онъ уста свои для хулы на Бога, и на Имя Его и селеніе Его, и живущія на небеси».—Не сказано ли это о сей ереси, хулящей Имя Божіе? Не суть ли жизни Его тѣ, которые стяжали Бога, всегда призываютъ Имя Его, какъ сказано: вы есть Храмъ Божій и Духъ Божій живеть въ Васъ» (І Кор. 3, 16)? Не суть ли живущіе на небеси тѣ, комъ достигли совершенства съ помощью непрестанной молитвы Именемъ Господнимъ и достигли созерцаній? Такъ ли я думаю?—На это старецъ отвѣтилъ: «Да, можно такъ думать, ибо есть написано, что самого антихристя на Аѳоїп не будетъ, ¹⁾ но будетъ слуги его ²⁾. То есть сіи то и суть слуги антихристы, ибо они носятъ Святѣйшее Имя Божіе!».—Тогда я сказалъ: «Какъ же намъ быть и что мнѣ дѣлать? Молчать ли и ждать, каковъ будетъ конецъ, или говорить и писать въ обличеніе ихъ заблужденій?»—На это онъ отвѣтилъ: «Нынѣ у людей принято такъ: гдѣ надо молчать, тамъ они много говорятъ, а гдѣ нельзѧ молчать, тамъ они молчать, будто это до нихъ не касается, это очень пехорошо,

¹⁾ Т. е. Аѳоїп до пришестія антихristа погибнетъ.

²⁾ Предтечи, ересіархи.

а иногда и пагубно. Вамъ же молчать объ этомъ нельзѧ, но надо и говорить, и писать во славу Имени Божія. Но только не спорить, ибо споръ не есть отъ Бога. Если же дѣло будетъ до спора, то лучше оставь и отойди отъ зла, и сотвориши «благо». — Я сказалъ: «Но если я такъ буду дѣлать, то меня изгонятъ, и останусь безъ всего; чѣмъ я жить тогда буду?» — «Богъ покроетъ васъ Своемъ благодатию и нужды не будетъ, ибо блаженъ суть стоящіе за Имѧ Господне и изгнаные правдами ради». — Услыхавъ отъ меня объ одномъ исповѣднику Имени Господня, который нѣсколько потерпѣлъ за Имѧ Господне, старецъ просіялъ радостной улыбкой, и, взглянувъ на Образъ Спасителя и перекрестившись, сказалъ: «Блаженъ изгнанные правды ради, яко тѣхъ есть Царствіе Небесное!» — Затѣмъ, обратившись ко мнѣ паки, сказалъ: «Не бойтесь! Богъ васъ покроетъ и пропитаетъ, и спасетъ всѣхъ, мучественно стоящихъ за Имѧ Господне».

Сіе все и счель долготѣ описывать и обнародовать, утверждая честными монашескими словомъ, что описать все безъ всякаго прибавленія и прикраски, какъ было, дословно; въ удостовѣрение чего и подписываюсь. Сх. Досией, Пантел.: Мон., 2 Ав. 1912 г.

Исповѣданіе вѣры во Имя Божіе въ вопросахъ и отвѣтахъ.

Вопросъ: Что такое есть Имя Божіе?

Отвѣтъ: Понятіе Имени Божія есть всеобъемлющее. Имя Божіе, во-первыхъ, означаетъ Изображеніе, Определеніе или Наименование неименуемаго тварю Отчаго Существа, его же вѣсть и глаголеть только Слово и Сынъ *). Во 2-хъ, Имя Божіе есть именование Бога словесною тварью по тѣмъ свойствамъ Божій, которыя Богъ проявилъ въ твореніи и міробыти. Въ 3-хъ, Имя Божіе суть тѣ Богооткровенныи истины о Богѣ, которыя Самъ Богъ открылъ о Себѣ Духомъ Святымъ, чрезъ пророковъ и Апостоловъ, а также устами воплощенного Слова и Сына. Въ 4-хъ, Имя Божіе означаетъ иногда и славу Божію, которую Богъ — прославилъ Имя Своє,— т. е. Себя Самаго предъ очами словесной твари Своей. Въ 5-хъ, Имя Божіе и слава Его есть и то, когда словесная тварь прославляетъ Имя Творца Своего, волею повинуясь заповѣдямъ Его и являя саму жизнью своей вѣру, надежду и любовь къ Создателю и Благодѣтелю своему.

Вопросъ: Что такое есть вѣра во Имя Божіе?

Отвѣтъ: Вѣра во Имя Божіе и Имѧ Господа Иисуса Христа есть заповѣдь, которую далъ намъ Самъ Господь, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Ап. Иоаннъ Богословъ: «И сія есть заповѣдь Его, да вѣремъ во Имя Сына Его Иисуса Христа...» (Ін. 3, 23) — «Не вѣруй,

уже осужденъ есть, яко не вѣрова во Имя Единороднаго Сына Божія». (Ін. 3, 18) — «Елици же пріяца Его, даде имъ областъ чадомъ Божіимъ быти, вѣруючи во Имя Его». (Ін. 1, 12). Сіи тексты имѣютъ весьма много толкований, но, во-первыхъ, ихъ подобаетъ понимать, какъ говорить Златоустъ, дословно: «Когда Господь возвѣститъ что-нибудь, то слушатели не должны перетолковывать словъ Его и съ любопытствомъ изслѣдовывать, но обязаны только принять ихъ. И Апостолы были посланы для того, чтобы передать то, что слышали, ничего не прибавляя отъ себя, чтобы и мы, наконецъ, уѣровали». Чему же уѣровали? — О Имени Его. — Мы не должны изслѣдовывать Сущности Его, но вѣровать во Имя Его, такъ какъ Оно творило и чудеса». (Томъ 8 стр. 492).

Вопросъ: Во чѣмъ именно во Имени Божіемъ подобаетъ вѣровать?

Отвѣтъ: Во-первыхъ, подобаетъ вѣрить въ истинность Имени Божія, т. е. въ то, что Богъ и на самомъ дѣлѣ есть таковъ, какъ Его Имя Божіе именуетъ. Во-вторыхъ же подобаетъ вѣровать, что призываемое Имя Божіе не есть одно только простое и текущее человѣческое слово, но вѣровать, что оно неотдѣлимо отъ Самаго Бога и есть «Самъ Богъ, Сый и Живъ», есть — «Духъ и Животъ», какъ и всякое слово Божіе. — Въ-третьихъ подобаетъ вѣрить, что призываемое Имя Божіе есть вся побѣждающая и вся содержащая Божественная сила, которой держится міръ, какъ то открыто Апостолу Эрму Ангелъ: «Имя Сына Божія велико и неизмѣримо. Оно держитъ весь міръ». (Кн. Эрма подоб. 9, гл. 14).

Вопросъ: Гдѣ же въ Евангеліи писано, что Имя Божіе есть Самъ Богъ?

Отвѣтъ: Писано, что всякое слово Господне есть Самъ Богъ: — «Глаголы, яже Азъ глаголахъ вамъ, Духъ суть и Животъ суть». (Ін. 6, 63). Если глаголы Господни суть «Духъ и Животъ», то чѣмъ же меньше суть тѣ Его глаголы, которыми Господь называетъ наименование Отца, Сына и Святаго Духа и Самаго Себя — Иисуса Христа? Если Имя Божіе и всякий глаголь Божій есть Духъ и Животъ, то что же это значить иное, какъ не — Самъ Богъ? Ибо есть ли что подъ небесы, что было-бы Духомъ и Жизнью, и не было бы Богомъ? И еще говорить Господь: «Азъ рѣхъ: бози есть... Оныхъ рече боговъ, къ nimъ же слово Божіе бысть». (Ін. 10, 34). Этими словами Господь ясно говорить, что слово Божіе есть обоготворяющеъ человѣковъ, а если обоготворяющеъ, то что есть иное, какъ не самъ Богъ? — И еще сими словами Господь ясно свидѣтельствуетъ, что Имя Божіе, какъ и всякое слово Божіе есть — Самъ Богъ: «Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ». (Мо. 4, 4) — То есть Слово Божіе, а слѣдовательно, и Имя Божіе — суть животворящее.

Вопросъ: Писано ли въ догматахъ Церковныхъ, что Имя Божіе есть Самъ Богъ?

*) «Имя бо Бога и Отца существенне и ипостасне пребывающе есть Единородный. Сынъ» (Св. Макарій Исповѣдникъ. Толк. на мол. Отче патр., стр. 15. изд. 1853 г.).

Ответъ: О вѣрѣ во Имя Божіе спорѣ еще никогда въ Церкви не возникалъ, ибо никто еще изъ ерсіарховъ хулы на Имя Божіе не воздвигалъ и сомнѣнія изъ томъ, какъ мы то видимъ у Святыхъ Отцевъ, что Имя Божіе и Имя Иисуса есть Самъ Богъ, дослѣдъ не было, почему особой догматизаціи и не требовалось, но тѣмъ не менѣе Церковь предаетъ анаѳемѣ Варлаама, который отрицалъ Божество Свѣта Авторского и слѣдовательно и Гласа Отчаго—«Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благозвонихъ», и отрицалъ то, что и дѣйствія и силы Божіи суть Самъ Богъ. Пятая анаѳема противъ Варлаама гласитъ такъ:

«Также тѣмъ, комъ вопреки Божественнымъ словамъ Святыхъ и поиніанію Церкви думаютъ и говорять, что только обѣ одной сущности Божіей говорится Имя Божество и не испытываютъ того, что отнюдь не меньшимъ почитается и Божественное дѣйствіе (какъ сказано по гречески «энергія»), какъ тому научаютъ настъ Божественные Таинники, почитающи равночестными во всѣхъ отношеніяхъ, какъ сущность Отца, и Сына, и Святаго Духа, такъ и дѣйствіе ихъ—анаѳема»—(постная Тріодъ греческая, пѣдѣя правосл., 5-ая анаѳема).¹⁾

Вопросъ: Что значитъ дѣйствіе Божіе, или, какъ въ греческомъ подлиннику сказано—«энергія» Божія?

Ответъ: Дѣйствія Божія означаютъ благодатныя проявленія свойствъ Божіихъ. Они могутъ быть ощущимы для твари. Сущность Божія не можетъ быть восприемлема тварью, иже именуема ею, но свойства Божія по дѣйствію Божію могутъ быть благодатно ощущимы тварью. Такъ напр., человѣкъ по дѣйствію Благодати Божіей можетъ опытно ощутить, что Богъ есть Любовь, что Онъ есть Миръ, что Онъ есть Радованіе, что Онъ есть Премудрость, на-конецъ, что Онъ есть Свѣтъ и что Онъ есть Истина. Всѣ эти дѣйствія Божія бывають большою частію ощущимы лишь въ тайнѣ серда, но иногда ощущимы и органами чувствъ, какъ, напримѣръ, на Аввотъ-видѣніе Апостоламъ Свѣта, и слышаніе ими Гласа; или слышаніе Гласа Отча при входѣ Господнемъ во Йерусалимъ; или видѣніе Свѣта и слышаніе Павломъ: «Азъ есмь Иисусъ...». Всѣ эти ощущимыя дѣйствія Божія суть по Апостолу—«Тойже Богъ»²⁾. Самъ Богъ, поэтому,—суть всѣ Евангельскія Истини и всѣ Истини Святаго Писанія; Самъ Богъ есть на основаніи сего церквонаго опредѣленія и Имя Иисуса, и Имя Божіе, ибо они суть Истини Богооткровленія, и проклятие Церковью тотъ, кто думаетъ иначе.

Вопросъ: Писано ли у кого изъ Святыхъ Отцевъ, что Имя Божіе есть Самъ Богъ?

¹⁾ Текстъ этой анаѳемы на греческомъ языке не поддается дословному переводу и поэтому нами сделанъ переразъ. Ред.

²⁾ 1 Кор. гл. 12-я.

Ответъ: Писано у многихъ. Такъ напр., Св. Симеонъ Новый Богословъ ясно говоритъ о семъ, что хотя мы называемъ Бога именами, которыми также и человѣкъ называетъ, какъ напр., и отцами, и сыновами, и Иисусами, но, когда сіи слова глаголются о людяхъ, то они суть просты и безжизнены, когда же этими именами мы именуемъ Бога, или истинного Иисуса Христа, тогда и Имена эти суть Самъ Богъ Сый и Живы: «Слова человѣческія текучи и пусты. Слово же Божіе (т. е. слова, коими мы именуемъ Бога и Иисуса Христа)—живое и дѣйственное. Равнымъ образомъ и истина Божія (т. е. истина о Богѣ, выражаемая именами Божіими)—есть паче ума и слова человѣческаго,—Богъ непреложный, сый и живыъ». (Сим. Н. Б. Ч. 2, 108).³⁾ О непреложности сей вѣры во Имя Божіе и во Имя Иисусъ написа явствуетъ изъ Богослужебныхъ молитвъ, и пѣснопѣній, и изъ Псалтыри, ибо Церковь безразлично обращается, то къ Самому Богу, то къ Имени Его, не отдѣляя Бога отъ Имени Его.

Вопросъ: Изъ какихъ молитвъ это видно?

Ответъ: Изъ всѣхъ многихъ, какъ, напр., «Благодаримъ Тя.. вложившаго въ уста наша слово хваленія, еже поклонитися и призываи Имя Твое Святое» (1 мол. на шестопсалмій),—или: «Благодаримъ Тя, яко поставилъ еси настъ въ поклоненіе Честнаго Имени Твоего». (6-ая) —Или: «Благо есть исповѣдатися Господеви, пѣти Имени Твоему Вышній». (Въ концѣ утрени).

Вопросъ: Если Имена Божія и суть Самъ Богъ, ибо въ нихъ глаголется Божественная истина о Богѣ, то Имя Иисусъ есть ли тоже, Богъ, ибо, это Имя есть имя общечеловѣческое, коимъ, какъ прежде, такъ и нынѣ именуются люди?

Ответъ: Имя Иисусъ означаетъ ту истину, которая есть паче всѣхъ истинъ, и дороже всѣхъ человѣкъ, а именно, что Самъ Богъ спасетъ падшаго человѣка, ибо Имя Иисусъ tolkutъ: «Богъ—Спаситель». —О томъ же, какая разница во именахъ между Именемъ Иисуса истиннаго Бога, и другихъ не истинныхъ Иисусовъ человѣкъ, писано въ Катехизисѣ 1874 г.: «Иисусъ Навинъ, Иисусъ Сынъ Сираховъ и Иисусъ Иоседековъ» суть образъ и подобіе Иисуса Истиннаго... «его ради имена сіи три Имени Иисусову уподобляются—Изба-

³⁾ Въ греческомъ подлиннику это еще болѣе определено высказано: «Богъ есть Свѣтъ и Свѣтъ беспрядѣльный, и что въ Богѣ—Свѣтъ есть...». Такоже и то, что отъ Бога—Свѣтъ есть... Христосъ, Иисусъ, Спасителъ и Царь всео—Свѣтъ есть... Господъ—Свѣтъ.. Учителъ—Свѣтъ... Будучи Събоямъ непрѣиступныи и предъчными какоиимъ Свѣтъ именемъ и мнози Имена и имеются всѣмъ тѣмъ, что мы сказали и еще большими и не толко именуемся, но и дѣйственными производна имена съ самое... Хотя и о насъ говорится многое подобное (т. е. и людѣй называютъ, и отцами, и сыновами, и прочими именами, какъ мы прилагаемъ Богу I. A.), но о настъ говорится, какъ о людяхъ, а о Немъ, какъ о Богѣ... Богъ именуєтъ—Отцемъ, отцами именуютъ и людѣи... Слова человѣческія текучи и пусты, слово же Божіе живо, непреложно и дѣйственное, Богъ Истинный. Равнымъ образомъ Псемма Богъ—паче ума и слова человѣческаго.—Богъ бесмертный, неизлѣчимый, непреодолимый и живыъ. См. Слово 62-е.

вителю,—а низбавители (т. е. хотя тѣ Иисусы и именовались Иисусами, т. е. Избавителями, но истинными избавителями не были, ибо для этого надо было воистину быть и истинным Богомъ). Толкуется же *Iисус*: «Богъ избавитъ», за неже тѣмъ самимъ Именемъ довольно разумѣти даши, яко невозможно бѣ никому же отъ нихъ избавляти, токмо единому Самому Богу, иже плоть человѣчу пріемльшему, и бысть роду человѣчу Истинный Богъ Избавитель. Сie есть Имя *Iисус*, ему же поклоняются и припадаетъ всяко колѣно небесныхъ, земныхъ и пренесподнихъ. Сie есть Имя *Iисус*, его же аще кто призываєтъ безъ сомнія духомъ и истину, спасень будеть. Сie есть Имя *Iисус*, его же подобаетъ всѣмъ вѣрнымъ присно имѣти въ сердцѣхъ и во устѣхъ, во всѣхъ дѣлѣхъ своихъ, по Апостолу Павлу, глаголющему: «Аще что творите, словомъ, или дѣломъ, вси во Имя Господа Иисуса Христа творите, благодарюще Бога и Отца о Немъ». Тѣмъ Божественному Именемъ избавленіе пріятъ и вси враги наша противны побѣдити». (Листъ 4-ый) Имя *Iисус* таинственно выражаетъ собою полное имя Второго Лица св. Троицы и сie ясно истилковалъ Архангель, который, возвѣстивъ о зачатіи *Iисуса* и о именованіи Его Именемъ симъ, тогда же истилковалъ Дѣвѣ Маріи и Іосифу также смыслъ имени *Iисус*: «Сей будетъ Велій (т. е. Господь Богъ) и Сынъ Внѧшня наречется, и дастъ Ему Господь Богъ престоль Да-вида Отца Его (т. е. будеть Онъ истиннымъ Христомъ)¹⁾—«Той бо спасетъ люди Своя отъ грѣхъ ихъ»²⁾.—Также и Господь засвидѣтельствовалъ о Себѣ, что имя Его *Iисус* означаетъ Сына Бога Жи-ваго, ибо, когда Петъ исповѣдалъ Его «Христомъ, Сыномъ Бога Жи-ваго», то Господь запретилъ кому либо открывать, что Онъ есть истинный *Iисус* т. е. Сынъ Бога Жи-ваго. «Запрети Иисусъ ученикомъ Своимъ, да никому же рекутъ, яко сей есть *Iисус* Христосъ». (Ме. 16, 20).

Вопросъ: Какъ же дерзаютъ нѣкоторые, даже высшія церковныя лица уничижительно выражаться о Имени Иисуса и приравнивать его къ именамъ разныхъ другихъ Иисусовъ?

Отвѣтъ: Господь сказалъ: «Обаче Сынь Человѣческій пришедъ, обрящетъ ли си вѣру на земли?» (Лк. 18, 8). Также и въ откровеніи Иоанна Богослова ясно предсказано, что передъ концемъ временъ возстанетъ ересь, хулиѧ Имя Господне: «И дана быша емуusta, глаголюща велика и хульна...—хулиѧ Имя Его (т. е. Божіе), и селеніе Его, и живуща на небеси». (Откр. 13, 6). Сія тайна беззаконія уже давно дѣлается и пріечестіе истинного антихриста подготовляется, но до сего времени еще никто не дерзатъ уничижать Имя Иисуса, а нѣкъ хулители простерли дерзкую руку свою и на сie Божественное Имя. Впрочемъ, и при св. Аѳанасіи Великомъ были нѣкіе, которые

уничижали Имя Христосъ, подобно тому, какъ пытъ уничижаютъ Имя Иисусъ, и говорили, что Христосъ есть обыкновенное имя «Помазаникъ» и относится лишь къ человѣчеству Христону. Симъ хулители звали св. Аѳанасія отпілать такъ: «Если пытъ неотдѣлимъ отъ Слова, то не необходимо ли симъ еретикамъ отложить заблужденіе и поклониться, наконецъ, Отцу о Имени Господа нашего Иисуса Христа, а не поклоняющихся и не служащихъ Слову, явившемуся во плоти, повсюду извергать, и причислять не къ христіанамъ, по къ язычникамъ» (Ч. 3, 349). «Христосъ именуется такъ не единовидно (т. е. не только, какъ человѣкъ, какъ Помазаникъ), но что въ семъ однозъмени Имени заключается значение того и другого, и Божества, и Человѣчества. Ибо тѣхъ, можетъ быть, которые называютъ христами не въ собственномъ смыслѣ и можно разматривать, какъ вы полагаете, (т. е. человѣками. И. А.), но единий по естеству истинный Христосъ (также, какъ и Иисусъ, однѣнъ только истинный. И. А.), неописуемъ чловѣческими разумомъ, какъ вы на это осмыслились въ своей иудиности!» т. е. приправить его, т. е. Имя Его Христосъ, къ именамъ прочихъ христовъ — помазаниковъ (тамъ же 374).

Вопросъ: Почему Ап. Павелъ называетъ Имя Иисусъ Именемъ паче всякаго Имени? (Фил. 2, 9). Развѣ всѣ Имена Божія не равны между собою?

Отвѣтъ: Воистину такъ, всѣ Имена Божія, а въ томъ числѣ и Имя Иисусъ суть равны между собою. Призваниемъ духомъ и истину любое Имя Божіе мы имѣмъ въ каждомъ всего Бога, все Его простое, неимѣющее тварь существа со всѣми именуемыми свойствами Его и съ каждымъ призываюемъ любого Имени Божія, подразумѣвается и какъ бы негласно произносится и вся цѣла всѣхъ Именъ Божіихъ:¹⁾ т. е., когда ты произносишь Имя Божіе, напримѣръ, «Святый», то подразумѣвается и то, что Его именуешь и Благимъ, и Долготерпѣливымъ, и Вѣчнымъ, и проч. и проч.; также напр., когда ты призываешь Отца, то будешъ имѣть во Имени Его и Сына, и Святаго Духа. Поэтому всѣ Имена Божія, т. е. какъ Ипостасей, такъ и свойствъ существа Божія, суть равноточности. О Имени же Иисусъ говорится, что оно есть «Имя паче всякаго Имени» въ отношении къ человѣку, ибо поскольку дѣло искупленія настъ Богочеловѣкомъ есть въ глазахъ всякой умной и словесной твари дѣло превславѣйшее всѣхъ остальныхъ дѣлъ Божіихъ, постольку и Имя Иисусъ есть Имя паче всякаго Имени; Имя, которымъ преимущественно предъ остальными Именами Божіими подобаетъ спасаться, какъ то ясно исповѣдуетъ

¹⁾ Св. Григорій Нисскій: «И мыслами другими Имена, означающими высоту и благородие, Св. Писание умъ наименовать Бога. Почему въ точности должна называться, что когда скажется одно которое-либо Имя, этимъ однѣнъ беззаконно произносится есъ списокъ Именъ», Ч. 2, 412.

даль Апостолъ Петръ. На допросъ его архіереями и фарисеями: «кою силою, или комыи именемъ» — они исцѣлилъ хромого, Петръ отвѣтъ, что исцѣлилъ его «Именемъ Иисуса Христа» и добавилъ: «Есть бо иного Именя подъ небесами, данаго въ человѣкѣхъ, о немъ же по-дабаетъ спастися намъ». (Дн. 4, 12) Имя Иисусъ есть полное именование Сына Божія, ибо во Именіи семъ заключаются Имена: «Господь», «Спаситель», «Сынъ Божій», «Легова, или Богъ въ Троицѣ», почему, когда явіялись Апостоламъ по воскресеніи и по вознесеніи, то иначе называли Господа, какъ «Иисусомъ»; также и Самъ Господь на вопросъ Павла, явившись ему при приближеніи его къ городу Дамаску, отвѣтилъ: «Азъ есмъ Иисусъ».

По этому всему и Апостолы заповѣдали наипаче призывать Имя Иисусъ, какъ наимнѣйше именование Воплощенаго Сына Божія и какъ по смыслу своему выраждающее то, что наиболѣе потребно для человѣка, именно — спасеніе.

Вопросъ: Откуда видно, что Апостолы предпочитали Имя Иисусъ предъ прочими Его Именами?

Отвѣтъ: Видно, какъ изъ всего Евангелія, такъ и изъ Дѣяній Апостольскихъ. Такъ, напримѣръ, когда Петръ и Иоаннъ сообщили прочимъ собраннымъ вмѣстѣ ученикамъ, что архіереи и фарисеи грозно запретили, не только учить о Иисусѣ, но даже произносить «Имя Его» (Дн. 4, 19) то они возвѣтили ко Господу гласъ пламенной молитвы, проси, во-первыхъ, себѣ мужества въ проповѣди, дабы не бояться прещеній ѹдейскихъ, а во-вторыхъ, того, чтобы: «знаменіемъ и чудесъмъ бывати Именемъ Святъмъ Отрока Твоего Иисуса!» (—30) И Богъ тутъ же явилъ Божественную силу и дѣйственность сего Имені: не успѣли Апостолы вѣмоловить Имя Иисусъ, какъ послѣдовало землетрясеніе, поколебалось все мѣсто то, и исполнились всѣ великия благодати Святаго Духа и чувства великаго дерзновенія, такъ что, не взирая на угрозы ѹдейскія, стали безъ всякаго страха проповѣдывать о Иисусѣ открыто. О спасительности призываія Имени Иисусъ предречено еще пророкомъ Йондемъ: «Всякъ, иже аще призоветъ Имя Господне, спасется» (Йонд. 2, 32); Апостолы же Петръ и Павелъ оба повторяютъ сей текстъ и показываютъ, что онъ, именно относится къ Имени Иисуса (Дн. 2, 21; Рим. 10, 13). Апостолъ Павель, приводя сіи пророческія слова, еще присовокупляетъ къ нимъ то, что сие Имя Господне есть Имя Иисусъ, что оно не простое слово, но есть «Глаголъ», т. е. Слово Божіе, или Самъ Иисусъ, и что оно отнюдь не гдѣ либо далеко отъ нась, но что Самъ Господь есть въ призываіи Имени Его и есть въ сердцѣ каждого христіанина: «Близъ ти Глаголъ есть, во устѣхъ твоихъ и въ сердцѣ твоемъ: сирѣчъ Глаголь вѣры его же проповѣдѣмъ» (т. е. Самъ Иисусъ). Такъ, именно, понимали сей текстъ Святые Преподобные Отцы, какъ то видно и изъ словъ, искони произносимыхъ, именемуто во времѧ врученій по-стригаемому въ иноческій чинъ чекотъ: «Пріими, брате, Мечъ Духов-

ный (т. е. воспріимъ) Имя Иисусъ, для напоминанія тебѣ о коемъ пріими и держи всегда въ руکѣ чечки), еже есть Глаголъ Божій (т. е. Имя Иисусъ не простое слово, но Глаголъ Божій, или Слово Божіе, т. е. Самъ Богъ). Его же: и носій во устахъ твоихъ, въ умѣ же и сердцѣ, глаголы непрестанно Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя».

Вопросъ: Что значить имѣть Глаголь во устѣхъ своихъ и въ сердцы своемъ?

Отвѣтъ: По толкованію, преданному намъ Преподобными Отцами, какъ то, напр., записано у Панція Величковскаго, это понимается такъ: Глаголь, т. е. Христосъ, вселяется таинственно въ сердце кре-щенаго, но христіаниномъ подобаетъ еще и вѣровать въ свое общеніе со Христомъ и исповѣдать сію вѣру призываіемъ Его Имені, вѣра, что во Имені семъ имѣмъ Его Самаго «во устѣхъ» нашихъ: «близъ ти Глаголъ во устѣхъ твоихъ и въ сердцѣ твоемъ... яко аще исповѣди усты своимъ Господи Иисуса, спасется» (Рим. 10: 8, 9, 13) «Все же есъ: глаголъ, исповѣданіе, призываіе: разумѣй быти внутрь тебѣ Христа, чрезъ Святое Крещеніе вселяюща, (т. е. призывающа, и исповѣданіе, и са-мое Имя Иисусъ¹) есть толь же Христосъ, Который отъ крещенія вос-принятъ христіаниномъ въ сердце свое. И. А.) Его же призывати, и глаголати, и исповѣдати долженъ еси непрестанно, овогда серд-цемъ, овогда же устами, глаголя: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя». (Стр. 93).

Разсужденіе о Имени Божіемъ «Іисусъ».

Имя «Іисусъ», какъ говорится въ Катехизисѣ (изд. 1878 г.), означаетъ въ простотѣ толкованій — «Богъ — спасеть». Когда человѣчество въ лице первозданныхъ Адама и Евы утратило рай и приобрѣло проклятие, то, сознавъ бѣдственность своего положенія, оно стало возгораться желаніемъ спастися отъ сей клятвы и грѣха и получить Того обѣщанаго Богомъ Человѣка, Который сотретъ главу змѣю и будетъ Спасителемъ человѣчества. Это желаніе и нетерпѣльное ча-леніе спасенія выразилось въ нареченіи первенца Адамова именемъ — «Кайнъ», ибо Кайнъ, какъ говорится въ Библіи, значитъ: «Стяжъ человѣка Богомъ», что по смыслу весьма близко подходитъ къ имени Іисусъ: Иисусъ, значитъ «Богъ — Спаситель», а Кайнъ значитъ: «Че-ловѣкъ (общественный) Богомъ», который долженъ спастi. Горячее ча-леніе спасенія, все больше и больше возраставшее въ послѣдую-щихъ поколѣніяхъ, промыслительно побуждало и другихъ родите-лей именовать чадъ своихъ именемъ «Спаситель» и таин-ствено, и промыслительно приготовляло людей къ принятию вспол-ственію.

¹ По внутренней, объективной его сторонѣ, какъ Божественное откровеніе. Ред.

щенного Бога Слова и явленію отъ предвѣчнаго Совѣта изреченаго Имъ Себѣ Имени «Іисусъ». Мы сказали, что это Имя подготовилось для Господа въ человѣчествѣ не случайно, но промыслительно, ибо Богъ Истинъ—Слово и Сынъ, могъ ли быть нареченъ въ человѣчествѣ какимъ либо неистиннымъ Именемъ? Конечно нѣтъ! Конечно, Имя воплощенія Слова и Спаса должно было вполнѣ выражать главные свойства сущности Его, т. е., что Онъ есть Богъ и пришелъ спасти людей; но съ другой стороны это истинное Имя не должно было быть замѣтнымъ въ человѣчествѣ до времени завершения спасенія нашего воскресеніемъ; вотъ почему такъ и случилось, что съ одной стороны сложилось въ человѣчествѣ великое Имя «Іисусъ» и съ другой стороны это имя сдѣлалось среди людей довольно обычнымъ и родители нарекали имъ чадъ своихъ—неистинныхъ Іисусовъ, въ ожиданіи Іисуса истинаго. Но да не подумаетъ кто-либо, что родители, называя дѣтей своихъ Іисусами, мнили, что эти чада ихъ и будутъ спасителями. Отнюдь нѣтъ. Не только обыкновенныхъ Іисусовъ никто за истинаго Спасителя не признавалъ, но и такихъ великихъ Іисусовъ, какъ Іисус Навинъ, и Іисус Сираховъ, и Іисус Соседековъ, никто не почиталъ за истинныхъ Іисусовъ, ибо истинный Іисусъ долженъ быть истинными Богомъ, какъ то ясно сказано во имени «Емануилъ», или «Съ нами Богъ», иносказательно и пророчески проповѣденномъ透过 пророка Исаю. О томъ, что имя Іисусъ и значить—истинный Богъ, и то, что человѣчество воистину ожидало нѣкого истинаго Іисуса, хотя и имѣло среди себя многихъ Іисусовъ неистинныхъ, видно изъ слѣдующаго евангельскаго мѣста: когда на вопросъ Господа: за кого почтятъ Его ученики?—Петръ отвѣчалъ: «Ты еси Христосъ, Сынъ Бога Живаго»,—то Господь похвалилъ его за вѣру и исповѣданіе истинаго Имени Его и ясно сказаль, что «Сынъ Бога Живаго» равнозначуще Имени—«Іисусъ», ибо запретилъ разглаголать, что Онъ есть Іисусъ Христосъ, т. е., что Онъ есть истинный Іисусъ—Сынъ Бога Живаго и истинный Христосъ, т. е. обѣтovanый вѣчный Помазанникъ и Царь: «Запрети Іисусу ученикамъ Своимъ, да никомуже рекутъ, яко сей есть Іисусъ Христосъ». (Ме. 16: 16, 20).—Также ясно истолковалъ Имя «Іисусъ» и Архангелъ Гавриилъ, когда возбѣжалъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи о зачатіи Ею Богомладенца; передавъ Ей повѣтвіе Божіе называть Его «Іисусомъ», онъ присовокупилъ и толкованіе сего Имени въ слѣдующихъ словахъ: «Сей будетъ Велій», т. е. будеть Господомъ, почему и подобаетъ называть Его Іисусомъ, ибо Имя это по сокровенному смыслу своему, то и означаетъ—«Сынъ Вышняго наречется»,—т. е. потому-то и подобаетъ называть Его Іисусомъ, ибо Имя сие заключаетъ въ себѣ и этотъ смыслъ, какъ высказалъ Петръ—«Сынъ Бога Живаго»—«и дастъ Ему Господь Богъ Престолъ Давида, Отца Его, и воцарится въ дому Йаковли во вѣки, и царствію Его не будетъ конца»,—т. е. и будеть Онъ истиннымъ Христомъ, почему и надо называть Его Іисусомъ, ибо

Имя это то самое и значить по сокровенному смыслу своему. (Лк. 1: 32). Иосифу же Архангель сказать равнозначущее толкованіе Имени Іисусъ, но болѣе краткое, когда явился ему во снѣ и открылъ тайну безъмѣннаго зачатія и повелѣлъ называть младенца «Іисусъ»: «Той бо спасть людей Своихъ отъ грѣхъ ихъ»,—т. е. Младенецъ Сей будетъ Богъ, ибо созданіе Своє—«Своиъ, людѣй»—спасетъ, почему и подобаетъ называть Его Іисусомъ, что въ простѣйшемъ и обычайшемъ толкованіи и значить «Спаситель».—Принявъ вѣрою благовѣстіе архангельское, Богородительница приняла вѣрою и Имя «Іисусъ», и когда движимая Духомъ Елизавета восторженными словами привѣтствовала Ее, то Владычица, возврадовавшись о Іисусъ, воспѣла Имя Его и этой пѣснью Богородица и досѣль ежедневно на Утрѣхѣ Церкви воспѣваетъ Имя Іисусу! Словами этой пѣсни Матерь Божія изъявляетъ сокрѣпленіи смыслъ истинаго Имени Сына Своего, какъ его истолковалъ Ей Архангель: «Величить душа Моя Господа и возврадовася духъ Мой о Богѣ, Спасѣ Мое, яко призѣ на смиреніе рабы Своей, ѿ бо отнынѣ ублажать мя вси роди... и Святое Имя Его» (Лк. 1, 46—48)—Итакъ, мы видимъ, что Матерь Божія называетъ Господа Іисусу словами равнозначущими Имени Его, согласно тому, какъ истолковалъ его Ей Архангель.—Равно и въ ночь Рождѣства Христова Архангель, явившись пастырямъ Виолеемскимъ не иное что возвѣтилъ имъ, какъ то, что родился истинный Іисусъ и затѣмъ сонмъ Ангеловъ воспѣлъ Имя Его: «родиша вамъ днесъ Спасъ, Иже есть Христосъ Господь, во градѣ Давидовъ»;—но, какъ мы видѣли выше, всѣ эти слова выражаются Имениемъ Іисусъ. Также и множество Ангеловъ воспѣло славу Іисусу равнозначущими словами: «слава въ вышинѣ Богу на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе»:—(Лк. 2: 11) Но что же значитъ Имя Іисусъ, какъ не все это, ибо оно и значитъ: Богъ Вышній, и Миръ на землѣ, т. е. примиреніе съ Богомъ кровью Сына Божія, и въ человѣцѣхъ благоволеніе!

Итакъ, мы ясно видимъ, сколь глубокъ сокрѣпленіи смыслъ Имени Іисусъ, который въ себѣ заключаетъ всѣ Его Имена: Господь Спаситель, Сынъ Божій и Помазанникъ—Христосъ. Это Имя Іисусъ, по толкованію великаго еврейскаго ученаго, раввина Самуила, придавшаго христианство около 1070 г. и написавшаго книгу «Златое Сочиненіе»,¹⁾ составилось изъ Имени Іегова, котораго четыре буквы, коими оно пишется, назначаютъ таинственно три Лица Святой Троицы; съ прибавлениемъ же къ Іеговѣ только одной буквы «шешъ»,—т. е. какъ бы человѣчества къ Божеству Христову, и составилось Имя Іисусъ; но и корень «шешъ», значитъ Богъ: итакъ, слѣдовательно Имя Іисусъ выражаетъ и всю Св. Троицу!. Итакъ, можно ли думать, какъ думаютъ нѣкоторые вольнодумцы и хулители, что «Іисусъ» есть произвольное и общечеловѣческое имя, ничего особеннаго собою не

представляющее? Возможно ли допустить, чтобы, «всі премудростю» сотворенный, Бог оставил бы ничего не значащим Имя Сына Своего? Конечно, нетъ, ибо какъ мы видѣли, не только налилъ Богъ неизгѣдимую премудрость Свою въ наречіи Сынъ Своего Иисусомъ, но и удостовѣрилъ то чрезъ Архангела. Итакъ, Имя Иисусъ, истинность которого оправдалъ Господь на Крестѣ Своемъ, сдѣлалось «Именемъ паче всякаго Имени» (Фил. 2, 9). Но почему же такъ, когда всѣ Имена Божія суть равны? Воистину Имена Божія всѣ равны, ибо каждое Имя Божіе есть Тотъ же Самый Богъ, но въ Имени Иисусъ выражается та слава Божія, которая превосходитъ славу всѣхъ остальныхъ преславныхъ дѣлъ Божіихъ. Какая же это слава? Слава Его крестныхъ страданій и смерти, коими Онь благоволилъ испытать падшее созданіе Свое отъ клятвы. Страстью Свою на Крестѣ и изливаниемъ Божественной Своей Крови Христосъ оправдалъ Свое Имя «Спаситель», а Воскресенiemъ Своимъ оправдалъ Свое Имя—«Богъ!» Вотъ почему это «Имя есть Имя паче всякаго Имени», какъ говорятъ Апостолъ. Вотъ почему и Ангелы, явившіеся мираносицамъ по воскресеніи, не называли Его, ни Господомъ, ни Христомъ, ни Сыномъ Божіимъ, но называли «Иисусомъ». Вотъ почему и по вознесеніи Его на небо Ангелы, представятъ ученикамъ, не иначе Его назвали, какъ Иисусомъ: «Сей Иисусъ, вознесійся отъ васъ на небо, та-кожде приидетъ, имъ же образомъ видѣтъ Его идущимъ на небо». (Дн. 11, 11). Вотъ почему и Самъ Господь, когда явился Павлу во спѣтѣ, назвалъ Себя только Иисусомъ: «Азъ есмь Иисусъ». (Дн. 9, 5). Но вотъ нынѣ востали иѣкіе хулители, которые дерзаютъ проповѣдать неслыханную дерзость, что Имя Иисусъ есть уже потому имя «меньше всякаго Имени Божія», что именами Иисусъ назывались и называются на Востокѣ и по днесь обыкновенные люди. Другие же дерзаютъ, уничтожая имя Иисусъ, говорить, что это Имя есть имя самое младшее, сравнительно съ другими Именами Богочеловѣка, ибо принадлежитъ Сыну Божію не предѣчно, но только отъ зачатія. И то и другое есть хула нестерпимая. Провидя первое хуление, Церковь въ Пространномъ Катехизисѣ говорить: «Да не дерзаетъ никто глаголати, яко Имя Сына Божія «Иисусъ» есть обыкновенное, человѣческое». (Толкъ на 2-ой членъ Символа вѣры). Однаковая хула есть говорить, будто Имя «Иисусъ» есть уже тѣмъ самымъ младшее дру-гихъ Именъ Божіихъ, что принадлежитъ Сыну Божіему лишь отъ зачатія; Имя Иисусъ преднаречено въ Предѣчномъ Собѣтѣ, какъ то исповѣдає Церковь), въ Предѣчномъ же Собѣтѣ нарекъ его Себѣ нико Иной, какъ Самъ Предѣчный Собѣтникъ и Слову, ибо, Кто же иной могъ и излаголати Отчую мысль, какъ не Сынъ и Слово? Итакъ, разъ Сынъ и Слово Самъ нарекъ сіе Имя Себѣ, разъ и по смыслу имени оно и было присвоено соответствующимъ Сыну и Слову, ибо

присвоено означало «Богъ», то не ясно ли, что его, если не какъ собственное, но какъ нарицательное, присво иносиль Сынъ Божій, и что не иное Имя принять Онь вочеловѣчившись, но во образѣ собственного именемъ принялъ то Имя, которое отъ предѣчности Ему принадлежало! Нѣкаго старца однажды спросили, названъ ли Сынъ Божій Иисусомъ по Божеству или по человѣчеству? Старецъ, умудренный Духомъ Божімъ, отвѣтѣлъ: «Конечно, не только по человѣчеству, но и по Божеству, ибо Имя Иисусъ означаетъ Спаситель, а спаси родъ человѣческій не могъ бы, ни Ангель, ни человѣкъ, а однѣй Богъ, почему Имя сіе, принадлежащее Спасителю нашему, принадлежитъ Ему и какъ Богу: «Пришелъ еси отъ Дѣви, ни ходатай, ни Ангель, но Самъ Господи воплощающа, и спаси еси всего мя человѣка» (Ирмосъ 4, гл. 2).

Именемъ «Иисусъ» Св. Апостолы и многіе Угодники Божіи бѣ-совъ изгоняли, недуги исцѣляли, мертвыхъ воскрешали и многія со-дѣлали имъ знаменія и чудеса, что свойственно творить только Богу: и если, согласно тропарю на Св. Пасху, Господь по крестной смерти Своей былъ: «по гробъ плотски (т. е. съ плотью), во адѣ же съ душою, яко Богъ, въ рai же съ разбойникомъ, и на престолѣ былъ еси со Отцемъ и Духомъ, вси исполненія Неописанный», — то несомнѣнно и во Имени Своемъ Онь пребываетъ всегда и вездѣ Сынъ «всѧ исполненія Неописанный». Какъ то говорить неоднократно приснопамятный о. Иоаннъ Кронштадтскій въ «Молитва Жизни во Христѣ»: «Имя Иисусъ п всіяко Имя Божіе и есть—Самъ Богъ» (Т. 2 стр. 310). Но не однѣ только о. Иоаннъ Кронштадтскій такъ говорить, но всѣ Святые Отцы то искрѣдѣютъ, и которое прямо, а иѣкоторые косвенно. Упомянемъ еще обѣ одной хулы иѣкіихъ безумцевъ, которые говорятъ, будто Имя Иисусъ есть человѣческое, и какъ таковое силы въ себѣ Божественной не имѣть, но имѣть ону лишь тогда, когда стъ нимъ совмѣстно произносится—«Сынъ Божій!» Даже и отвѣтъ не хотѣлся бы на такое явное безуміе! Не Имъ ли Иисусъ повторяется на каждой страницѣ Евангелия многократно? Не о Имени ли Иисусъ поетъ Акаистъ Сладчайшему Иисусу? Не въ немъ ли повторяется Имя Иисусъ на каждой строчкѣ безъ всякихъ добавлений? Не исполнены ли единично употребляемыми Именемъ Иисусъ и каноны, и Минеи, и Троіади, и про-чія Богослужебныя книги?

Нѣкогда возникъ споръ между Св. Григоріемъ Паламой и Варлаамомъ о томъ, есть ли Свѣтъ Фаворскій Самъ Богъ, и суть ли видѣй умозрѣтелы Божественнаго Свѣта при дѣла-ніи умной молитвы—Самъ Богъ? Варлаамъ хулить и называть эти благодатныя дѣйствія во времена высшихъ созерцаній—прелестію, а Свѣтъ Фаворскій—тварнымъ, ибо сущность Божества не можетъ быть видима тварью. Но Св. Григорій Палама доказать на со-борахъ, которые собирали по поводу ихъ спора, что Богъ, кромѣ сущности, имѣть и дѣятельность, или силу и дѣйство, и эти—сила и

¹⁾ Св. Дмитрій Ростовскій: «Слово на Образованіе».

дѣйство не есть тварь, но суть неотдѣлимъ отъ существа Божія, какъ свойства Его Божества, и эти благодатныи дѣйства суть—Самъ Богъ. Ересь Варлаама была проклята, Церковь же утвердила догматъ, что Богомъ достоинъ именовати не только сущность Божію, но и Его дѣйствіе, или по гречески энергію (см. анаѳема 5-ая противъ Варлаама въ недѣлю Православія¹⁾). Согласно этому опредѣленію выходить, что, какъ Свѣтъ Фаворскій есть Самъ Богъ, такъ и истинный гласть Отчій на Эвдорѣ: «Сей есть Сынъ Мой возлюбленный»—есть Самъ Богъ, т. е. и Имя Господне—«Сынъ Мой возлюбленный» есть Самъ Богъ. Также выходитъ, что истинный гласть Божій на Сидайской горѣ и всѣ заповѣди Божіи суть Самъ Богъ. Также выходитъ, что всякое слово, испшедшее изъ устъ воплощенаго Сына и Слова и записанное въ Евангеліи Евангелистами—есть Самъ Богъ²⁾. Также выходитъ, что все то, что открывалъ и дѣялъ Духъ Святый въ Апостолахъ и Пророкахъ—есть Самъ Богъ. Также, что огненныи языки на Апостолахъ въ день сошествія Святаго Духа есть Самъ Богъ. Также, что и благодатныи дѣйствія созерцанія и пропоѣе благодатныи дары во Святыхъ—есть Самъ Богъ. Также, что вслкія благодатныи, мирныи и чистыи чувства въ оправданной Богомъ душѣ, которыми Апостолъ Павелъ называетъ: «плоды Духа»—суть Самъ Богъ. Итакъ, если по сему опредѣленію церковному вслкія Богооткровенія Истина есть Самъ Богъ, то что же есть Имя Божіе и Имя Иисусъ? Развѣ не суть Имена Божія Истины Богооткровеніи? Развѣ не есть Истина Богооткровенія проявленіе недовѣдомой Истины—Бога? Развѣ не сказалъ Господь, что «Глаголы, яже Азъ глаголахъ вамъ, Духъ суть и Животъ суть»? Развѣ не сказалъ Господь: «Азъ есть Истина»? Итакъ, что же есть Истина во Именахъ Божіихъ и во Имени Иисусъ, какъ не Истина Божественная и дѣйствіе Божественной, недовѣдомой Истины Отчія³⁾? Кто не признаетъ ее Богомъ, тотъ есть трижды анаѳема!!! Образумьтесь же, нечастыи хулители! Надъ глазами вашими повисъ страшный мечъ отступничества отъ вѣры православной и анаѳемы! Если вы немощныи въ вѣре, молитесь Господу, да приложите вѣру въ Еврѣ, и не износите наружу смрадъ и яда своего неїврѣя, которымъ вы покрѣпдали неустережденныхъ въ вѣрѣ и ходатайствуете себѣ сугубое осужденіе! Если вы по изрезорству вашему не хотите вѣрить намъ, пишущимъ вами сіе, мудрствуя такъ: «Отъ Назарета можетъ ли быть что добре?» или «Откуда сему сія, ежеоже

¹⁾ «Тѣ, которые мудрствуютъ и говорятъ, что имя—Богъ выражаетъ только одно существо Божіе, и не осповѣдываютъ по Богодухновенному и церковному мурданю Святыхъ, что именемъ Богъ обозначаются разныи образы и Божественные дѣйствія... анаѳема. (Анаѳематизованіе К. Никольского, 149, 1879 г.).

²⁾ «Слово Божіе есть Богъ (полныи святительскіи глаголы), слово міра есть міръ». Св. Макарій Египетск., 293, изд. 1904 г.

³⁾ «Истина есть Богъ» (Св. Густинъ Философъ, 471, изд. 1892 г.).

мы знаемъ отца и матери и т. д.⁴⁾—то повѣрьте Святымъ Отцамъ. Поплушайте, что пишетъ о Имени Иисусъ Святитель Дмитрій Ростовскій и перестаньте хулить.

Изъ слова св. Дмитрія Ростовскаго на Обрѣзаніе Господне о Имени Божіемъ Иисусъ.

«Наречено же бысть обоженному Младенцу именемъ «Иисусъ», съже присесся Архангеломъ Гавріиломъ ть во время, егда благодовѣти о зачатіи Его Пречистѣй Дѣвѣ Маріи—«прежде даже не зачаси во чревѣ»,—сие есть, прежде даже не изволи Пресвятаго Дѣва словесемъ благовѣстникомъ, прежде даже не рече: «Се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему». Въ тѣхъ бо Ея словахъ, абіе Слово Божіе плотъ бысть, всельшия въ пречистую и пресвятѣшую Ея утробу.—То убо пресвятѣшъ Имя «Иисусъ», Ангеломъ прежде зачатія нареченое, во обрѣзаніи дадеся Христу Господи, еже бѣ извѣстѣти спасеніи нашемо. «Иисусъ» бо спасеніи знаменуетъ, якоже протолкова той же Ангель, Іосифу во снѣ явившійся, и глаголай: «Наречено имѧ Ему Иисусъ, Той бѣ спасетъ люди Своя отъ грѣхъ ихъ». Но и Апостолъ Св. Петъръ о Имени Иисусовомъ свидѣтельствуетъ, глаголая: Нѣсть ни о единомъ же иномъ спасенія, нѣсть бо иного Имена подъ небесемъ, даннаго въ человѣкѣхъ, о немъ же подобаетъ спастися намъ». Сие Имя спасительное «Иисусъ» прежде всѣхъ вѣкъ въ Троицкомъ Собствѣ бѣ предуготовано, написано, и дающъ доселе грекамъ въ наше избавленіе: иныи же, аки безпѣнныи бисеръ во искупленіе рода человѣческаго отъ сковорицы пренебесныхъ принесено. Сие Имя, яко солнце міръ облица. Йалена сотворила Иисусова Имене сила, ибо двине то Имя Иисусъ удви ангеловъ, обрадова человѣкѡвъ, устраши бѣсовъ, и бѣси бо вѣрють и трепещутъ, и отъ самаго тога Имени трусятся аѣ, колеблѣтъ присподниа, тѣмы кнѧзя исчезаютъ, падаютъ истуканныи, прогоняется мракъ идолобѣсъ, благочестіе же возсѣваетъ сѣвѣтъ и просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. О семъ Имени превеликому Иисусовѣ всікомъ колѣю поклоняется, небесныхъ, земныхъ и пренесподнихъ. Сие Иисусово Имя есть оружіе сильно на супостаты, якоже глаголеть Св. Иоаннъ Лѣстничникъ: «Всегда Иисусовыи Именемъ бѣи ратники, крѣпчайше бо сего оружія не обрѣшиши, ни на небеси, ни на земли». Сие дражайшее Имя Иисусъ, о коль есть сладко сердцу, любиющему Христа Иисуса! О, коль воождѣнно имущему Его! Иисусъ бо есть весь желаніе, весь сладость. Сие Пресвятое Имя Иисусъ, о коль любезно рабу и юзину Иисусъ Христову въ любовь Его пльзниеніи! Во умѣ Иисусъ, на языкѣ Иисусъ! Иисусъ вѣруется сердцемъ въ правду, Иисусъ исповѣдуется усты во спасеніе. Аще ходиша, аще сѣдѣши, аще что дѣлашу, Иисусъ—предъ очима: «Не судихъ, рече Апостолъ, вѣдѣти, что въ васъ, точно Иисусъ». Иисусъ бо призывающему къ Нему есть просвѣщеніе ума, кра-

сота души, здравіє тѣлу, вѣсліе сердцу, помощникъ въ скорбѣхъ, радость въ печальхъ, врачество въ болѣзни, во всѣхъ бѣдахъ отрада и спасеніи надежда,—и Самъ Твой любителю Своему мѣда и воздаяніе. Облагаваешь Тя любезне, о сладчайшее Имя Иисусово! Покланялесь усердно Пресвятому Именіи Твоему, о пресладкій и всецѣдѣрѣй Иисусе! Хвалимъ превеликое Имя Твое, Иисусе Спасе! Молимъ же премногую Твою благость, того ради преглаваго Имене Твоего, илгей на насъ боязную Твою милость. Услыши сердца наша Самиимъ Тобою. Иисусе! Защити и огради наѧ всюду Именемъ Твоимъ, Иисусе! Знаменай печатль наѧ, рабовъ Твоихъ, тѣмъ Именемъ, Иисусе, да и въ будущій вѣкъ Твои обращаемся и со Ангелами Пречистине и Великолѣпное Имя Твое, Иисусе, славити и воспѣвати будемъ во вѣки. Аминъ.

Вотъ изъ какихъ восторженныхъ выраженіяхъ Святый Архіепископъ и искійный Пастырь лобзаетъ Имя «Иисусъ» и поклоняется ему. Но изъ словъ Святителя Дмитрія ясно видно, что онъ ни на мгновеніе не отдалъется при этомъ Имя Иисусъ отъ Самого Бога, и что онъ воистину исповѣдуется, что Имя сіе есть Самъ Именемуемый имъ Богъ, по неотдѣлимости своей отъ Него. Впрочемъ упорные отрицатели Божества во Именіи Иисусовомъ могутъ возразить: «Но гдѣ же въ приводимыхъ вами словахъ Св. Дмитрія писано, что Имя Иисусъ есть Самъ Богъ?—Итакъ, дабы не оставить безъ возраженія и сей вопросъ, приведемъ слова другаго Святаго Еудиника Божія, Блаженнаго єоѳофилакта Болгарскаго, котораго Св. Дмитрій весьма чтилъ и на котораго безпрестанно ссылался, а слѣдовательно былъ во всемъ съ нимъ вполнѣ единомысленъ:

«Святая Церковь мыслитъ Святую Троицу нераздѣльно; такъ вслѣдствіе единства трехъ Ипостасей по существу, (тотъ, кто) крестится во Имя Христа, крестится въ Троицу, такъ какъ Отецъ, Сынъ и Святый Духъ нераздѣльны по существу. Если бы Имя Отца было не Богъ, и Имя Сына—не Богъ, и Имя Святаго Духа—не Богъ, то слѣдовало бы крестить: во Имя Бога Иисуса Христа, или только въ Сына; но онъ, Петръ, говоритъ: Во Имя Иисуса Христа, зная, что Имя Иисуса есть Богъ, равно какъ Имя Отца и Святаго Духа». (Толк. на гл. 2-ую ст. 38 Дѣян. Стр. 68).

«Елико бо обѣтования Божія, въ томъ ей и въ томъ «аминъ» (2 Кр. 1, 20) «Сія писалъ вамъ вѣрующимъ во Имя Сына Божія (еже есть Иисусъ), да вѣсте, яко живутъ очінъ имате, и да вѣруете во Имя Сына Божія!» (еже есть Иисусъ)—(1 Ін. 5, 13). Не говорить Апостоль, что буде имѣть жизнь вѣчную», но говорить: «имѣтъ». Кого же?—Ясное дѣло, что слово «имѣтъ» относится, къ слову «Имя Сына Божія», и что этими словами Святый тайновѣдѣцъ Иоаннъ Богословъ хочетъ сказать слѣдующее: «Пиши я это вѣрующимъ во Имя Сына Божія, т. е. во Имя Иисуса, чтобы вы знали, что во Именіи семъ вы имѣтѣ Жизнь Вѣчную, т. е. Самого Иисуса, Который, какъ Онъ Самъ,

про Себя сказалъ, есть «Жизнь». Пишу вамъ, дабы вы такъ и вѣровали, что Имя Сына Божія, т. е. Иисуса, есть Самъ Онъ Богъ, или какъ сказано—«Животъ Вѣчный».—Буди всѣмъ намъ тако вѣровати, и да зарадятся уста нечестивыя: «Нѣмы будуть устны лѣстивыя, глаголющія на Праведного беззаконіе, гордѣнію и уничиженіемъ». (Іо. 30, 19).

Бдите и молитесь.

Братия Христіане! Незабывайте заповѣди Божіе: «Бдите и молитесь»—Молитесь непрестанно молитвою: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, Богородице помилуй мя». И ограждайте себя оружіемъ непобѣдимымъ—Крестнымъ Знаменіемъ. Крестъ Христовъ и Имя Иисусово—суть Ключи Царствія Небеснаго. Они суть острѣйше мечи, посыкающіе тѣмы и тысячи бѣсовскихъ. Вѣруйте, какъ учить приснопамятный отецъ нашъ Иоаннъ Кронштадтскій, что Имя Господа Иисуса Христа есть Самъ Богъ и Господь Иисусъ Христостъ. И во Именіи Своемъ и въ Крестѣ Своемъ таинственно и благодатно присутствуетъ Самъ Онъ. Въ этой вѣрѣ воспѣвайте и дѣлѣтъ вашихъ, дабы они удержали въ свою очередь сіе безцѣнное наслѣдіе Христово: Крестъ Его и Имя Его и возможнія спастись отъ всеобщаго духовнаго потона антихристіанскаго, который грядеть на міръ. Ибо отъ него спасутся только тѣ, которые не похулятъ Именіи Иисусова, и не отрекутся отъ Крестнаго Знаменія, и не согласятся принять печати Антихристовой, которую весь міръ приметъ, отрекшись отъ Именіи Господня и отъ Креста Его. Спасайтесь!

I. A.

XI.

Переписка съ архіепископомъ Никономъ.

Первое письмо къ архіепискому Никону.

«Владыко святый, благословите.

Весьма сожалѣтъ, что я неудостоился счастія лично представиться Вашему Высокопреосвященству въ бытность Вашу въ Петербургѣ и лично имѣть возможность высказаться по поводу сущности аѳонскаго догматическаго спора, я иныѣ, узнавъ о томъ, что Вашему Высокопреосвященству поручено Святѣйшимъ Синодомъ представить докладъ о сущности нашего догматическаго спора для отвѣта на вопросъ Святѣйшаго Патріарха Германа,—считаю долгомъ высказатьсь предъ Вами письменно.

Итакъ, слѣдовательно, Святѣйшему Синоду предстоитъ отвѣтить Патріарху Герману на слѣдующіе вопросы:

1) Въ чёмъ заключается сущность спора между исповѣдниками Божества Именіи Божія и имѣборцами? Сущность ученія первыхъ

изложена въ книжкѣ «Апология», сущность ученія вторыхъ—въ статѣи «Русскаго Июка».

2) Признается ли Россійской Святѣйшій Синодъ за Именемъ Божиимъ право именоваться Богомъ? И если да, то въ какомъ именно смыслѣ? Иначе сказать, соглашается ли Россійская Церковь съ решеніемъ Константинопольскаго Собора 1361 г. о томъ, что дѣйствія или энергія Божества есть Богъ?

3) Въ исповѣданіи иноковъ Андреевскаго скита: «Вѣрю и исповѣдую, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ есть истинный Богъ. Исповѣдую также Имя Его, которое Свято само по себѣ (смотри пропстранный Катехизисъ, первое прощеніе въ «Отче нашъ»), не отдѣлимъ отъ Господа (см. Богословіе о неотдѣлности энергіи Божией отъ Сущности Божиего) есть Самъ Богъ, какъ то многіе Святые Отцы исповѣдали (смотри въ «Апологии» соотвѣтствующія слова св. Отцовъ);—есть ли въ семъ исповѣданіи какіе-либо признания ереси и какой именно?

4) Если еретического въ семъ исповѣданіи ничего не обрѣтается, то правильна ли формулировка, или требуетъ нѣкоторыхъ прибавленій и перестановки словъ?

5) Ученіе имѧборцевъ, что вѣра въ присутствіе Божіе во Имени Своемъ есть пантезизмъ, что Имя Господа Иисуса не имѣетъ присущей Ему Божественной силы, но есть сила посредствующая, что Имя «Иисусъ» относится лишь до человѣческаго естества Богочеловѣка, что призваніе Имени Иисуса не есть необходимо въ молитвѣ,—православно-ли, и въ отмѣтаніи Божества Имени Божія и Имени Иисусова нѣть ли признаковъ Варлаамитской ереси, въ коей обвиняютъ имѧборцевъ исповѣдники? Таковы тѣ вопросы, авторитетнаго предрѣшенія которыхъ ждётъ теперь отъ Вашего Высокопреосвященства Святѣйшій Синодъ, и съ тѣмъ или другимъ Вашимъ мѣніемъ, которое вы имѣете высказать, связанные неяснѣслимыми послѣдствіями для Церкви. Да просвѣтить же Вашъ умъ и сердце Самъ Пастыречнальникъ, да пощадить Самъ Господь Иисусъ стадо Свое и да защитить его отъ поврежденій вѣры во Имѧ Свое.

Мы же со своей стороны, не довольствуясь тѣмъ, что мы подробно высказали въ «Апологии», считаемъ долгомъ еще дополнительно опровергнуть передъ Вами, Владыка Святѣйшаго, тѣ превратныя миѳы о настъ и о нашемъ исповѣданіи, которымъ усердно распространяются о настъ въ Петербургѣ нашими противниками.

Итакъ, *во-первыхъ*, говорять, что мы обожаемъ самое слово Иисусъ, безотносительно къ тому, кого имъ именуемъ, почему для насъ имъ Иисусъ якобы всегда является Богомъ, хотя бы такъ называли разныхъ другихъ Иисусовъ. Это *совершенная ложь*. Имя Иисусъ есть истина богооткровенная только о единомъ Иисусѣ Христѣ, ибо Онь одинъ есть воистину Богъ-Избавитель, но по отношению къ другимъ Иисусамъ сие имя является про-

стымъ собственнымъ, независящимъ отъ смысла своего, простымъ и текучимъ человѣческимъ именемъ. По Симеону Новому Богослову всякое Имя, кроме именусть Себя Господь въ Писаніи, есть Свѣтъ и Богъ лишь тогда, когда этимъ именуется самъ Богъ.

Итакъ, обвинение настъ въ обоженіи сочетаніи буки *I*исусъ—*есть клевета и ложь*. На какомъ бы языцѣ и какими бы разными звуками Иисусъ не именовался бы, Его истинное Имя всегда останется однимъ и темъ же по богооткровенности Истинѣ, симъ Именемъ выражаемой. Имя Божіе, какъ богооткровенная Истина есть Истина при-
сноживая, никогда не умирающая, присно способная проявлять про-
свѣщающую силу Своего Божества или, иначе сказать, какъ говорить св. Исаїхъ Иерусалимскій въ «Славянскомъ Добротолюбіи», что Имя Иисусово есть Богъ и Владыка (въ русскомъ языцѣ нѣсколько извращенъ переведено). Но явленіе призывающемъ Имя Господне Божества Его во Имени Своемъ всецѣло зависитъ отъ Самаго Бога и Владыки. Такжѣ и степени озаренія и просвѣщенія молящагося.

Итакъ, Истина Божія всегда есть словесное дѣйствіе Его и всегда есть Богъ, но откровеніе и явленіе Бога по Истинѣ Своей сердцу исповѣдующаго сию Истину бываетъ различно и разнообразно: иногда весьма ощутимо, иногда совсѣмъ неощутимо.

Во-вторыхъ—высказывается нѣкоторыми миѳами, будто особое подчеркиваніе того, что Имя Иисусъ Христовъ есть Богъ можетъ повести къ злоупотребленію призывають Имени сего спасительного и обращенія къ Именемъ Иисусъ, какъ бы какимъ либо талисманомъ. Этимъ приправляемъ Имени Иисусова къ талисману мы крайне возмущены. Итакъ, что такое, во-первыхъ, талисманъ? Талисманъ есть совершенно ничего незначащая вещь, какъ, напримѣръ, камушекъ, золотая амулетка или иной какой предметъ, совершенно ничего незначащий, которому суевѣро приписываютъ магическую силу. Къ талисманамъ также принадлежатъ нѣкоторыя заклинательные слова, невѣдомыя для тѣхъ, которые ихъ произносятъ, написанные на хартиѣ, или пергаментѣ и носимы суевѣрами. Но Имя Иисусово можетъ ли когда либо для человѣка, вѣдущаго Христа, быть талисманомъ? Конечно нѣть. Всякій, кто только слышалъ когда о Иисусѣ Христѣ, когда призываешь Имя Его, то очевидно несомнѣнно знаетъ и выражаетъ сознательно или безсознательно, что Именемъ Иисусъ именуетъ Сына Божія, Иисуса Христа, а никакое либо другое лицо.

Итакъ, слѣдовательно, Имя Иисусъ у христіанъ по существу не можетъ быть приравниваемо къ талисманамъ, какъ бы недостойно и нѣкоторыя христіанѣ и не произносили сіе Имя, ибо вѣдущій Христа когда произноситъ Его Имя, то, очевидно, относитъ сіе именованіе къ Самому Иисусу Христу и по сому только и надѣется, что сіе призывають будеть для него спасительнымъ. Другой совершенно вопросъ о достойномъ призваніи Имени Иисусова и недостойномъ, о лице-мѣрномъ призваніи и неподобнѣмъ. Тутъ градации и степени

безконечны. Однако, какъ свидѣтельствуетъ Самъ Господь въ Евангелии, даже не совсѣмъ достойное призваніе Именіи Его творить и творило силы. Почему? Имено, потому, что какъ ни недостойно кто призываѣтъ Имя Господне, какъ бы раздвоеннымъ сердцемъ и умомъ оно этого ни дѣлаетъ, но онъ всетаки относитъ сіе призваніе къ Самому Богу, а не къ другому лицу, и Господь, во Именіи Своемъ сій и дѣйствуй со Отцемъ и Святыми Духомъ, творить силы Именемъ Своимъ.

Итакъ, приравнивать призваніе, достойное, или недостойное, Именіи Иисуса къ талисману—совершенно несправедливо и недопустимо. То обстоятельство, что вѣра иногда приближается къ суетѣю, не есть укоръ истинности объекта вѣры...

Въ третьихъ,—слыхали мы и такое мѣнѣе, распространяющееся про насть, будто мы приравниваемъ призваніе Именіи Иисусова ко Святому Пріобщенію. Дивлюсь, какъ могутъ приписывать намъ то, чего мы никогда и нигдѣ не высказывали. Да и какъ возможно отождествлять одно и другое! Будь такъ, то какая нужда была бы въ установлении таинства?.. Въ таинствѣ причащенія мы восприемлемъ Христа не только духомъ, но и плотью. Въ молитвѣ же Иисусовой мы соединяемся съ Нимъ духомъ и не вновь приобрѣтаемъ Христа, ибо Христосъ нами уже приобрѣтенъ при Святомъ Крещеніи, но исповѣдуемъ Того Самаго Христа, который таинственно живетъ въ сердцѣ нашемъ отъ Св. Крещенія и Который проявляетъ свое присутствие въ настѣ благодатными воздействиими на умъ и сердце наше въ исповѣдѣемся и призывающемся Именіи Своемъ.

Мы крайне возмущены тѣмъ, что одинъ изъ докладовъ былъ порученъ архіепископу Антонію, ибо какъ можетъ быть докладчикомъ Св. Синоду тотъ членъ Синода, противъ котораго возбуждена жалоба въ неправомыслии именно по данному вопросу!

И какъ можетъ быть докладчикомъ о существѣ догматического спора то лицо, которое является именно главою и представителемъ одной изъ пропиравшихся сторонъ? Мы будемъ просить Синодъ объ отводѣ архіепископа Антонія отъ участія, въ обсужденіи его дѣла, какъ явно пристрастнаго къ одной изъ сторонъ. Сообщаемъ Вашему Высокопреосвященству для свѣдѣнія копію съ жалобы на архіепископа Антонія, поданной нами въ Синодъ 2-го апрѣля 1913 года>.

Это письмо архіепископъ получилъ будучи въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ и немедленно отвѣтилъ юродивому Антонію такимъ письмомъ:

Отвѣтное письмо арх. Никона.

«Христосъ Воскресе!

Вечестій отецъ Антоній!

Я имѣю дѣйствительную порученіе просмотрѣть книгу о. Иллариона, но не официально и не отъ Синода, а отъ миссионерскаго

совѣщанія при Св. Синодѣ. Порученіе носить частный характеръ, передано безъ бумаги, безъ указанія срока, почему я не слѣду исполненіемъ. И можетъ быть мой отзывъ будетъ доложенъ и Синоду.

Прежнее письмо Ваше не даетъ миѣ надежды, что Вы отнесетесь съ довѣрѣемъ къ моему мѣнію, если оно не сойдется съ Вашимъ. Пускай же въ безполезномъ словопрѣпіи ни на кую же потребу—жалъ времени.

Отъ души совѣтуя Вамъ раскрыть «Лѣтніцу» и прочитать въ ст. 27 гл. 10—11 и пр. Варсонофія отвѣты 606 и 702.¹⁾ Приложите сіи Богомудрые совѣты къ сердцу и подумайте надъ ними. Не выше ли мѣры взятое Вами дѣло? Между прочимъ—вотъ причина, почему я и медлю выступать печатно по вопросу объ имени Вожемъ. Во всякомъ случаѣ Ваше ученіе въ его формулировкѣ—въ наукѣ богословской—отзываются двоязицю и церковью въ ея вѣроопределеніяхъ не формулировано и не освѣщено.

Еще вопросъ—идеть ли къ сему вопросу ересь Варлаамитовъ? Выступать на улицѣ—въ печать—со своимъ богословствованіемъ прежде рѣшенія церкви, въ наше время небезопасно. Я хочу и свое мѣнѣе провѣрить съ мѣніемъ другихъ архиастерей, болѣе меня ученыхъ и сѣѣющихъ въ Писаныхъ Отцевъ. Но обойду и того, кого Вы такъ неосторожно причисляете къ еретикамъ (т. е. архіеп. Антонія). Истина свѣта не боится. Въ столкновеніи мѣнѣй, подъ условіемъ смиренія, она и выяснится. Только слѣдуетъ горячиться и придираться къ словамъ противника, что нѣцки и дѣлаютъ...

Вы ставите вопросъ на почву настоящую, разлагая его на нѣсколько вопросовъ. Но, поставивъ вопросъ, что такое «Имя», Вы не ставите другого, здѣда ли не болѣе важного: что есть «Богъ», т. е. не опредѣлѣте того, что разумѣете подъ симъ словомъ. А вѣдь затѣмъ Вы оба слова соединяете въ одно предложеніе. Вдумайтесь спокойно въ это. Да вразумятъ Васъ Тотъ, за Имѧ Коего Вы ревнуете: разумна или неразумна Ваша ревность.

Простите. Изнемогаю. И сіе писаль съ отдыхомъ. Миръ Вамъ. Прощу помолиться обо миѣ грѣшномъ.

Епископъ Никонъ.

Вечеръ Великой Субботы, Лавра препод. Сергія. 13 Апр. 1913 г.

Отъ Васъ я не получалъ Вашей книги, изданной М. А. Но-
воселовскимъ. Можетъ быть получена постѣ моего отѣзда».

¹⁾ Совѣты иночамъ не богословствовать.

Второе письмо къ арх. Никону.

«Христосъ Воскресе!

Ваше Высокопреосвященство, Владыка Святый, благословите.

Несказанно благодаренье Вашему Высокопреосвященству за то, что удостоили недостоинство мое Вашимъ отвѣтъмъ. Совершенно справедливо Вы изволили замѣтить пропущенный¹ мною главный пунктъ:

1— Что есть Богъ и 2— Что прилично именовать Богомъ.

Подъ вопросомъ, «что есть Богъ», мы понимаемъ Самое Существо Божие, которое неименуемо, неостигжимо, невидимо, вседѣщуще, всемогуще, всеиздѣлюще, неизмѣняемо, всеволюно, всеблаженно, которое есть Весь—свѣтъ непрѣступный, Весь—любовь, Весь—истина, Весь—жизнь.

Таковъ отвѣтъ на вопросъ: «что есть Богъ». Но Единый Богъ по существу, троиченъ въ Лицахъ, и Единый Богъ, троиченъ въ Лицахъ, есть приснодѣвіи и приснодѣйствіи, въ дѣйствіи Своемъ проявляющій свойства Своего существа.

Поэтому Святыя Церкви, въ виду неотдѣлимости, какъ Ипостасей (другъ отъ друга), такъ и дѣйствій отъ существа Божія, присваиваютъ имъ «Богъ», какъ каждой Ипостаси въ отдѣльности, такъ и энергіями и дѣйствіями Божества, какъ о томъ ясно свидѣтельствуетъ Святый Григорій Палама.

Но которое же изъ всѣхъ дѣйствій Божества есть Самое обычное по отношению къ твари²?—Самое обычное дѣйствіе Божества по отношению къ твари есть словесное дѣйствіе Божества, ибо этимъ дѣйствіемъ Божества міръ изъ небытия въ бытие приведенъ: «Той рече и быша. Той повелѣ и создаша».—Словесное дѣйствіе Божества открыло людямъ вѣчныи истины, которые не суть тварь, но суть вѣчное Божественное дѣйствіе, исходящія изъ существа Божія.

Итакъ, если дѣйствію Божію приличествуетъ имъ «Богъ», то не тѣмъ ли паче имъ «Богъ» приличествуетъ этимъ Божественнымъ именамъ и, слѣдовательно, всякому Имени Божіему? Отмѣтимъ же права именоваться Богомъ за Именемъ Божіимъ, что же есть иное, какъ не Варлаамитское учение, отмѣтшающее Божество дѣйствія Божія?

Вы укоряете насть въ томъ, что мы выносимъ догматический споръ на страницы газетъ. Но такъ ли это? Первая газетная статья объ этомъ спорѣ, въ которой иконы Денасія лживо и клеветнически опровергли весь міръ о томъ, что Оянвайдскіе иконы обоготворяются якобы самыи буквы имени «Іисусъ», была помѣщена 14 февраля прошлаго (1912 года) въ «Колоколь». Мы послали въ «Колоколь» опроверженіе на эту статью, но его не помѣстили. Затѣмъ въ теченіе этого года и въ концѣ прошлаго года въ «Колоколь» появились цѣлый рядъ ста-

тей, принадлежавшихъ перу того же самаго икона Денасія, который совершенно лживо и превратно представилъ весь споръ читающимъ Россіи.

Въ эти статьи были переданы въ редакцію «Колоколя» и пять иныхъ, но самимъ архиепископомъ Антониемъ. Съ нашей же стороны появилось за все это время только единственная статья въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», написанная и подписанная мною. Въ другихъ же газетахъ, еслигдѣ и появились какія либо отзывы въ нашу пользу, то они появлялись совершенно независимо отъ настъ и лишь въ самое послѣднее время, какъ, напр., та статья «Нового Времени», которую я при семъ прилагаю.

Итакъ, кто же вынесъ споръ на улицу: мы или наши противники? Простите Ваше Высокопреосвященство, что пишу Вамъ письмо не своей рукой, ибо заболѣлъ тяжелымъ воспаленіемъ глазъ и находясь въ больнице Александровской общины сестер милосердія Краснаго Креста (Бронницкая 9). Съ этой же почтой посылаю «Апологію».

Еще разъ всеніжайше благодарю Ваше Высокопреосвященство, что вы удостоили меня Вашимъ милостивымъ отвѣтъ.

Остаюсь всеніжайший послушникъ Вашъ, просящий Вашего архиепископскаго благословенія.

Геросхимонахъ Антоній.

17 апрѣля 1913 года.

XII.

Открытое письмо къ архієпископу Никону¹).

(Въ отвѣтъ на его статью «Мое добре слово имъславцемъ»—см. Церк. Вѣд. Авг. 1913 г.).

«Ваше Высокопреосвященство,

Владыко святый!

Прочиталъ я Ваше добре слово къ имъславцамъ и ужасомъ величимъ ужаснулся!

Начинаете Вы Ваше воззваніе слѣдующими словами: «Мое добре слово «Имълавцамъ».

Но Ваше Высокопреосвященство, вы прибыли на Аѳонъ 5-го іюня, а сіе добре слово помѣщено датой 29-го іюня, и когда же хотя одинъ разъ за это время вы обратились къ имълавцамъ хотя бы однимъ добрымъ словомъ? И сіе ваше, такъ называемое, «добре слово», не было вами сказано, но лишь написано къ 29-му іюню,

¹) Было напечатано въ «Дмѣ Отечества», № 36, 1913 г.

т. е. тогда, когда вы уже все подготовили къ избієнню имѧславцевъ и изгнанию изъ ихъ духовнаго отечества. Итакъ это ваше доброе слово могли имѧславцы пропеть только наканунѣ своего избієння... Не было также и другихъ добрыхъ словъ отъ власт на Аeonъ, но, напротивъ, съ первого же шага въ монастырь, вы во всеуслышание сказали: «Они хващаются, что ихъ 3000; если бы ихъ было и 30.000, то мы ихъ не пожалѣли бы!». Съ первого же вашего шага въ монастырь и даже еще до вступленія на Аенскую землю вы предъупредили изгнать имѧславцевъ. Итакъ, сколь же далеко отъ истины это заглавіе, которое вы дали нашему злому слову, исходящему изъ злого и враждебного къ намъ, вашему сердца. Отъ избытка сердца уста глаголять, и могло ли изыти изъ сердца, ненавидящаго имѧславцевъ, «доброе слово» къ имѧславцамъ?.. Но продолжаемъ разборъ. Вы говорите дальше: «Послѣ многихъ увѣщаний, разъяснений, свидѣтельствъ и доказательствъ посредствомъ выписокъ изъ Святыхъ Отцовъ и Учителей Церкви еще разъ обращаетесь къ монашеской совѣтѣ тѣхъ, комъ избрѣли себѣ название «имѧславецъ»... Позвольте, Ваше Высокопреосвященство, когда же и гдѣ происходили эти упоминаемые вами многія «увѣщанія, разъясненія и свидѣтельства»? На Аeonъ вы всего дважды, кажется, сѣѣзжали на берегъ въ теченіи цѣлаго мѣсяця. За эти ваши два сѣѣзда были ли съ вашей стороны какія либо «увѣщанія»? Позвольте мнѣ вѣсть поставить предъ вашей совѣтѣ и спросить: не ультиматумъ ли представили вы имѧславцамъ, требуя отъ нихъ подписи подъ грамотою Патріарха и подъ посланіемъ Синода? Итакъ, похожъ ли такой ультиматумъ подъ угрозою изгнанія изъ Аеона на отеческое увѣщаніе и т. п.? Но вы оправдываете себя предъ человѣкѣ, вѣсть же Господь сердца ваше... Но продолжаемъ разборъ. Вы говорите, что обращаетесь къ нашей монашеской совѣтѣ, дабы мы задали своей совѣтѣ вопросъ: имѣемъ ли нравственное право вѣрить такъ, какъ мы вѣримъ, послѣ многихъ доказательствъ посредствомъ выписокъ изъ твореній Святыхъ Отцовъ и Учителей Церкви, которыхъ вы привели намъ? Помилуйте, Ваше Высокопреосвященство, эти слова ваши проносятъ вскую мѣру неправды! До самаго постѣднія времени со стороны имѧборнцевъ, сторону которыхъ вы взяли, не было представлено ни одного прямого свидѣтельства изъ Святыхъ Отцовъ. Вы изволили написать письмо къ аѳенскими имѧславцамъ около полутора назадъ и на это письмо имѧславцы отвѣтили вамъ цѣльмъ рядомъ неопровергнуемыхъ по ясности выписокъ изъ твореній Святыхъ Отцовъ, доказывающихъ Божество и Божественную силу Имени Божія въ Именіи Иисусова. Позвольте вѣсть поставить передъ лицомъ вашей монашеской совѣтѣ и спросить вѣсть: опровергли ли вы хотя одинъ изъ сихъ текстовъ, какъ напримѣръ, тексты Св. Максима Исповѣдника: «Имя Божіе существеній и ипостасій пребывающее—есть Единородный Сынъ»,—или сей текстъ: «Да соединимъ

Имя Иисусово своему дыханію. Ово бо есть сиѣть, тѣ же тьма, и ово (т. е. Имя Иисусъ) есть Богъ и Владыка, тѣ же (т. е. помыслы) раби бѣсомъ?» Вы изъ слова не могли изразить противъ этихъ текстовъ. Почемъ же вы требуете съ насъ, чтобы мы, имѣя такій непреложный свидѣтельство о Божествѣ Имени Иисусова и Имени Божія, такъ уступчиво и легко отреклись бы отъ сихъ великаго авторитетныхъ словъ Святыхъ Отцовъ Церкви и прияли бы мудрованіе ваше и архиепископа Антонія Волынскаго, вовсе и не бывалое, что Имя Божіе лишь номинально? Но вы, совершенно игнорируя сіи тексты, которые вы не могли не знать, ибо имѧславцы вами изъ нихъ привели въ свое первомъ къ вамъ письмѣ, вы нынѣ, предъ лицомъ человѣческимъ, предъ лицомъ читающихъ газетъ россиянъ, выставляете себя, якобы засыпавшимъ имѧславцевъ цѣлою кучею доказательствъ изъ Святаго Писанія, а имѧславцевъ выставляете, якобы упорно отстаивающими свою безмыслиенную догму. Да, оправдываете вы себя передъ человѣкѣ, но Богъ вѣсть тайна сердца! Вѣсть Богъ, что въ данномъ случаѣ происходит совершение противного: имѧславцы стоятъ на непоколебимомъ кампѣ святоотеческаго ученія, а имѧборцы вмѣсто камня изобразили мнимый камень, какъ декорацию, на которую и опереться нельзѧ, ибо приводимыя слова къ дѣлу не относятся... Чтобы не быть голословными, возьмемъ два вашихъ самыхъ сильныхъ текста: «Богъ не есть имя». Изъ этого текста, дѣлая перестановку первого слога съ постѣднімъ, вы мните получить вашъ красноголовый камень—что, «Имя Божіе—не Богъ». Позвольте вѣсть спросить, то же ли самое сказать: «Финский заливъ есть Балтийское море», или «Балтийское море есть Финский заливъ»? То же ли самое сказать: «Солнце есть лучъ», или «Лучъ солнечный, есть солнце», или «Я получить солнечный ударъ», и т. п., называя «солнцемъ», не самое солнце, но восприемлемымъ наименемъ луча его? Но разѣ это значить, что называя лучи солнечнымъ солнцемъ, мы тѣмъ самымъ называемъ самую сущность солнца лучемъ?.. Ужелъ кто воспротивится тому, чтобы мы называли солнцемъ лучи солнечные на томъ основаніи, что «солнце не есть лучъ»? Тоже и въ данномъ случаѣ: не обѣ имени были рѣчь у Святыхъ Отцовъ съ еретиками, но о сущности Божества, которую еретики мнили возможными именовать, вотъ почему Св. Отцы и сказали, что «Богъ не есть имя». Этотъ текстъ непреложно признаемъ и мы, признаемъ, что онъ ничуть не противорѣчить другимъ текстамъ Святыхъ Отцовъ, устанавливающихъ Божество Имени Божія¹⁾...

¹⁾ Приведенный текстъ: «Богъ не есть Имя»—подложенъ, какъ выражаются, когда пряди контекстъ, ибо въ немъ Св. Густинъ утверждаетъ только, что слово—«Богъ», не есть имя собственное, но нарицательное. Эти слова выписаны изъ фразы, которая искл. оправдываетъ митий имѧславцевъ и опровергаетъ митий имѧборцевъ. Смотри: «Св. Мученикъ Густинъ объ Имени Божіемъ», Издательство «Исповѣдникъ», стр. 27.

Но вы имъете смѣлость, игнорируя обличенную нами совершенную бездоказательность вашихъ текстовъ, говорить намъ слѣдующій слова: «Со стороны смотрѣть на васъ страшно... По братски вѣсъ сердечно жалъ...»—О, Ваше Высокопреосвященство, если бы вамъ было сердечно наше жалъ по братки, то, конечно, не залили бы вы братской кровью всей дороги отъ монастыря до пристани и не заставили бы томиться столько брати въ темпѣцѣ только за то, что кто либо, когда либо возразилъ вамъ или г. Троцкому... Если бы вамъ было «по братски жалъ», то, конечно, не выкинули бы вы безъ суда и слѣдствія изъ духовнаго отечества столько сотъ чадъ Матери Божией, искренно и безкорыстно ревнующихъ объ Имени Господнемъ. Вы говорите дальше, «хочется прятнуть намъ руку помоющи, чтобы извлечь вѣстъ изъ пропасти мудрованій еретическихъ, но что дѣлать съ вами, когда вы затыкаете уши, чтобы не слышать, закрываете очи, чтобы не читать обличеній этихъ мудрованій...» О, Ваше Высокопреосвященство, помилуйте, наоборотъ, мы пишемъ свѣта, *призываючи вѣтъ къ спасу святоотеческихъ книгъ*, чтобы отѣлить истину отъ неправды, и видимъ съ вашей стороны и со стороны всѣхъ судей нашихъ упорное нежеланіе, ни насть выслушать, ни прощестъ даже то, что мы написали, ни произвести разслѣдованія исторіи вс资料... Мы многократно вспомнили и въ уши Святѣшаго Патріарха и въ уши Святѣшаго Синода, чтобы разсудить нашу съ архиепископомъ Антоніемъ про, но насть не только никто не послушалъ, но поставили архиепископа Антонія нашимъ же судьбѣ въ спорѣ семи! Вы говорите: «Мы умоляемъ вѣстъ словомъ любви—вы не слушаете?» О, Ваше Высокопреосвященство, когда же вы насть умоляли хоть разъ «словомъ любви?» Вы говорите: «Мы раскрываемъ передъ вами богоумырія писанія Св. Отцоў,—вы не хотите читать ихъ?»—Помилуйте, Ваше Высокопреосвященство, какъ разъ наоборотъ: мы весьма внимательно не только прочли все то, что вы писали объ Имени Божиѣмъ, но и на каждое писаніе ваше и сущихъ съ вами письменно отвѣтили, но вмѣсто всякоаго

«Православная Церковь о почитаніи Имени Божиѣго», стр. 126. На несмѣнѣ протяженіи своихъ сочиненій св. Гурий не только пытѣтъ подтвердить мнѣніе имѣборцевъ, будто Имя Божиѣ есть вомѣшательство, тварность и бездѣлствіенный чудесаъ и таинства символъ, но, изоборотъ, самыя католическими образомъ утверждаетъ, что: «Истина есть Богъ», называя «Богомъ»—вѣстъ Божиѣнныи религіозно-прѣстивенная истина, какъ лучи Божиѣнного откровенія. Противоположно мнѣборцевъ онъ настоятельно повторяетъ свидѣтельства о неподѣльности и непостижимости свѣтили Иисусу, при чёмъ утверждаетъ, что Имя «Иисусъ» принадлежало Богу предѣдо, ибо объ этомъ Самъ Господь засвидѣтельствовалъ, перенменованъ изъ «Иисуса» сына Навини и названъ пріимѣніемъ сіе «Монимъ». Онъ отирается, что слово этого Имени, которое было во главѣ браны, совмѣстно съ словомъ Креста, которое изображалъ Монимъ въ тылу. Аналитикъ былъ побѣженъ. Такоже непреложно свидѣтельствууетъ онъ о дѣлѣнности Имени Господня въ таинствахъ, что рѣзантѣльно отрицаютъ имѣборцы.

возраженія на нашъ отвѣтъ вы новѣльясте намъ закрыть богоумырія писанія Святыхъ. Отцоў, якобы содержащихъ въ себѣ мнѣнія ошибки и перестать читать ихъ, все замѣнивъ лишь однѣмъ слѣдующимъ послушаніемъ и смиренiemъ, о чёмъ явствуютъ слѣдующіе ваши слова: «Смириться передъ церковью... Сожгите всѣ свои тетрадки...» Но, Ваше Высокопреосвященство, въ тетрадахъ именно заключаются лишь слова Святыхъ Отцоў, т. е. тѣ самыя богоумырія писаній, о коихъ вы говорите выше... И такъ, что же пытѣтъ васъ упорно закрывать уши? Мы вамъ отвѣтимъ на ваши тетрадки словомъ богоумырія писаній, вы же, не будучи въ силахъ опровергнуть нашихъ положеній, требуете, чтобы мы сожгли наши тетрадки, но въ Одесѣѣ вы съ насилиемъ отнили у монаховъ ихъ собственныи, на собственныхъ деньгахъ приобрѣтеныи творенія Святыхъ Отцоў, разрѣшенныи цензурую!.. Скажите, почему же вы сочли нужнымъ сіе сдѣлать? Ясное дѣло, потому что богоумырія писанія Святыхъ Отцоў обличаютъ ваше неправое мудрованіе объ Имени Божиѣмъ... Но не буду продолжать разбрѣ... Въ порыѣ горячности я могу сказать какое либо неосторожное слово, скажу лишь слѣдующее: вы многократно обращаетесь къ совѣсти нашейъ, ставите насъ предъ лицемъ нашейъ совѣсти, вопрошающе нашу монашескую совѣсть,—на всѣ эти вопросы, положивъ руку на сердце и призваніи Имени Господне во свидѣтельство, скажемъ вамъ: аще что и сохрѣшихомъ, яко человѣкъ, но чиста наша совѣсть въ чистосердечности исповѣданія именіи Боже тва Имени Божиѣ! Чиста наша совѣсть въ убѣждѣности въ томъ, что, воинству, согласно съ Святыми Отцами мудрствуемъ мы объ Имени Господа Иисуса Христа, и сія убѣждѣность и легкость совѣсти дасть намъ все сие дерзновеніе идти на столькіи и еще большіи бѣдствія ради Имени Господня и чистоты православія, которое ищетъ благодаřи архиепископу Антонію и въамъ грозитъ въ Россїи *померкнутъ!*.. Господи, вразуми Святѣшай Церковныхъ во время опоминіться и основательно разобрать вопросъ, оставилъ на сторонѣ всѣхъ личныхъ самолюбія... Вы спрашиваете: «Кто убѣдить вѣстъ въ истинности вашего мудрованія?» Прилагаю вамъ при семъ москѣ открытомъ письмо тѣхъ, комъ убѣждаютъ насть въ истинности вѣрию то, что воинстину Имя Божиѣ есть Самъ Богъ и Сама Божественная сила, неотдѣлимая отъ существа Божиѣ, отъ котораго она исходить, какъ лучь исходитъ отъ солнца. Обращаемся къ вашей монашеской совѣсти и нашими же словами говоримъ вамъ: «Честно ли рвать листки наши, или бросать не читанія?»

Предостерегаемъ вѣстъ вашими же словами: «Страшно есть виши изъ руцѣ Бога Живаго... Вспоминаясь вѣмъ, Ваше Высокопреосвященство, что каждое слово сего вашего «Добраго слова» будетъ положено на гѣсы предъ Всемирнымъ Судією, и взѣшено до тонкости, и испытано будетъ: изошли ли слова пелицемъ

изъ усть вашіхъ или лицемѣро, а если окажется послѣднєе, то оправдать вамъ себя предъ Богомъ не такъ будеть легко, какъ оправдаться предъ людьми... Забыть человѣкоблюди Божіе, вы, желая выдернуть изъ скользкой стѣблей плевеловъ, вырвали и выкинули вонъ ст грядки изълъ посѣль!.. Тысячу монаховъ, которыхъ ни кто иной, но Сама Матерь Божія собрала въ Свой Удѣлъ, ни изгнали безчеловѣчно жестокую рукою:.. О, Ваше Высокопреосвященство, не для нась страненъ судъ Божій, но для вѣстъ! Какой отвѣтъ дадите вы предъ Владыкою и предъ Матерью Его, вы, пастыры, не пощадившій стада? Какой отвѣтъ дадите вы Владыка, вы, домостроитель, и изгнавший рабовъ Владыки?...

Въ заключение нашего «доброго слова», вы, Ваше Высокопреосвященство, обращаетесь къ намъ съ мольбою: «Не раздѣлите ризы Христовой». Но позвольте спросить Ваше Высокопреосвященство, о комъ изрѣкъ Самъ Христосъ эти слова? Не обѣ Арии ли? Но кто же изъ насть двухъ, осмѣясь спросить, болѣе похожъ на Ария и арианъ? Имяславцы или имѧборцы? Имяславцы исповѣдуютъ неотдѣлимость Имени Божія отъ Бога и исповѣдуютъ Божественное достоинство Имени Божія, а имѧборцы отрицаютъ неотдѣлимость Имени Божія отъ Бога и отрицаютъ Божественное достоинство и силу Имени Божія. Итакъ, въ имѧславиахъ нѣтъ абсолютно никакого сходства съ арианами, а въ имѧборцахъ какъ будто бы есть, и немало: ариане не считаютъ возможными допустить называть Иисуса Христа Богомъ на томъ основаніи, что Богъ непрступенъ, невидимъ, непостижимъ, неименуемъ, а Христосъ былъ среди насть совершенный человѣкъ; имѧборцы же, подобно арианамъ, не считаютъ возможными признать Божество именемуемаго въ людяхъ Имени Божія и Имени Иисуса, ибо всяко Имя Божіе на языкѣ человѣческомъ есть совершенное слово человѣческое и, следовательно, по мыслию имѧборцевъ, не можетъ быть иносиломъ Божества. Итакъ, Ваше Высокопреосвященство, не къ намъ, но скорѣе къ вамъ относятся эти слова о раздѣлании Ризы Христовой.

Смиренно прося простить миѣ вѣкувъ рѣзкость и прямоту моихъ выражений изъ сихъ воцѣль моихъ о правосудіи къ архипастырамъ Россійскаго стада и къ овцамъ—собратіямъ во Христѣ, къ чemu меня вынуждаютъ не мои личныи побужденія, но величайшая важность истины, я еще разъ предлагаю вниманію Вашего Высокопреосвященства многочисленные Святоотеческіе тексты, на которыи опираемся мы, имяславцы¹⁾. Просимъ Ваше Высокопреосвященство

¹⁾ Тексты эти были переданы въ 1914 г. въ книжкѣ: «Православная Церковь о почитаніи Имени Божія и о Молитвѣ Иисусовской». Желающіе ближе познакомиться съ богословскою стороною арианской распри, пусть прочтутъ наше послѣднее сочиненіе, которое печаталось въ «Миссіонерскомъ Обозрѣніи» №№ 5—6, 7—8, 9—10 и дальше, и вымѣстъ некоторой отдѣльной книжкѣ подъ заглавіемъ «Оправданіе Вѣры въ Небѣдимое, Непостижимое, Божественное Имя Господа нашего Иисуса Христа».

щество сопоставить эти тексты съ текстами имѧборцевъ и, поставивъ себя предъ лицемъ Божіимъ, сказать: ужели послѣ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ возможно сомнѣваться въ томъ, что Церковь иконы вѣровала въ Имя Божіе и во Имя Иисусово, какъ въ Самаго Бога и вѣровала, что оно есть Божество, или какъ мы говоримъ Самъ Богъ и Божественная Сила. Конечно, сіе не относимъ мы ни къ имѧнчертанію, ви къ имѧзвучію.

Недостойный и грѣшный иеросхимонахъ Антоній.

20 августа 1913 года д. Луцковка, Харьковской губ., Лебединскаго уѣзда.

XIII.

Открытое письмо къ игумену Пантелеимоновскаго монастыря архимандриту Мисаилу¹⁾.

«Ваше Высокопреодобие, отець архимандритъ Мисаиль.

Въ вашей всеподданнейшей телеграммѣ вы изволили назвать всѣхъ изгнанныхъ вами иконою обители: «сектантами и революционерами». Осмѣялью спросить, кто и что для вами право такъ называть имяславцевъ въ официальныхъ сношеніяхъ? До сихъ поръ, несмотря на наше разномысліе съ Патріархомъ и Синодомъ по вопросу обѣ Имени Божіемъ, мы, имяславцы, не отлучены отъ Православной Церкви, и посему вами слѣдовало, по крайней мѣрѣ, погодить насъ называть такъ до тѣхъ поръ, пока мы будемъ официально такъ называны; но, повидимому, ни Святѣйшій Патріархъ, ни Синодъ, которые вовсе не дышатъ твою еретическою ненавистью, кою дышите вы и зараженные вами архиепископы Антоній и Никонъ, совсѣмъ не имѣютъ намѣренія насъ отлучать отъ Церкви и причислять къ сектантамъ, но, изобразить, все чаще и чаще начиная выскакивать мысли, что сей догматический споръ можетъ быть разрѣшѣнъ Всероссійскимъ Соборомъ. Итакъ, да падеть же это имя «сектантъ» на вашу собственную главу, какъ иѣкогда имя «идолопоклонники», коимъ иконоборцы клеймили православныхъ исповѣдѣковъ и почитателей святыхъ икона, падо на ихъ-же главу, и минувше себя около двухъ стотѣтъ православными: и царї, и архіереи, и ученые, и пгумени, и вскии властныи лица,

¹⁾ Напечатано было въ «Дѣлѣ Отечества», № 35, 1913 г., по поводу слѣдующаго содержанія телеграммы игумена Мисаила на имя обѣръ прокурора Собора: «Почти-тѣльмъ просимъ Ваше Высокопреосвѣдѣтельство повергнуть къ стоянѣ. Его Императорскаго Величества нашу усерднѣшую благодарность за основображеніе наше монастыря отъ грозившей ему со стороны революционеровъ и сектантовъ опаснаго разоренія. Наставьте Русскаго монастыря Св. Пантелеимона, архимандритъ Мисаиль съ братіей».

яро преслѣдовавшій мечеть и отнемъ почтателей иконъ, нынѣ предаются ежегодно и Недѣлю Православія—аноемъ! Сія участь грозитъ и вамъ, и всемъ имѣющимъ, ибо знайте, что вы находитеесь подъ пятю азмою противъ Варлаама и по учению вашему мы несомнѣнно принадлежите къ вардалианамъ, хотя Синодъ сего и не призналъ, вслѣдствіе поверхности сдѣланнаго имъ разбора.

Во-вторыхъ, кто же вамъ дать право называть настъ «революціонерами»? Это ли есть революціонеръ, который подъ нестерпимой струей пожарныхъ рукавовъ, направленныхъ въ лицо въ упоръ, стоитъ съ иконами и съ портретами царствующаго дома въ рукахъ, безоружно, неподвижно и волѣть ко Господу? Это ли революція—справедливое желаніе сѣмѣнъ негодного игумена (простите, что я такъ васъ называю) и выбрать другого, достойнѣйшаго? Это ли революція—справедливое желаніе, чтобы вместо безконтрольнаго владѣнія вами кассовъ, быть бы установленъ контроль и ключи отъ кассы были бы раздѣлены? Слово революціонеръ означаетъ противника существующаго государственного строя. Но таковыми по всей справедливости есть вы и единомысленные съ вами, по крайней мѣрѣ, это можно сказать о глаузахъ вашей имѣбарской партии, либо всѣмъ на Аѳонѣ извѣстна ихъ антидинастическая проповѣдь въ 1905 году. Теперь ваши глаузы задѣлались монархистами, что же касается до насъ, то мы никогда ими быть не переставали и не перестанемъ! Итакъ, да надѣтъ и сѣ имъ «революціонеръ» на вашу собственную главу.. *Нашъ Великій Государь* весьма премуро отвѣтилъ на вашу безумную телеграмму: «Желаю Пантелеимоновскому монастырю мира, чиншы и благочестія». Присоединяемся и мы самыи искреннѣмъ образомъ къ сему благопожеланію, но, увы, оно не исполнимо, ибо вы отреклись отъ Имени Иисусова и посему же можете не вѣрь пребывать ни миръ Христовъ, ни тишина добродѣтелей, ни благочестіе вѣры. Гдѣ ваши старыи подвижники? Вѣтъ изгнаніи! Гдѣ самые теплые, горящіе вѣрою христолюбцы? Вѣтъ изгнаніи! Вѣтъ лучинъ монахъ отъ вѣста ушли и отригли прахъ отъ ногъ своихъ, и сей прахъ будеть свидѣтельствовать противъ васъ изъ двери судиинъ, а также и кровь, безвинно пролитая вами! Итакъ, если угодно, продолжайте настъ хулить и поносить и клеймите всячими поносными именами, вы болыше отъ настъ возраженія не услышите, но только знайте, что: *осталяется дѣмъ вашъ пустынъ*—долже же не исповѣдуете Божества Имени Господи, и не речете: «Благословенъ Грядый во Имя Господи», и не исповѣдуете, что Имѣнь Господинъ именуетъ Себя—Самъ Господъ, настъ благословенныи Богъ Иисусъ Христосъ, называемыи по толкованію Максими Исповѣдника не только «Словомъ» Божімъ, но и «Именемъ» Божімъ. Продолжайте настъ поносить, но только знайте, что этии вы настъ вѣни сплетаете, по реченному: «Блажени есте, егда поносите вамъ и иже-

путь и рекутъ всѣхъ золь глаголъ на вы лжуще мене ради, ради теси и вѣселишеся, яко мѣда вата много на небесахъ».

Истинный сынъ Церкви и Отечества, причисленный вами къ сектантамъ и революціонерамъ, іеросхимонахъ Антоній.

16 августа, 1913 года, д. Луцкова. Аминъ!

Общий видъ Русского Свято-Андреевского Скита на Аѳонѣ, украшенного въ значительной части на средства собранія архимандритомъ Давидомъ. Великолѣпный соборный храмъ построенъ главнымъ образомъ на жертвы его ученика миллионара Иннокентія Сибирякова.

Примѣчаніе автора.

Вѣтъ здѣсь приложенія сочиненія, написаныи, мною въ 1912—1913 г. на Аѳонѣ, нынѣ утратили свое полемическое значеніе. Ибо съ одной стороны имѣборы иѣсколько измѣнили свою позицію въ этомъ спорѣ, и такихъ грубыхъ и неѣлѣвыхъ хуленій на Имя Господи больше не говорятъ, съ другой же стороны и эти мои сочиненія, будучи сѣмью написаныи при сильной слабости глазъ, не могутъ считаться вполнѣ совершенными по формулировкѣ мысльй, и могутъ дать поводъ къ небезосновательнымъ придѣлкамъ.

критикъ. Поэтому я ихъ исчатаю главнымъ образомъ ради исторического ихъ значенія. Однако, несмотря на пѣкоторыя частныя несовершенства, во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ неизмѣнно развивается одно и тоже основное положеніе имѣславцевъ, которое мы продолжаемъ развивать въ послѣдующихъ нашихъ сочиненіяхъ, а именно: что: 1) Имя Божіе и Имя Господа Иисуса Христа есть сущая (реальная) Святиня, а не поминальная, которая Свята объективно, а не только какъ священный символъ — субъективно, т. е. сама въ себѣ, а не только въ тѣхъ, которые читать Имя Божіе ради напоминаній о Богѣ, какъ-то хотѣть установить имѣбцы, желающіе приравнить Имя Господне прочимъ священнымъ символамъ. 2) Имя Божіе есть Божественное откровеніе и въ этомъ смыслѣ оно есть Его Божественное дѣйстіе, которое и обладаетъ Божественнымъ достоинствомъ и можетъ именоваться какъ таковое — «Богомъ». 3) Молящійся долженъ относиться къ Имени Господню, какъ къ Самому Богу, ибо въ немъ духомъ и истиной онъ сооприкасается Самому присущему Имени Своему, неименуемому въ сущности Своей, но познаваемому въ свойствахъ Своихъ Богу. 4) Имя Господне не есть бездѣйственный символъ, какъ-то утверждаютъ имѣбцы, но Божественная сила, дѣйствующая и въ чудесахъ и таинствахъ совмѣстно съ силой Духа Святаго о благоволеніи Отца. — «Живу Азъ и присно живетъ Имя Мое»¹⁾.

Желающіе ближе познакомиться съ богословскою стороною аоинской распри, пусть прочтутъ наше послѣднее сочиненіе, которое печатается въ Миссионерскомъ Обозрѣи въ № 5-6, 7-8, 9-10, и дальше и выйдетъ въ скоромъ времени отдѣльной книжкой подъ заглавиемъ: «Оправданіе Вѣры въ Непобѣдимое, Непостижимое, Божественное Имя Господа нашего Иисуса Христа»

Богословскій Академіи.

¹⁾ Числ. 14, 21.